

НИК. ГОРЬКАВЫЙ

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

ВОЗВРАЩЕНИЕ АСТРОВИТАНКИ

Астровитянка

Николай Горькавый
Возвращение астровитянки

«АСТ»

2010

Горькавый Н. Н.

Возвращение астровитянки / Н. Н. Горькавый — «АСТ»,
2010 — (Астровитянка)

Заключительная книга трилогии «Астровитянка». Никки, космический Маугли, и ее друзья строят город своей мечты, а попутно – управляют миром и решают проблему: как сделать счастливым каждого достойного человека Земли и ее окрестностей. Развернутая перспектива владений императрицы Никки – венерианские аэростаты, метановые моря Титана, металлические туманы и «электрические драконы», а также полная приключений, беспощадная борьба Добра со Злом. Мир «Астровитянки» по-прежнему научно достоверен и полон приключений, требующих от героев твердости духа и быстроты мысли.

Содержание

Пролог нового тысячелетия	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	65
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Николай Горькавый

Возвращение астровитянки

© Ник. Горькавый, 2009

© ООО «Астрель-СПб», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Т.

Пролог нового тысячелетия

«Сентябрьский день был чудесен – синее небо, тепло, но не знойно. Редкий случай, когда можно ехать в машине на скорости шестьдесят миль, с удовольствием выставив в открытое окно локоть или ладонь. Воздух на такой скорости упруг, как медуза, и скользит между пальцами, перебирая их.

Прямое шоссе шло на восток, рассекая сонные поселки, разрезая капилляры местных дорог и выщипывая из них разноцветные автомобили в единое артериальное течение. Двадцать стремительных минут – и пятижильный поток упирался в городское кольцо, сгущаясь в длинный тромб.

Утренняя пробка была стабильной, как часы, спокойной и привычной. Она пахла ранним кофе и свежими рубашками, сочилась звонками телефонов и бодрими интонациями радиокомментаторов, вздрагивала от скрипа зазевавшихся тормозов.

Она была пучком мировых линий, густо стиснутых в бетонном пространстве, приятно привязанных друг к другу утренним временем.

Раздавленные на скорости насекомые усеивали лобовые стекла и автомобильные капоты, раскалённые солнцем и моторами. Крупные синие стрекозы ловко скусывали с капотов битую копчёную мошку, грациозно пританцовывая в воздухе.

Белохвостый олень с любопытством высунулся из зарослей, посмотрел на дорогу, забитую автомобилями, и равнодушно отвернулся. Всякому ясно, что ползающие кусты, которые так дурно пахнут, должны быть совершенно отвратительны на вкус.

Старенький автомобильный кассетник подпитывал солнечный пейзаж могучей итальянской энергией Челентано. Я опаздывал на работу, но не настолько, чтобы нервничать по этому поводу. Последняя часть дороги была самой приятной, с зелёными откосами в ромашках и тихими пригородами за высокими придорожными стенами.

Весной здесь всё в вишнёвом цвету.

По-совиному ухнул над головой последний мост, и я свернул в Росслин – деловой центр на столичной окраине. Несколько привычных поворотов – с уступанием дороги и с взаимным раскланиванием с пешеходами – и я въехал в подземный гараж.

Нашёл место неподалеку от красавца „бентли“, зашёл в лифт и нажал кнопку десятого этажа.

Странно – никого в кабинетах не было. Я двинулся на голос диктора, доносящийся из конференц-зала, и нашёл всех сотрудников перед экраном.

И сентябрьский погожий денёк превратился в кошмар.

Телевизор показывал горящий небоскрёб. Вскоре вспыхнул второй – рядом.

Мозг лихорадочно подсчитывал возможное число обитателей стоэтажных громадин и приходил к кошмарному выводу, что катастрофа может быть сравнима с Хиросимой. Глаза в ужасе фиксировали все подробности и поймали момент, когда край небоскрёба дрогнул и посыпался вниз. За считанные секунды сколлапсировал весь параллелепипед, взметнув вверх цементно-пылевой смерч. Крик прокатился по комнате и по всему миру, наблюдающему мгновенную смерть тысяч людей.

Вскоре рухнул и другой небоскрёб, и ещё многие сотни душ присоединились к чёрному облаку, висящему над густонаселённым островом.

Что происходит?! Кто это сделал?!

Это ещё был не конец кошмара.

Над нашим зданием самолёты часто заходят на посадку в ближайший аэропорт. Но этот „Боинг“ пролетел слишком низко и быстро, с громким гулом. Его брюхо мелькнуло над самой

головой. И над крышами зданий, за которыми скрылся странный самолёт, появился чёрный клуб дыма. Это уже была не телепередача, это уже горела столица...

В воздухе стойко пахло войной.

Около одиннадцати часов объявили эвакуацию учреждений. День по-прежнему был погожим, но уже совершенно неправильным. Движение транспорта в центре города перекрыли. Чиновники и бизнесмены – в галстуках, пиджаках и с кейсами – выбирались из города по мостам, не спеша, без паники. Как будто весь город вышел подышать свежим воздухом, вот только в воздухе стоял дым от сгоревших человеческих жизней.

Гражданские самолёты больше не летали, зато в голубом небе с ревом носились военные истребители.

Так началось новое, третье тысячелетие.

Я стоял у места взрыва, дышал пеплом сожжённых душ – и они остались во мне навсегда.

С тех пор я бессознательно боюсь низко летящих самолётов.

С тех пор я сознательно думаю о терроризме, пытаюсь понять его генезис.

Я был со своей семьей в той самой башне. Но мы не сгорели, не прыгнули с карниза, не расплылись среди бетонной крошки – мы побывали в небоскрёбе за несколько месяцев до его крушения. Поднялись на крышу в кафе, выпили по бумажному стаканчику кофе на самой вершине человеческого мира, посидели на лестнице с металлическими перилами. Ступеньки спускались в никуда – просто к огромному стеклу, за которым раскинулся ночной, светящийся, звенящий, смеющийся город.

Вскоре это уютное кафе покосится и устремится в историю, ломая перила, как руки.

Несколько секунд невесомости, присущей космическим кораблям, вышедшим на финишную орбиту.

Удар! – и тысячи испуганных и одиноких людей умерли.

Густое облако праха и цемента покрыло оставшихся в живых, город и мир.

Мы остались там навсегда – на вершине той башни. Рухнувшей и вечной.

Терроризм стал частью нашей жизни.

Вскоре столичных жителей стали обстреливать невидимые снайперы. Убивали всех, потому что все были врагами: женщина, вышедшая из магазина с покупками; мужчина, отец шестерых детей, заправляющий машину на бензоколонке; тринадцатилетний школьник, идущий домой. Как страшно жить тем, у кого столько врагов.

Каждый вечер я включал радио, чтобы узнать – кого и где сегодня убили снайперы? Географию очередного кровопролития нужно было деловито учитывать при возвращении домой, так как после каждого убийства ближайшие шоссе перекрывались в поиске убийц. И тысячи людей проводили в автомобильных пробках долгие часы; измученные, съезжали на обочину и засыпали.

Это длилось три недели. Люди стали бояться открытых пространств, не решались выйти из машины, чтобы залить в бак бензин. Напряжение росло – именно этого и добивались террористы.

Но кого они запугивали своей жестокостью? Своих врагов или своих союзников? Или просто наслаждались свободой насилия, разрешённой и даже благословлённой собственной системой ценностей? Торговали ли здесь чужим страхом или питались им?

Я много думал о социологии террора, психологии террористов и их жертв, одной из которых оказался и я. Так появилась эта книга „Бизнес терроризма“, где я прихожу к выводу, что терроризм направлен не наружу, а вовнутрь. Его главная цель – не месть внешним врагам, а укрепление положения во внутренней среде союзников. И лишь второстепенной целью является удовлетворение своей злобы.

Террором нельзя победить страну с ядерными ракетами – ведь ты и твои союзники живы только до тех пор, пока она всерьёз не рассердится.

Зато пролитая кровь скрепляет – особенно чужая. Друзья и финансисты террористов становятся соучастниками преступления: они привязаны к нему, боятся за себя, поэтому и держат для террористов кошелек открытым. Они могут радоваться победам над чужаками и иновверцами, но на самом деле – это победили их самих.

Друзья террористов являются главными жертвами терактов.

Насколько устойчива и распространяема бизнес-модель терроризма? Полагаю, что здесь применима аналогия...»

Раздался стук в дверь.

Глава 1

Контратака императора

В кабинет зашёл Джерри. Никки отвернулась от экрана и посмотрела на него.

– Что ты читаешь?

– Старинную книгу о природе терроризма.

– Идём обедать, я придумал отличное блюдо из тушёной рыбы с картофелем под сыром.

А почему ты заинтересовалась террористами?

– Хочу понять короля Дитбита.

– Он террорист, вне всяких сомнений... И взрыв в Шрёдингере – теракт.

– С юридической точки зрения – конечно, но с психологической есть существенная разница между терактом от имени религиозного или этнического сообщества и ударом, которым пытаются нейтрализовать опасность для себя и своей семьи.

– И зачем ты об этом думаешь?

– Потому что король Дитбит всё ещё в бегах – уже много месяцев. И всё ещё опасен. Такого врага нужно понимать – тогда легче предвидеть его действия. Полагаю, что у Дитбита психология не обычного террориста, а мафиозного главы семейства. Семья для него важнее денег и союзников. Сейчас он – самоотверженный защитник своего клана, а не лидер большой общины идейных последователей, которую нужно сплотить.

– И что из этого следует?

– Пока не знаю... – вздохнула Никки. – Пошли есть твою замечательную рыбу.

Они сидели за столом причудливой конфигурации, в небольшой башне, прилепившейся к стене нового замка династии Гринвич. Оконное стекло пересекало плоскость стола и открывало вид на цветник, который обещал стать главным блюдом в меню. Стояла лунная ночь, и цветник, где работали двое садовников, ярко освещался лампами.

Сам замок был ещё не готов – лишь на одной его стороне светились окна жилых башен и служебных этажей. Основное здание только строилось, а вокруг него уже возникла сеть хрустально чистых шестиугольников – вместе с замком рос целый город – Гринвич-Сити.

Никки быстро съела рыбу, а за чаем снова рассеялась вниманием, задумалась над чем-то сложным.

– Над чем размышляешь? – спросил Джерри.

– Вокруг нас море несправедливости. Мне хочется, чтобы его было поменьше, но всё так запутано... Помнишь, как мы раздобыли денег, вступив по владению астероидом? Этим занимался Дименс, и я не знала многих деталей. Оказывается, далеко не всегда эта процедура проходит гладко. Хуже всего дело обстоит на Титане, где много индивидуальных старателей и владельцев шахт. Там судебные решения по регистрации участков так затягиваются, что это каким-то малопонятным образом приводит к частым смертям и банкротствам среди поселенцев. Судьи очевидно подкуплены, но неясно, как с этим бороться, – ведь они формально ничего противоправного не совершают, просто работают так, что создали многомесячную очередь на повторное рассмотрение регистрации участков... Чепуха какая-то, но кому-то она стоит жизни...

Никки нахмурилась и сказала:

– Я не понимаю, как сделать человечество более человечным и менее злобным. Чем технологичнее мир, тем больше трагедий может принести чья-то агрессия или тупость. Инфраструктура современного общества стала сложной и уязвимой. Достаточно небольшого коли-

чества психов или преступников – и жизнь превращается в кошмар. А в мире нет места без идиотов. И что делать с этими несчастными людьми?

Джерри хмыкнул:

– Забавно, что ты об этом заговорила. Потому что это близко к «проблеме торможения», над которой мы с Хао сейчас бьёмся. Точка «бифуркации бессмертия» пройдена, и нужный поворот истории сделан. Мы с Хао пытаемся получить более детальный вариант событий в рамках уже известного канала событий. И выяснили: чем дальше мы двигаемся по линии эволюции, используя имеющиеся технологии четвёртого уровня, тем меньше становится вероятность нужных нам преобразований. То есть теоретически они осуществимы, а практически... Мы ещё не до конца разобрались в причинах этого – поэтому я и не спешил рассказывать тебе об этой закавыке. Но очевидно, что главным тормозом эволюции является не техника, а люди. Чем лучше жизнь, тем больше они теряют интерес к труду и творчеству. Незрелым людям для счастья достаточно еды, секса, легальных наркотиков, удобного жилья и необременительной ненависти к ближнему. Такая ограниченность становится главным препятствием на пути к будущему. Человеку тяжело быть разумным! А бессмертие только усложнит эту проблему.

– И где выход?

– Не знаю. Нужно кардинальное изменение в психологии людей, в мировой культуре и образовании. А этого невозможно достичь с помощью существующих социоимперативов и технологий. Здесь нужно что-то другое. Я подошёл к задаче с формально математической точки зрения – и доказал интересную теорему: «проблема торможения» принципиально решается, если у нас есть технология пятого уровня.

– Но таких технологий, играющих ключевую роль на масштабах десятков тысяч лет, человечество ещё не знает!

– Я и говорю – это лишь математическое утверждение, а не реальное решение.

Никки заругалась:

– Какого Ома жизнь устроена так, что все победы вянут уже наутро и возникают новые проблемы?!

– Закон сопротивления всемогущ, – усмехнулся Джерри.

В их беседу ворвался встревоженный голос:

– Ваше величество, вы срочно нужны в рубке!

Рубкой в замке Гринвич называли командный центр, куда стекались все информационные потоки из внешнего мира и откуда можно было управлять быстрорастущей династией.

В рубке всегда находились или сама Никки, или дежурный офицер. Именно в его голосе звучала такая тревога, что Никки и Джерри без промедления кинулись в рубку, которая была совсем недалеко.

– Что случилось?!

Дежурный офицер молча кивнул на один из экранов, показывающий человека в форме капитана Космической службы.

Капитан торопливо сказал:

– Обнаружен «Звёздный дракон» – крейсер короля Дитбита. Он не отвечает на сигналы и летит по направлению к вашему куполу. Мы думаем, что это нападение!

– Его можно остановить? – спросила Никки.

– Ракеты за ним не успеют, а лазеры и пучковое оружие распылить корабль не могут. Он находится уже на баллистической траектории и, судя по всему, собирается врезаться в ваш город!

Кто-то в рубке охнул. Баллистическая траектория означает, что корабль даже с мёртвым экипажем и неработающим двигателем всё равно достигнет своей цели.

Никки воскликнула:

– Сколько времени осталось?!

– Шесть минут.

– Объявить немедленную эвакуацию! – крикнула Никки. – И вы тоже все на выход! – обратилась она к людям в рубке.

Рубка опустела, но Джерри и дежурный офицер остались.

– У меня вахта! – твёрдо сказал офицер и продолжил руководить эвакуацией.

Капитан крейсера Спейс Сервис сердито объяснял:

– Оказалось, что крейсер Дитбита снабжён не только системой невидимости – он сумел навести на главный радар сектора электромагнитные помехи, которые выглядели как естественная поломка. Пока система искала неисправность, крейсер Дитбита подошёл к самой Луне. Его обнаружили, но слишком поздно для посылки ракеты-перехватчика. А боевого лазера, достаточно мощного для уничтожения целого корабля, в нашем секторе нет.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросила Никки.

– Компьютер перебрал уже все варианты. Король объявлен вне закона, и я, ни минуты не колеблясь, уничтожу его лично. Но сейчас речь о вас и о десяти тысячах тонн металла, направленного в ваш купол.

– И о сотнях людей под куполом... – горько сказала Никки, наблюдая на экранах, как из шлюзов стали вылетать первые катера. – Они не успеют выбраться за эти минуты. И я не смогу вывезти из замка свою дочь.

– Я готов приказать обстрелять корабль, – прорычал командир Спейс Сервис. – Это хотя бы помешает взрыву реактора.

– Нет, не стреляйте! Тогда любая надежда будет потеряна. Корабль разрушит город даже одной кинетической энергией удара.

Робби вмешался:

– Корабль ещё можно отвернуть от Луны – если король согласится.

Никки посмотрела на дежурного офицера:

– Можно установить связь с кораблём Дитбита?

Офицер пожал плечами:

– Он не отвечает на запросы. Но я попробую ещё раз...

Но не успел он договорить, как засветился белым шумом один из экранов и раздался хриплый голос самого Дитбита:

– Королева Никки, прошлый наш разговор оказался не последним. Мы закончим нашу дискуссию сегодня. Готовься к смерти, королева.

Никки отреагировала немедленно:

– Король Дитбит, если вы откажетесь от своего самоубийственного поступка, я не буду мешать вашему сыну управлять династией Дитбитов и не буду её разрушать.

– Лжёшь!

– Я никогда не обманывала. Моё обещание слышат сейчас сотни людей.

– А что будет со мной?

– Вас преследует закон, а не я.

– Ты его натравила!

– Это не так. В любом случае, я не властна над полицейскими. Я обещаю только то, что смогу выполнить. Если же вы не согласитесь, мои друзья от вашей династии оставят только пыль, и не уверена, что ваш сын уцелеет в этой вакханалии мести.

– Болтовня! Тебя не будет – не будет и проблемы! – Голос короля выдавал усталость и тревогу.

– Вы сейчас убьёте массу невинных людей. Я клянусь дочерью, что говорю вам правду! Вы добились своей цели: вашей династии с моей стороны больше ничто не угрожает!

– Что, королева Николь, испугалась?

– Да, король Дитбит, испугалась. В замке мои друзья и моя дочь... Я не собираюсь спасаться, я их не брошу.

– Тогда молись свои последние минуты жизни! – торжествующе каркнул король Дитбит. Но Никки не собиралась падать на колени. Она скомандовала офицеру:

– Включите все каналы, сообщение для штаб-квартиры Шихин-ых. – Она повысила голос: – Официальное завешание. Я, королева Николь Гринвич, завещаю своему мужу...

Джерри с ужасом посмотрел на неё.

– ...принцу Айвану Шихин-у всё своё состояние – с единственным требованием полностью уничтожить династию Дитбитов, клана детоубийц. Пусть даже память о них будет проклята! – Никки перевела дух и добавила: – Робби, в момент пролома купола разместить в Сети контракт на уничтожение принца Дитбита-младшего. Цена – миллиард, деньги из моего личного фонда. Сколько принц проживёт после этого?

– С вероятностью одной сигма – три дня. Его убьют собственные слуги.

– Не сделаешь этого! – воскликнул король Дитбит.

– Робби, это неотменяемый приказ, – сказала королева и посмотрела на мерцающий экран: – Я не сделаю этого. Ты, король Дитбит, сам это сделаешь, уничтожив мирный город. Я уже не смогу вмешаться в свои приказы. Сам думай, что тебе важнее – спасти сына и свою династию или отомстить мне и погубить их обоих.

Раздался голос Робби:

– Через десять секунд отвернуть от Луны можно будет только на автопилоте, но перегрузки будут смертельны для экипажа. Даже с учётом электромагнитного кресла.

Ужас разлился по рубке и захлестнул замок, который слушал происходящее сотнями каналов. Из динамиков послышались крики, хруст и грохот. На левом экране было видно, как сразу два катера попробовали влезть в шлюз и врезались друг в друга, сминая блестящие бока и крылья.

В рубке воцарилось гулкая тишина. Король Дитбит молчал.

Зато Робби заявил:

– Катастрофа неотвратима. Избежать соударения с лунной поверхностью уже нельзя даже на автопилоте – мощность двигателей «Звёздного дракона» недостаточна.

Никки вздохнула.

Как ни готовься к смерти, она всегда застаёт врасплох.

– Пойдём, Джерри, я хочу быть рядом с Сюзан. Робби, спроецируй на весь купол лицо Дитбита-младшего... Король должен видеть, кого он убивает. Командир, не обстреливайте его корабль – пусть король до конца отвечает за себя и свои дела.

Потом Маугли сказала в пространство:

– Прощай, король Дитбит. Да, я сейчас умру. Все люди умирают. Но пока мы живы, то сами решаем, какое эхо останется после нашей смерти – благодарность или ненависть.

Никки повернулась к дежурному офицеру и пожала ему руку:

– Спасибо за службу, вы проявили себя настоящим командиром. Боюсь, вы уже не успеете вернуться отсюда.

– Моя вахта ещё не окончена! – гордо сказал офицер и отдал честь выходящим из рубки Никки и Джерри.

В огромной детской комнате стены-экраны транслировали красивые пейзажи, но здесь был и свой живой садик и звучала тихая музыка.

В центре комнаты стояла колыбель Сюзан. До рождения принцессы оставалось две недели.

– Ну, что, Джерри, такой оборот событий мы не рассчитали? – вздохнула Никки, подходя к колыбели.

– Это нерассчитываемый «эффект джокера» – самый опасный для всех моделей. Поведение отдельного человека до конца не предсказуемо, и если он своими действиями оказывает влияние на ход истории, то мы имеем развилку мировой линии и практически случайный выбор пути истории. В своё время ты оказалась «джокером» и спутала карты многим мировым игрокам.

Джерри был невозмутим.

– Почему ты так спокоен? – спросила Никки. – Нам осталось жить... Сколько, Робби?

– Тридцать секунд.

– Пока я с тобой, – сказал Джерри, – я почему-то ничего не боюсь. Это личная патология, не обращай внимания.

– А мне страшно, – шепнула Никки. – И очень жалко Сюзан – она уже такая славная, я её так люблю...

Она заглянула в окошко колыбели:

– Прости, Сюзан, тебе не повезло с мамой...

Истекали последние секунды, отпущенные им и себе безумным королём Дитбитом.

Никки крепко прижалась к Джерри и спрятала лицо на его груди. Последний защитный жест всех влюблённых.

Земля взбесилась и подпрыгнула.

Стены затрещали, и всё затопил низкий гул.

Наступила тьма.

Прошла смертельно тоскливая секунда, и свет снова загорелся.

Треск и шум стихли.

Робби крикнул:

– «Звёздный дракон» врезался рядом с куполом! Король Дитбит отвернул в последние секунды! Мощности хватило, чтобы только уйти от города.

– Он принял моё предложение... – сдавленно сказала Никки.

И второй раз на памяти Джерри заплакала.

Это правильно.

Смерть – даже смерть врагов – должна вызывать слёзы.

А иначе – что мы за люди?

Глава 2

Гринвич-сити

Город был великолепен.

В его центре раскинулась треугольная площадь, вокруг которой симметрично собрались три огромных здания в виде треугольных пирамид: замок династии Гринвич, Независимая академия наук и Гринвич-колледж.

Гринвич-колледж состоял из школы, собственно колледжа и университета. Школа неофициально чаще всего называлась Школой Гениев, но каждое поколение школьников награждало его собственным прозвищем, и чего тут только не было: Дом Грызунов, Остров Скелетов, Сушилка Мозга, Подвал Упырей, Гробница-для-Всех и многое другое. Студенты не придумывали прозвищ своей alma mater – им было не до того.

В пирамидально-ступенчатое здание по прозвищу «Лестница» многие впервые попадали, держась за руку отца или матери, а покинуть его им предстояло взрослыми людьми, обладателями дипломов о высшем образовании. Чем старше становился человек, тем на более высокий уровень здания он поднимался, и тем меньше оставалось рядом с ним друзей, выдержавших тяжёлую учёбу.

Вокруг каждого этажа шла зелёная терраса, на которой можно было отдохнуть, но лужайки и сады у вершины пирамиды были практически пусты – из-за занятости студентов университета, которые скоро должны были шагнуть во взрослую жизнь.

Многие выпускники Гринвич-университета надеялись просто перейти площадь с фонтанами и клумбами и стать сотрудниками Независимой академии, размещённой в стильном пирамидально-спиральном здании. Спираль пешеходного цветущего бульвара шла от подножия до вершины академии, делая её похожей на висячие сады Семирамиды. Придорожные камни и фонтаны были исписаны мудрыми изречениями, которые могли служить некоторым отдыхом и утешением для ломающих голову над очередными научными загадками.

Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации учёных или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов... Истина нередко в большем объёме открыта научным еретикам, чем ортодоксальным представителям научной мысли. Отличить научных еретиков от заблуждающихся не суждено современникам.
В. И. Вернадский

По неофициальной статистике, большинство идей приходило учёным в голову не во время сидения в кабинете, а во время прогулки по дороге, которая неторопливо и густо обвивала пирамиду Академии.

[В V веке] наступило господство истины веры, которая облеклась в прочную форму религиозного рационализма. Такое положение сохранялось около шести веков. Если когда-либо в истории западной мысли философы (да и народ в целом) чувствовали, что ими владеет истина, вся истина и ничего, кроме истины, – так именно в это время. Не было тогда ни скептицизма, ни вопрошания, ни сомнения, ни относительности, ни колебания, ни оговорки.
Питирим Сорокин

Под этой мыслью кто-то дописал красным фломастером: «Ни научных открытий, ни изобретений...»

Мудрец не может ограничиться изучением природы и истины; он должен осмелиться высказать последнюю в интересах небольшого кружка лиц, которые хотят и умеют мыслить. Ибо другим, по доброй воле являющимся рабами предрассудков, столь же невозможно постичь истину, сколь лягушкам научиться летать.

Жюльен Офре Ламетри

Красным снова было начертано: «Учти, потомок, это сказано было тогда, когда за научные убеждения легко отправляли в тюрьму и даже на костёр...»

Если учёный изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны.

Л. Н. Гумилёв

Замок династии Гринвич тоже был пирамидальным, но его усеивало множество сказочных башенок, создающих ощущение готичной воздушности. За замком закрепилось прозвище «Королевский ельник» или просто «Ёлка».

Треугольнику главных зданий соответствовали три городских района-сектора.

За колледжем раскинулся уютный пригород, где жили родители младших школьников. Это был обычный симпатичный посёлок из двухэтажных домиков, иногда плотно срастающихся вокруг оживлённых улиц. Городок давал многим взрослым работу и всем семьям – крышу над головой. Студенты колледжа и университета жили обычно в пирамиде Гринвич-колледжа, где окна личных комнат выходили на зелёные террасы, а учебные аудитории прятались внутри пирамиды, где тоже было немало закрытых садов, бассейнов и гимнастических залов.

Сектор за Академией был сплошным лесным массивом с крышами отдельных коттеджей и вилл, торчащих, как грибы на лужайке. На окраине академического сектора, за длинным озером, виднелся блок опытных производств, в котором реализовывались многие идеи обитателей пирамидально-спирального здания, в просторечии – Штопора. «Пора выходить из штопора!» – частенько восклицали засидевшиеся допоздна учёные, с трудом вынырывающие из таинственных глубин своих модельных миров.

Я вполне сознаю, что могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведёт меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли... это стремление есть основа научной деятельности.

В. И. Вернадский

Сотрудники Академии чувствовали себя важным элементом общей интеллектуальной сферы Земли, поэтому мысли Вернадского, создателя учения о ноосфере, были особенно популярны среди местных учёных.

Мечта Никки – построить город только для молодых – не осуществилась: и родителей в Школьном поселке было достаточно, и среди учёных встречалось немало седых, но бодрых стариков.

Но всё равно – молодёжи в Гринвич-Сити было гораздо больше, чем в обычном лунном поселении. Средний возраст жителей нового города составлял шестнадцать лет.

Преклонный возраст никакого преимущества в социальной иерархии Гринвич-Сити не давал. Собственно, иерархическая пирамида в городе была такая прозрачная и лёгкая, что не сразу и заметишь.

Бизнес династии был сфокусирован на производстве и распространении новых знаний и технологий, поэтому наука в Гринвич-Сити развивалась стремительно и успешно. И главным фактором этого стала независимость учёных.

Для научного развития необходимо признание полной свободы личности, личного духа, ибо только при этом условии может одно научное мировоззрение сменяться другим, создаваемым свободной, независимой работой личности.

В. И. Вернадский

Все учёные Независимой академии имели одинаковые по комфорту и размерам личные кабинеты. Зарплата каждого состояла из фиксированного минимума и гонораров, которые каждый получал при публикации своих статей в Трудах Академии.

Рецензентов у статей не было, решение о публикации принимала компьютерная система, созданная на основе интеллектов Робби и Тамми, после проверки достоверности и значимости выводов. Система использовала в своём анализе социомоделирование по методу Михаэля Уолкера и сразу решала: стоит ли проверить теоретические выводы на эксперименте? Нужно ли реализовать математическую модель в металле и пластике?

Учёные добродушно называли компьютерного аналитика Великим Инкой, а когда были не в настроении, то – Железным Инквизитором.

Трое квалифицированных экспертов-людей независимо друг от друга следили за работой и решениями компьютерной системы. Если что-то вызывало сомнение, то устраивались дебаты по спорному вопросу. Таковых набиралось полтора процента от общего числа решений компьютера-рефери. После дебатов менялось только одно из пяти оспариваемых заключений Великого и Непогрешимого Инки. В 299 из 300 случаев он оказывался прав.

Независимая академия сумела достичь наивысшей эффективности творческого труда среди научных центров Солнечной системы. Учёным Академии выплачивали не только стабильную зарплату и солидные гонорары за публикуемые статьи, но и часть прибыли от практического использования научных открытий. Поэтому в Независимой академии работало немало состоятельных людей, но их это мало волновало и ничем от других учёных не отличало.

Профессор Лвин разбогател после создания Гравикуба, но не изменил своему скромному образу жизни. Впрочем, профессор получал искреннее наслаждение, раздавая благотворительные стипендии студентам и молодым учёным. Желчному профессору пришлось даже завести секретаря для этих добрых дел.

Почти каждый сотрудник Академии держал на стене своего кабинета текст документа, опубликованного при открытии Независимой академии наук. Этот документ неофициально называли «Декларацией бунта учёных», но на самом деле он был озаглавлен так:

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ НАУКИ

Научная революция преобразила наш мир. Космонавтика взлетела на законах Ньютона; из уравнений Максвелла выросла электронно-электрическая компонента нашей цивилизации; расшифровка структуры ДНК Уотсоном и Криком запустила генетическую революцию.

Наше общество не может существовать без учёных и науки, без термодинамики и дифференциальных уравнений, квантовой механики и кибернетики, теории относительности и химии. Именно на научных достижениях основано материальное богатство нашей цивилизации, государств, компаний и династий.

Но сами учёные, оставаясь наёмными работниками государственных и частных структур, нередко испытывают вопиющее пренебрежение к своим нуждам.

Вопросы финансирования исследований решают не учёные, а чиновники, в науке ничего не понимающие. Наука стала жертвой политических распрей и заложником финансовой бездарности правительств.

Распорядок работы и жизни учёного, его зарплата, карьерный рост и пенсия – всё это определяется не реальной продуктивностью учёного, а бюрократическими законами, неприменимыми к творческой деятельности.

Частные корпорации – компьютерные, фармацевтические, коммуникационные и другие, – используя достижения учёных, выкачивают из общества деньги, создавая огромные состояния своим владельцам, ничего не сделавшим ни в науке, ни в технике.

Важнейшие интеллектуальные направления тормозятся и закрываются, потому что развитие науки не является приоритетом для менеджеров, озабоченных своей властью и прибылью.

Такой порядок вещей несправедлив и неоптимален, мешает развитию науки и самого общества.

Структурная революция в науке неизбежна.

Мы учреждаем Независимую академию наук – общемировую организацию учёных, независимую от политики государств и корысти олигархов.

Мы исходим из самоочевидной истины, что все творцы равны и наделены определёнными неотчуждаемыми правами на свои творения. Мы не хотим привилегий для учёных, мы требуем для учёных справедливости.

Коллективным собственником Академии и её результатов будут сами учёные. На результаты интеллектуального труда должны распространяться общепризнанные авторские права.

Мы провозглашаем принцип открытого авторского права: все достижения Независимой академии наук будут открыты для творческого и коммерческого использования всеми желающими без каких-либо разрешений и согласований. Но производители и продавцы коммерчески распространяемых изделий, созданных на основе работ сотрудников Академии, должны перечислять ей научный сбор: 1 % от стоимости изделия.

Доход Академии от научных разработок будет распределён так:

40 % – самому первооткрывателю или группе разработчиков;

40 % – на нужды Академии, включая базисные зарплаты всем сотрудникам и гонорары тем, чьи работы имеют фундаментальное значение, но обладают отдалённой практической ценностью;

20 % – династии Гринвич. Династия обязуется предоставить здания, необходимые для работы Академии, и обеспечить юридическое и финансовое управление Академией, включая независимую экспертизу результатов её сотрудников. Династия не претендует на интеллектуальную собственность Академии.

Нет никаких сомнений, что некоторые учёные Академии станут очень состоятельными людьми. Мы считаем это полезным явлением. Молодёжи лучше видеть перед глазами богатства творческих людей, полученные ценой личного труда и интеллектуальных усилий, чем недоступные другим

наследуемые состояния или скороспелые капиталы, возникшие из биржевых махинаций.

Мы верим, что Независимая академия наук ускорит мировой прогресс и улучшит жизнь всего человечества.

Мы будем всемерно поддерживать настоящую Декларацию, в чём клянёмся нашей жизнью, нашим состоянием и нашей честью.

Николь Гринвич

Дзинтара Шихин-а

Хао Шон

Джеральд Уолкер

Себастьян Лвин

Вильям МакБерин

(всего пятьдесят подписей)

Многие государства жаловались, что Академия и династия Гринвич стремительно переманивают к себе лучшие умы мира. Никки не отрицала этого факта и целенаправленно строила бизнес своей династии вокруг получения и использования нового знания, подготовки и обучения новых специалистов и творческих людей.

Те учёные мира, у которых была опубликована хотя бы одна работа в журналах Академии, становились её ассоциированными сотрудниками. Они получали право на часть прибылей Академии и на её юридическую защиту.

Действительные члены Академии, принятые на постоянную работу в один из её институтов, получали социальный пакет сотрудника и, при желании, права гражданина династии Гринвич.

Независимая Академия стала де-факто всемирным профсоюзом учёных, который обязался заботиться об условиях жизни и работы своих сотрудников.

Королева мечтала сделать из Гринвич-Сити новую интеллектуальную столицу мира – каким был когда-то Кембридж или Принстон. И эту честолюбивую мечту разделяли многие сотрудники династии.

Они жили в самых разнообразных домах в королевском секторе Гринвич-Сити: там были многоэтажные здания поразительной изогнутости и топологии, небольшие поселки и отдельные особняки.

Каждый сотрудник династии работал в одной из целевых групп. Одни группы возникали вокруг конкретных задач и распадались после их решения, другие разрастались в стабильные отделы и сами почковались более мелкими группами.

Во главе каждой группы стоял координатор, который обычно выбирался по наивысшему интел-рейтингу в группе. Эффективность каждого координатора всё время анализировалась хладнокровным искусственным интеллектом и проверялась самой Никки или кем-то из совета директоров. Смещения координаторов – с заменой кем-то из этой же группы – были так часты, что никакого почтения эти должности не вызывали. «Идеи давай, шеф! А то выгоним в шею...»

И выгоняли, молодые непочтительные обормоты, невзирая на заслуги и возраст.

Один из главных отделов династии объединял пару десятков групп и занимался технической реализацией и внедрением результатов Независимой академии. Специальная группа развивала систему грантов учёным вне Академии, тем самым заочно вовлекая их в орбиту её деятельности.

Отдел образования занимался как проблемой качественного общего обучения для школьников всего мира, так и подготовкой кадров для династии.

Движение, которое началось с Гринвич-клуба для официантов-космонавтов, распространилось очень широко – и сейчас активным самообразованием занималось около двадцати процентов всей молодёжи. Династия поддерживала такие клубы самообразования и помогала их

выпускникам, успешно сдавшим тесты, с устройством на работу, а лучших охотно приглашала к себе.

Династия разрабатывала новые системы дошкольного и школьного образования, изготавливала дешёвые обучающие компьютеры, основанные на новых принципах.

Никки поставила перед своими сотрудниками задачу: каждый житель Земли, который хочет повысить своё образование или получить новую квалификацию, должен иметь такую возможность. А школьникам необходимо предоставить самые передовые программы обучения, пусть с трансляцией по Сети.

В двери Школы Гениев каждый день заходили десять тысяч детей, а учились в ней около пятидесяти миллионов – все остальные смотрели лекции по сети и даже задавали вопросы лектору, правда, отвечал на них обычно Великий Инка.

Как же хотелось этим миллионам детей проникнуть сквозь экран и оказаться в реальной аудитории Школы Гениев! Они ревниво рассматривали сидящих там детей (ну чем мы хуже?!), слушали школьный шум и шутки и мечтали о том, чтобы по итогам учебного года попасть в сотню лучших заочных учащихся: их королева Никки приглашала на очное обучение в Школу. Совершенно бесплатно, естественно.

Это виртуальное пребывание в школе умников с надеждой реального попадания в неё порождало такой стимул к учению, что детские психологи только ахали, изучая результаты тестов.

В результате даже те дети, которые ни разу реально не побывали в Школе Гениев, могли получить профессию – а с нею и жизнь – гораздо лучшую, чем те, кто отбывал в обычной школе лишь тягостную повинность, считая дни до каникул и прячась за спинами соседей – лишь бы учитель не вызвал.

Специальный отдел в династии занимался массовой культурой – фильмами и книгами, которые расходятся среди миллионов людей и незаметно превращают их в народ, в культурную нацию, где женщин и детей обижать нельзя, где книга – предмет если не первой, то второй необходимости, где образование ценно – и не только высокой будущей зарплатой, а просто более умным и гуманным подходом к миру. Именно массовая культура влияет на эволюцию основных нравственных критериев в обществе и уменьшает противоречия в нём.

Отдел общих проектов называли неофициально Отделом счастья: он искал критические, болезненные места человеческой цивилизации и думал, как их можно вылечить. Отдел счастья занимался всем – от решений проблем шахтеров Титана до помощи бедным одиноким матерям.

Решение, за которое нужно было платить, но которое восстанавливало справедливость – тем самым увеличивая популярность династии Гринвич, – рассматривалось как хорошее. Самоокупаемое достижение справедливости считалось отличным решением, но выше всего ценился вариант, когда торжество справедливости приносило прибыль.

Никки тоже очень много работала. Эта работа часто была неприятной и тягостной.

– Мне жаль, что твой отец умер, Дитбит.

– Не нужно тебе говорить о моём отце. Чего ты хочешь, королева Гринвич?

– Согласно традиции и общим стереотипам мы должны быть смертельными врагами. Я хочу разрушить стереотип. Не хочу быть твоим другом, но и не хочу быть твоим врагом. Я обещала твоему отцу, что не буду мешать твоей династии. Подтверждаю свои слова: я не хочу войны, нам всем нужен мир. Даже недружелюбный.

– Ты вызываешь во мне ненависть.

– Ты стал королём. Политики не могут позволить себе такую роскошь – ненавидеть.

– Ты виновна в смерти моего отца!

– Ты знал его лучше меня и понимаешь, что свою судьбу он выбрал сам, я была лишь камнем на его дороге. Перемахнул бы он меня – споткнулся бы на другом.

– Ты умеешь красиво говорить!

– У тебя осталась мать. Братья и сестры. У меня не осталось никого. Я не хочу, чтобы чьи-то родители погибали. Поэтому я протягиваю тебе руку не дружбы, но мира.

– Я не буду пожимать твою руку. Но я подумаю над твоими словами.

– Спасибо. Это гораздо важнее рукопожатия.

И ещё Джерри и Никки учились – много и целенаправленно. Джерри осваивал социоматематику и множество других наук, стремясь перейти на уровень, когда он не просто сможет разбираться в теории отца, но и сумеет развить её дальше. Никки было ещё сложнее, потому что королеве приходилось учить слишком многое, в том числе – экономику и юриспруденцию.

Возведение Гринвич-Сити и порядки в нём служили пищей для многих дискуссий в среде экспертов, политиков и журналистов.

По традиции, раз в году королева Николь давала большое интервью независимому тивиканалу Тимоти.

В этот раз в двух мягких студийных креслах сидели только королева и сам глава тивиканала. Никки была одета в тёмный брючный костюм; он был обманчиво аскетичен, но почему-то его хотелось рассмотреть повнимательнее. Хрустальные волосы королевы сверкали под яркими студийными лампами. Тим был одет в свободную рубашку и летние светлые брюки. В его лице уже проступала пожилая худоба, но он, как всегда, был раскован и дотошен:

– Некоторые эксперты называют политическое устройство Гринвич-Сити новой ноократией, другие – прообразом общества, где всю власть захватили коварные учёные.

Королева Никки усмехнулась:

– Глупости. Власть должна быть водопроводчиком в обществе. Правители или менеджеры должны не властвовать над думами и жизнями, а обеспечивать подвод ресурсов и отвод отбросов. Заставлять учёных управлять государством – значит не уважать их и подвергать риску дисквалификации как учёных и как интеллектуалов. Единые для всех законы принимаются в ООН; принуждением к соблюдению законов занимаются полицейские и судьи, а вот профессия государственных чиновников себя попросту изживает.

– А они знают про это?

– Уже знают. Интеллектуальные программы начинают активно вытеснять управленцев низшего и среднего звена. Искусственный интеллект сам успешно анализирует потребности людей и предлагает решения, отвечающие интересам большинства – будь то постройка дороги или новой электростанции. Каждый человек может инициировать общественный проект. Компьютерные сети собирают мнения всего населения об этих проектах гораздо эффективнее редких демократических выборов. Даже существование важных государственных учреждений вроде академий наук, космических баз или систем здравоохранения уже зависит не столько от национальных чиновников, сколько от законов ООН, которые предусматривают обязательный уровень финансирования науки, экологии и медицины.

– Итак, вы хотите отменить важнейшую ветвь государственной власти – исполнительную, оставив только законодательную и судебную?

– Совершенно не важно, чего хочу я, важно – чего хотят люди. Я ничего не отменяю, просто вижу, что исполнительная власть быстро усыхает за ненужностью. Мои эксперты оценивают период полураспада бюрократического аппарата в пять лет.

– То есть через десять лет число чиновников будет в четыре раза меньше, чем сейчас?

– Да! Число менеджеров частных корпораций сократится ещё быстрее: акционеры охотно голосуют за решения, которые уменьшают расходы.

– О боги, вы сейчас нанесли всему корпусу управленцев могучий удар! Завтра приём в университеты менеджмента резко упадёт.

– Профессии приходят и уходят – такова жизнь. Кому сейчас нужны каюры собачьих упряжек?

Тимоти удивлённо покрутил головой.

– Теперь расскажите, Никки, что за войну вы объявили патентам? Про неё все шумят, но из этого шума понять ничего нельзя.

– Патентное право душит прогресс, как хорошая удавка. Шагу нельзя ступить, чтобы не попасть в чей-то патент, как в капкан. Разработчики новых конструкций, технологий и программ связаны по рукам и ногам. Я считаю, что систему патентов нужно ликвидировать.

– Сломать?

– Опять вы про топор! Надо не ломать старые системы, а плавно вытеснять более новыми и эффективными. Поэтому Независимая академия и научные центры династии Гринвич учредили Конвенцию открытого авторского права.

– И в чём оно заключается, это открытое право?

– Оно разрешает использовать все опубликованные работы наших учёных и изобретателей совершенно свободно. Каждый сможет продолжать наши теории, создавать на их основе свои конструкции и выходить с ними на рынок – без всяких согласований с нами.

– И какая вам от этого выгода?

– Если вы сумели заработать деньги на наших идеях, то в конце года вы должны перечислить Академии или научному Гринвич-центру один процент того дохода, который вы получили от продажи товаров на основе наших технологий.

– Всего один процент?

– Да. Для предпринимателей – мелочь, а для учёных – немалая сумма. В результате наука удвоит, а то и утроит своё финансирование и сделает новый рывок вперёд – которым снова все смогут воспользоваться.

– То есть вы считаете, что, разрушая патентное право, вы двигаете прогресс?

– Посчитайте сами. Критерии прогрессивности просты: если для решения своих творческих, культурных и научных задач человек может свободно использовать накопленную человечеством информацию – это прогрессивно. Если он должен за неё платить – это застой. Если за использование мировой информации человек может быть наказан – это регресс. А вот после решения личных коммерческих задач на основе мировой информации за неё можно и заплатить научный сбор в один процент.

– Если я не захочу платить вам этот процент, хотя пользуюсь вашими идеями, что тогда?

– Тогда вы скоро узнаете, что честность – лучшая политика, а обман экономически невыгоден. Например, вы попадёте в «чёрный список» компаний, чьи товары мы, участники Конвенции, покупать не рекомендуем. И вы потеряете на этом гораздо больше, чем один процент.

– Дайте мне сформулировать кратко. Обычно для производства своего товара я должен купить чью-то запатентованную технологию. Но покупка технологии не оправдывается, если товар не понравится покупателю. Вы предлагаете мне пользоваться вашими работами совершенно свободно и заплатить только в том случае, если я сумею продать свой товар. Причём заплатить заметно меньшую сумму, чем собственно стоит патент.

– Совершенно верно.

– Но тогда вам самим оформлять патенты выгоднее, чем открыто раздавать свои идеи!

– Нет. Патенты краткосрочны, дороги в оформлении, трудно продаются и охватывают только часть прикладной науки. Открытое авторское право реализуется бесплатно для всех учёных и на долгий срок. В результате мы выигрываем в деньгах для конкретных авторов и в общем прогрессе.

– И вы верите, что сможете победить патентную систему, существующую столько веков?

– Нет, конечно. Никакой веры! Я *знаю*, что через пять лет патентное право станет телегой, едущей по скоростному шоссе среди современных автомобилей.

– Сомневаюсь.

– Перестанете, как только узнаете, что скоро все Северные династии присоединятся к Конвенции. Значит, они будут стараться покупать товары и оборудование только у участников Конвенции, игнорируя аналогичные продукты, произведённые в рамках патентного права.

– Мощный ход! Но тогда Южные встанут в оппозицию и сгруппируются вокруг патентной крепости.

– Каждый вправе выбирать тот вид защиты своих авторских прав, который его больше устраивает. Если Южные привяжут себя к морально устаревшей и громоздкой конструкции патентного права... хм... Это было бы слишком хорошо. Я боюсь поверить в такую удачу.

– А Южные могут присоединиться к Конвенции?

– Да, как любые династии и государства, организации и отдельные люди.

– И что получит обычный человек от присоединения к такой Конвенции, если он не учёный и не предприниматель?

– Он согласится отдавать предпочтение товарам, произведённым в рамках открытого авторского права, а не патентов. Значит, он своими покупками поддержит независимую науку, а она в ответ даст ему очень многое – отличные вещи, крепкое здоровье и даже бессмертие.

– Вы умеете убеждать!

– Я не убеждаю, а говорю лишь то, во что верю.

– Именно это и убеждает. Итак, дорогие телезрители, вы можете поддержать Конвенцию открытого авторского права и независимую науку очень просто – стараясь покупать те товары, где есть значок КОАП.

– А вот это уже реклама! – удивилась Никки. – Вы отступили от своего принципа отсутствия рекламы на вашем Независимом канале, Тим!

– Ничего, иногда я разрешаю себе это. Есть вещи, которые стоят принципов. – Тим задумался. – И всё-таки найдётся немало фирм, которые не испугаются вашего «чёрного списка» и не захотят платить новый сбор. Как быстро к вашей Конвенции открытого права присоединятся остальные компании и государства?

– Очень быстро. В течение года.

– Так-так. И это вы называете не «сломать», а «плавно вытеснить»... Почему же они так дружно бросятся к вам, чтобы заплатить эти деньги?

– Вы, наверное, редко читаете бюллетень Конституционного суда ООН?

Тимоти засмеялся вместе с двумястами миллионами телезрителей прямого эфира:

– Я его вообще не читаю!

– Зря. Вчера в последнем бюллетене Конституционного суда были опубликованы два решения. Первое гласит, что организации, которые присоединятся к Конвенции открытого авторского права и будут выплачивать новый научный сбор конкретным собственникам идей или в бюджет полномочной научной организации, получают правовую амнистию и будут избавлены от всех претензий со стороны владельцев авторских прав.

Тимоти удивлённо поднял брови:

– Я не большой дока в юриспруденции, но что-то здесь не так. С чего это Конституционный суд – высший судебный орган Солнечной системы – занялся какой-то Конвенцией права и дал ей такие серьёзные полномочия? Хм... И частные компании должны радоваться этой амнистии?

– Ещё как! В следующем своём постановлении Конституционный суд подтвердил, что авторы научных текстов равны в своих правах авторам художественных текстов.

– Что это значит?

– Это значит гигантскую бомбу под задницей сразу всех правительств и частных компаний.

– Ой! Вот с этого места поподробнее!

– С настоящего времени все работы, опубликованные в научных журналах, начинают интерпретироваться в рамках тех же юридических норм, которым подчиняются художественные тексты. И, по общим положениям существующего авторского права, авторы научных работ уже в момент публикации оказываются собственниками всего своего интеллектуального продукта. Громоздкие патенты, оформление которых занимает много времени и денег, уже не нужны.

– А что, раньше авторы научных статей не владели своим интеллектуальным продуктом?

– До сегодняшнего дня научные идеи, открытия и формулы не были собственностью своих авторов. Исключение научных открытий, концепций и уравнений из авторского права было величайшей исторической несправедливостью – и мы его устранили с помощью наших юристов и международного Конституционного суда. Суд не мог не признать, что уравнения Максвелла являются не менее значимым интеллектуальным продуктом, чем, например, дизайн кофемолки.

– Но как можно сделать идею чьей-то собственностью? Или формулу?

– А как оказываются чьей-то собственностью художественные сюжеты, имена героев и изображения круглоухих мышек и толстозадых мишек? Так же и формулы с идеями будут принадлежать конкретным авторам. В науке прекрасно известны авторы всех идей, формул и открытий.

– То есть учёные, разработавшие дешёвые высокотемпературные сверхпроводники, гиперлазеры и квантовые компьютеры, сейчас получают право подать в суд на любое правительство и компанию, которая использует их идеи и не платит им долю дохода! Речь идёт о всех компьютерных, автомобильных и энергетических компаниях, о всех звуко- и видеозаписывающих фирмах... да практически обо всех компаниях вообще! А ведь эти учёные или их наследники могут потребовать платы за использование научных открытий в прошедшие десятилетия! Это будут просто... астрономические суммы!

– Совершенно верно. Срок действия авторского права придуман не нами, сейчас он просто распространился и на научные труды.

– Эти иски запросто смогут разорить всех и вся!

– Конечно. Именно из-за этой юридической бомбы Конституционный суд, признав полноту авторских прав учёных и понимая возможные последствия этого решения, был вынужден срочно, даже в режиме опережения, проголосовать за наше предложение по Конвенции открытого права и правовой амнистии.

– Вот теперь я всё понял! Значит, вы загнали в угол даже Конституционный суд и заставили его принять всё, что вы хотели!

– Их заставила не я, а логика защиты конституционных интересов всех людей.

– Да, да, понимаю... Этой логике защиты очень повезло с защитником. Теперь страх перед гигантскими исками и разорением заставит все государства и частные компании искать укрытие под сенью Конвенции и нового налога! «Ура, мы спасены всего за один процент!»

– Верно.

– Но как простой производитель, например, электронных часов разберётся – кто и что сделал в его устройстве?

– Пусть он отправит один процент своего дохода в Национальную академию наук и укажет, какой продукт он производит. Учёные дальше сами прекрасно разберутся. Мы над этим работаем.

Тимоти стёр салфеткой пот с шеи:

– О боги! Интервью с вами, ваше величество, всегда были... занимательными, но я не припомню такого взрывоопасного... Вы не боитесь слишком сильно потрясти земную цивилизацию и науку? Многие эксперты говорят, что финансировать фундаментальные науки – астрономию, математику, физику высоких энергий – могут только богатые государства, остальным это невыгодно. Перевод на новую систему финансирования всей науки – целой области человеческой деятельности – вещь очень непростая.

– Мы хорошо подготовились к такому переводу. Я уверена, что представления о медленной окупаемости фундаментальной науки устарели. При современных темпах развития цивилизации и уровне взаимосвязи научных разработок и технологий теоретическая физика и фундаментальная генетика становятся очень выгодным бизнесом! Кроме того, системы государственного и международного финансирования науки и фундаментальных исследований останутся. В первую очередь изменится сектор прикладной науки, где аппетиты акул частного бизнеса будут урезаны в пользу творческих людей, а учёные перестанут быть бесправными тружениками у богатей.

– Ой, зрителям и мне самому пора отдохнуть от этой непредсказуемой королевы! Я и так опасаюсь, что мировые биржи завтра будут биться в неожиданной истерике. Всего хорошего, дорогие телезрители!

И, действительно, наутро биржу одолела горячка, но называть её неожиданной было бы неправильно.

Маугли привыкла рассчитывать свои действия не на два, а на двадцать шагов вперёд, поэтому с этой биржевой лихорадки её династия тоже собрала обильный урожай.

Глава 3

Рейнджер Уайт

Оставалось проехать не больше десятка миль, но усталость и недосып наваливались на Мэтта Уайта быстрее, чем шла к концу длинная дорога. Но устают не только люди, и рейнджер опасался за свою лошадку. Езда по каменным россыпям и мелким скользким болотам, а то и по рыхлым пескам, могла вывести из строя любую лошадь, особенно такую старую и заслуженную скотинку, как его. А в пустыне, где до ближайшего города сто пятьдесят миль, помощи можно и не дожидаться. Дорога – одно название, по ней практически никто не ездит. Зимние дожди так расквасили южные предгорья Ксанаду, что дорогу не раз пересекали речки, не отмеченные на карте, и их приходилось медленно преодолевать вброд.

Мэтт хотел сделать перед дюнами небольшой крюк: проехать по берегу морского залива и проверить одно место в прибрежных скалах, отмеченное на карте крестиком.

Облака нежно засветились оранжевым – рассвет приближался. Дождевая морось прекратилась.

Вот и дюны.

Мэтт круто свернул с дороги и затрясся по кочкам и камням. С приближением к морю ветер усиливался, и вершины серповидных холмов закурились светлым песком. Ещё десять минут – и лошадка, обогнув груды округлых мутно-прозрачных камней, вышла на рыжий пляж – прямо к прибою.

Это зрелище завораживало Мэтта с самого детства. К берегу медленно двигались чёрно-красные высокие гребни. Их вершины флуоресцировали и дымились, свешивали пенные космы на литые глянцевые лбы.

Волна, дождавшись своей очереди, зарычала, встала на цыпочки, засветилась прозрачным красным светом – и пушечно грохнула в ледяную гальку. Фонтан брызг и камней взметнулся на сотню футов. Разбившись в розовую пену, волна добежала, дошла, доползла до рейнджера, остановилась и покатила назад.

Этот момент Мэтт любил ещё больше.

Раздался мелодичный звон, который издавали прозрачные шарики ледяной гальки, сталкивающиеся друг с другом в уходящей волне.

Морская музыка никогда не надоедала Мэтту. Он мог слушать эту волшебную череду звуков бесконечно.

Львиный рёв, оглушительный выстрел, серебряный звон.

Рык, пушка, хрусталь.

Мэтт собрался ехать дальше, но тут в небе над морем появилось светлое сияние.

Неужели?..

Рейнджер с замиранием сердца смотрел, как облачная завеса над морем раздёрнулась и открыла огромный золотистый шар, нанизанный наискось на яркий стержень.

Шар был в одиннадцать раз больше полной Луны и ярко освещал курчавое от пены стадо волн.

Минута роскошного зрелища – планетный диск сверкнул в последний раз – и скрылся в новой красноватой туче.

Мэтт перевёл дыхание. Вид над океанским прибоем полного Сатурна, который достигал полной фазы раз в шестнадцать дней, он считал самой хорошей приметой. А когда Сатурн в полупазе, на его терминаторе можно увидеть голубой рассвет.

В тихий сезон у моря тоже интересно: зеркальная поверхность идеально отражает висящую над горизонтом планету – словно вода уступила место небу, в котором оказалось целых два огромных Сатурна-близнеца.

«Если я когда-нибудь осяду и заведу свой дом, то он будет вот на таком побережье...» – подумал рейнджер, двинул рычаг старенького «мустанга» вправо и погнал лошадку вдоль прибоя. Морской бриз заметно потряхивал машину, а метановые брызги залепляли стекло. Мэтт сверился по карте, высмотрел нужную расщелину и свернул.

Ветер сразу ослаб. Рейнджер проверил, что хотел, и двинулся по ущелью дальше, решив, что его «мустанг» сможет форсировать большую лужу, преграждающую самый короткий путь к дороге, с которой он недавно свернул.

Лужа оказалась глубже, чем Мэтт ожидал: жидкий метан покрыл все шесть колёс и заплеснулся на стекло. Оно оказалось для него раскалённым – и метан с шипением испарился.

Амортизаторы сердито крикнули, и, подпрыгнув на шершавом берегу промоины, лошадка вынесла Мэтта на дорогу.

– Отличная работа! – похвалил её Мэтт и, включив автопилот, забрался в багажник. Порывшись в нехитром скарбе, он с огорчением понял, что два дня назад уже надел самую чистую рубашку, какая у него была.

– Всё время забываю купить фрак, – сокрушённо сказал рейнджер и вернулся за пульт. Тут машину так тряхнуло, что Мэтт чуть не ударился о лобовое стекло.

– Полегче на поворотах, крошка! – проворчал он и пристегнул ремни. – И некоторые чудаки считают, что это – дорога!..

Живописные скалы обступали вездеход, хотя карта утверждала, что морской берег лежит всего в сотне метров левее.

Мэтт с интересом рассматривал проплывающие мимо разломы пород, оценивал намётанным глазом узор прозрачных ледяных прожилок и чёрных углеводородных потёков и сосуллек.

– Может, в этом что-то и есть... – пробормотал он.

Очередная скала была увенчана полусферой: обычное жилище небогатого старателя в пустынных районах.

Мэтт включил лазерный переговорник:

– Здравствуйте, хозяева. Я – Мэтт Уайт. Прошу вашего гостеприимства.

Через полминуты из динамика донесся женский голос:

– И вам здравствовать. Мистер Мэтт Уайт? Я слышала о вас.

– Надеюсь, только хорошее, мэм? – улыбнулся Мэтт в глазок камеры, досадуя, что не побрился, и радуясь полутёмной кабине.

– Ну... кое-кто считает вас опасным человеком, – сказал с сомнением женский голос.

– Для вас я безопаснее ягнёнка, мэм, – спокойно откликнулся рейнджер. – Я проехал триста миль по ужасной дороге и совершенно разбит. Моя лошадка нуждается в отдыхе и подзарядке. Ваше гостеприимство можно приравнять к милосердию.

– Я сделаю один звонок. Подождите, мистер.

Мэтт догадывался, кому будет звонить женщина, и набрался терпения.

Внезапно дверь шлюза, устроенного в подножии скалы, поползла вверх.

– Приглашение, которое лучше всяких слов! – улыбнулся Мэтт, развернул шестиколёсник и задним ходом заехал в проём.

Из закрытого шлюза одни насосы откачали густую азотно-метановую смесь, служившую атмосферой на Титане, а другие впустили менее плотную азотно-кислородную, привычную для землян.

Мэтт открыл кабину «мустанга» и спрыгнул на бетонный пол. В шлюзе было чертовски холодно, и он поспешил зайти в дом.

Его встретила симпатичная рыжая женщина с веснушчатым лицом. Зелёные глаза рыжеволосой были настороженны, но, как с облегчением отметил Мэтт, в её руках не было оружия. Одета молодая женщина была в чёрный комбинезон; он не скрывал её эффектную фигуру и контрастировал с молочной кожей лица и рук.

– Мэм, благодарю вас от имени всех бродяг Титана! – Мэтт улыбался и держал пустые ладони на виду.

– Что привело вас в наши края, мистер Уайт?

– Я еду в Сильвер-хилл, двести миль на запад отсюда. Там у меня небольшое дельце по геологической части. Если вы позволите мне переночевать, то я был бы вам крайне признателен. Я могу заплатить за пребывание в вашем доме.

– Я слышала об этих новомодных обычаях, но мы с братом придерживаемся традиционных взглядов на гостеприимство.

– Тогда разрешите сделать вам небольшой подарок, – сказал Мэтт и, не делая резких движений, достал из заплечного рюкзака продолговатый пакет.

Женщина с любопытством спросила:

– Что здесь?

– Копчёный палтус, мэм.

Глаза женщины расширились от удивления, а рука машинально отметила вес пакета. Стоимость такого деликатеса была неизмерима с расходами на однодневного гостя.

– Вы уверены, что... – Она осеклась, увидев обиженное лицо Мэтта, и улыбнулась: – Зовите меня Энн, мистер Уайт.

– Тогда – Мэтт, к вашим услугам.

– Хорошо... Мэтт. Вы подсоединили вездеход к энергосети?

– Да, моя лошадка уже вовсю чавкает.

– Теперь позаботимся о вас. Душ?

– О! – только и смог сказать Мэтт.

Энн отвела его в комнату для гостей:

– Грязное бросайте сюда. Я сама постираю, вы не справитесь с моей капризной машиной.

– Э-э... – смутился рейнджер.

– Давайте без лишних слов! – скомандовала Энн. – В шкафу найдёте чистую домашнюю одежду. Это вещи моего покойного мужа. Они вам подойдут, он был такой же... рослый.

Хотя женщина старалась говорить спокойно, напряжение в голосе выдавало свежесть потери.

– Сочувствую вашему горю, – тихо сказал Мэтт. – Я немного знал Эндрю. Он был прекрасным человеком.

– Спасибо, – и Энн ушла.

Вода бежала по сильному стройному телу Мэтта, смывая пот и усталость.

Душ воскресил рейнджера. Он с сожалением закрыл горячую воду и вышел из кабины. Его одежду Энн уже забрала, и он надел мягкие светлые шорты и футболку. Она была ему маловата: слишком обтягивала грудь и плечи.

Мэтт вздохнул, вспомнив беднягу Эндрю. Тот погиб восемь месяцев назад при прокладке своей шахты. Самая типичная смерть старателя на Титане – от обвала. А беспокойные вулканы и землетрясения, вызывающие сдвиги ледяных пород, густым кольцом охватывают малонаселённый южный берег Ксанаду.

Рейнджер вышел в гостиную, но Энн там не было.

Она пришла только спустя десять минут, и глаза её были красны.

Её «сорвало», когда она загружала одежду прищельца в стиральный барабан. Взяв в руки рубашку Мэтта, она вдруг почувствовала запах мужского пота, так похожий на запах работяги

Эндрю. Она сомнамбулически поднесла рубашку к лицу, ещё раз вздохнула... – не выдержала и зарыдала, уткнувшись в клетчатую шерстяную материю.

Запах мужской рубашки опрокинул какие-то барьеры в Энн, которая прочно держала своё горе в кулаке, – даже брат, поселившийся в её доме полгода назад, удивлялся выдержке сестры. И вот, всего лишь из-за рубашки, которая долго облегла крепкие плечи...

Она выплакалась и почувствовала облегчение. С большой неохотой Энн положила в мыльную воду рубашку гостя. У неё даже появилась невозможная и неприличная мысль её украсть...

Женщина не возилась у кухонного автомата, но он справился сам.

Мэтт мудро решил не спрашивать, почему глаза хозяйки красны, и лишь нахваливал прекрасные отбивные и печёные ломтики сквоша с сыром.

– Мэтт, меня удивляет, что вы приехали как раз тогда, когда моего брата нет дома. А он крайне редко отсутствует. Это совпадение? – вдруг прямо спросила Энн.

Мэтт помедлил. Молодая женщина была не только миловидна, но и проницательна.

– Нет, – признался он. – Это не совпадение. Но дело не в том, что ваш брат уехал, а в том, что завтра ваша заявка должна быть заверена.

Женщина напряглась и невольно отодвинулась от стола и Мэтта.

– Не бойтесь меня, – сказал Мэтт. – Я заглянул сюда проследить, чтобы вас никто не обидел. Слишком много неприятных случайностей происходит с людьми в тот день, когда они должны стать законными собственниками квадратной мили вокруг своего дома. Особенно если речь идёт о перспективном руднике...

– А не являетесь ли вы сами этой неприятной случайностью, мистер Уайт? – высоким голосом спросила Энн.

– Нет, мэм... Энн... – мягко ответил рейнджер. – Захватом рудников занимаются бандиты, связанные с геологическими компаниями императора Дональдса. Только с его помощью можно нанять армию адвокатов, чтобы затормозить возможный судебный процесс, и армию киберов, чтобы за месяц выпотрошить любое месторождение кристаллов. Я одиночка и не работаю на императора. У меня с его шакалами... свои давние счёты.

– Вот почему вы здесь, – догадалась Энн. – Вы надеетесь на стычку, в которой будет возможность отомстить за какие-то обиды?

– Я всего лишь надеюсь помочь вам, если в этом появится необходимость. Вам с моей стороны ничто не грозит, тем более что ваш брат уже знает о моём присутствии...

Мэтт не сомневался, что Энн звонила брату.

– Если вы завтра благополучно ответите на вызов судьи и завершите законное оформление своего рудника, то я сразу поеду дальше – у меня действительно есть дела в Сильвер-Хилле.

Лицо женщины расслабилось и погрузнело.

– Извините, Мэтт, что я вас заподозрила. Я действительно опасаюсь... что завтра мне могут помешать. Мне уже предлагали за бесценок продать рудник – и очень настойчиво.

– Значит, они знают, что вы нашли хорошие гнёзда кристаллов.

– Конечно, это очень трудно утаить.

Энн вдруг встала и вышла. Через несколько минут она вернулась и положила перед Мэттом горстку ветвистых кристаллов.

– Может, я дура, что вам их показываю, но вы умеете вызывать доверие одиноких женщин.

– Это мой главный талант... – серьёзно сказал Мэтт и склонился над кристаллами, чтобы получше их рассмотреть.

А Энн глядела на Мэтта, обветренного, загорелого, с широкими плечами. Лицо молодого рейнджера было сухощавым и мужественным, с синими детскими глазами. В нём чувствовалась уверенность и надёжность.

Да, перед Мэттом лежали первоклассные титаллы, драгоценные органические кристаллы Титана, золотистые по альфа-граням и рубиново-красные по бета-граням. Учёные считали титаллы невозможной аномалией, но факт их существования был бесспорен, и тысячи геологов и старателей добывали эти драгоценные веточки, пробивая шахты в глубину времён – туда, где углеводородные пласты миллионами лет прессовались в челюстях лёдников.

Красивые двуцветные кристаллы высоко ценились не только модницами, но и производителями электроники: титаллы служили основой самой компактной и надёжной перезаписываемой киберпамяти.

Могущественная империя Дональдсов, основавшая нынешнюю столицу Титана, не упустила выгодный рынок и захватила самые крупные месторождения кристаллов. Но и этого империи было мало: её агенты внимательно следили за результатами разведки индивидуальных старателей, которые разбрелись по дальним провинциям и берегам метановых морей Титана и закладывали там собственные шахты. Как только шахты натыкались на хорошую рудную жилу, империя всеми правдами и неправдами старалась отобрать у старателей лакомые куски. Агенты императора рыскали везде: они получали процент от захваченной добычи. Своей жадностью и жестокостью они заслужили прозвище «шакалы» и ненависть старателей.

– Прекрасные экземпляры, – с восхищением сказал Мэтт, отдавая кристаллы. – Если эти образцы типичны для вашей жилы, то завтра вы станете богатой женщиной! И перестанете сами стирать рубашки всяким бродягам.

Энн заметно вздрогнула, удивив Мэтта.

– Я рада, мистер Уайт, что вы гостите в моём доме. Спокойной ночи! – И она стремительно вышла из гостиной в боковую дверь.

Мэтт недоуменно пожал плечами, глядя на едва тронутую тарелку хозяйки.

Сам-то он доел всё до крошки. Ладно, честно признаемся – рейнджер стянул и съел ещё и отбивную с тарелки Энн. Ох уж эти холостые голодные мужчины...

Мэтт заснул рано, поэтому пробудился среди ночи. Посмотрел на часы: пять утра по универсальному времени, ещё можно пару часов поспать. Но долгая дорога всегда сушит горло.

Мэтт встал, натянул шорты, покосился на тесную футболку и решил, что до столовой и так дойдёт.

На кухне Мэтт заказал себе стакан лимонного напитка и заметил винтовую лестницу наверх – явно на смотровую вышку.

«Надо сделать рекогносцировку местности...» – и Мэтт отправился по крутым ступенькам.

Они действительно привели его в стеклянную башню с небольшим телескопом. Но великолепный круговой обзор был частично загорожен.

– Простите, Энн! – воскликнул Мэтт, замерев на месте. – Я не знал, что вы здесь.

Энн стояла босиком, в длинной ночной рубашке, и смотрела на море.

– Не могу спать. – Она обернулась и в упор поглядела на атлетически сложенного голого до пояса рейнджера. – Вы растревожили мой покой, мистер Уайт.

– Извините, мэм... – бормотал рейнджер, пятясь задом к лестнице.

– Не уходи, Мэтт, – сказала Энн...

Через три часа они снова стояли в смотровой башне. Они уже успели выпить кофе – Энн прекрасно его варила – и слегка одеться.

Хозяйка показывала рейнджеру местные достопримечательности, водя рукой по неровному горизонту. Но иногда Энн умолкала, поворачивалась к Мэтту и утыкалась лицом ему в грудь или в плечо. И неподвижно стояла с полминуты. Потом, как ни в чём не бывало, продолжала свой рассказ:

– Мы с Эндрю выбрали это место, потому что отсюда хорошо видно море. А в летний шторм брызги прибоя долетают даже до дома. Но это место оказалось удачным и для шахты – может, правду говорят, что кристаллы тоже любят море? К времени, когда Эндрю погиб, уже было понятно, что месторождение очень богатое, и тогда я вызвала своего брата, потому что одному человеку рудник не поднять.

– А что там за группа скал?

– Это выход из системы пещер возле каньона Дикой реки. Их тут как дырок в сыре – мы даже использовали одну в качестве начала шахты.

– Не скучно жить в провинции, вдали от крупных городов?

– Я пять лет проторчала в Ксанаду-Маунтин, но мне не нравится городская суета и работа на босса. Мне хочется быть хозяйкой своей жизни и не зависеть от капризов менеджеров компании. Кроме того, тут изумительные пейзажи. Когда над бушующим морем виден Сатурн с кольцами и дюжиной спутников, то просто дух захватывает.

– Да ты романтик, Энн!

– Без красоты жизнь пресна. Но как ты, Мэтт, стал бродягой и рейнджером? У тебя есть постоянное жилье?

– Нет. Только моя лошадка и дешёвые гостиницы. У меня нет денег на дом.

– И ты, бедняк, в одиночку бросил вызов императору?

– Император Дональдс, безусловно, могуч, поэтому его слуги преступают закон так часто, как им захочется. Но в провинции в их планах иногда случаются небольшие заминки.

– Например, в виде тебя?

– Да, – согласился Мэтт. – Я никогда не считал себя большим человеком. Возле столицы мои усилия ничего не дадут, а в таких удалённых от закона местах я иногда могу быть полезным.

– Так ты бескорыстный рыцарь и Робин Гуд?

– Ну... я вовсе не бескорыстен. Мне нужна еда и одежда, а моей лошадке – энергия и запчасти. Профсоюз старателей снабжает меня припасами и кое-какими премиальными деньгами. Так что в каком-то смысле я на них работаю.

– У тебя шрамов на теле больше, чем у меня пальцев на руках. Это тоже можно оплатить деньгами?

Мэтт нахмурился.

– Я родился на Титане. Имперские шакалы захватили рудник моего отца, когда мне было четырнадцать. Толстозадые земляшки! Терпеть их не могу!

– Я тоже земляшка, – сказала Энн.

– Не хотел тебя обидеть, и ты вовсе не... э-э...

– Ладно, принимаю твоё «э-э...» как комплимент. Рассказывай дальше.

– Я вырос в приюте Кристалл-Сити и с тех пор обожаю наступать на хищные лапы империи – везде, где они тянутся сломать жизнь таким труженикам и пионерам периферии, как вы с братом. Вот я и езжу по берегам Ксанаду, люблюсь прибором и заглядываю на маленькие рудники, у которых наступает день регистрации.

Энн вздохнула. Они оба знали, что в момент рассмотрения заявки будущий владелец рудника становится очень уязвимым. Если он не выйдет на видеосвязь из своего дома и не подтвердит судье Кристалл-Сити под присягой, что постоянно проживает здесь в течение года, то регистрация нового участка откладывается на много месяцев и «ничейный» рудник становится лёгкой добычей банд шакалов.

Запищал зуммер и засветился экран. Два крупных вездехода типа «краб» преодолевали поворот в миле от дома.

– Императорские агенты! – побледнела Энн. – Всё-таки приехали.

Мэтт присвистнул:

– На двух тяжёлых бронеходах! Чёрт побери, они решили, что тут крепость?

Энн включила коммуникатор:

– Предлагаю вездеходам остановиться. Вы вступили на территорию рудника «Южный», и я, Энн Чандлер, его хозяйка, запрещаю вам двигаться дальше!

– Не втирайте нам очки, вы ещё не владеете этим рудником, – раздался из динамика грубый голос. – Я хотел бы перемолвиться с вами парой словечек по этому поводу. Если мы договоримся о цене рудника, то это будет лучший выход для вас.

– Я уже всё сказала вам, мистер Барт, о вашем оскорбительном предложении, – яростно крикнула Энн.

– Не стоит так сердиться. Лучше что-то, чем ничего.

– Не замахнулись ли вы на слишком большой кусок, мистер Барт? – вступил в разговор Мэтт.

– Вот и наш рейнджер Уайт! – обрадовался грубый голос. – Значит, не зря я захватил ребят побольше.

Мэтт отключил коммуникатор и повернулся к женщине:

– Я оказал тебе медвежью услугу, Энн. Они приехали такой армией, потому что рассчитывали на встречу со мной.

– Я не справилась бы и с одним танком. Двое против двух – лучше, чем один против одного.

– Ты даёшь мне разрешение действовать так, как я считаю нужным, для защиты твоей собственности?

– Да, – побледнела Энн.

– Значит, у вас появился наёмный работник, мэм. Когда спутник-ретранслятор выйдет в зону видимости и появится связь с Кристалл-Сити?

– Через три часа.

– Они всё грамотно рассчитали... Держи глухую оборону до связи с судьей, а после регистрации заявки сразу сообщи о незаконном вторжении на твою территорию. Я постараюсь увести их от дома.

– Будь осторожен, Мэтт! – Энн побледнела ещё больше, и на её милом лице прибавилось веснушек.

– Не волнуйся, Энн.

Мэтт включил коммуникатор.

– Я вижу, Барт, что наша прошлая встреча тебе запомнилась. И без пары тяжёлых танков ты уже не осмеливаешься встречаться со мной. Настоящий мужчина! А запасные памперсы ты захватил?

– Потявкай напоследок, Уайт. Что-то мне подсказывает, что это будет наша последняя встреча!

Рейнджер вырубил связь и сказал:

– Мне пора. С шакалами больше ни о чём не говори.

Энн крепко поцеловала Мэтта, и на её зелёных глазах выступили слёзы, сделав их ещё зеленее.

– Я буду ждать тебя. Возвращайся!

Отдохнувший и сытый, «мустанг» пулей выскочил из шлюза, и Мэтт погнал его на развилку в четверти мили от дома. Он заранее надел кислородную маску и не стал герметизировать кабину. Рядом наготове лежал испытанный карабин с фирменным клеймом на прикладе: «Winchester, VA».

Он успел вовремя, развернулся на перекрёстке и стал поджидать гостей.

Как только оба тяжёлых «краба» показали из-за поворота, Мэтт высунул карабин и выстрелил картечью: сначала в лобовое стекло первому вездеходу, потом – второму.

Стрелял Мэтт отменно, и горсть крупной дроби попала именно туда, куда и ожидалось, – прямо перед лицом водителя. Конечно, даже картечь не возьмёт бронестекло – выстрелы были лишь оскорблением. И оно достигло цели: в эфире раздался взрыв ярости и грязная ругань.

Мэтт вдавил педаль газа до упора, и «мустанг» прыгнул на крутую дорогу, ведущую в скалы.

Барт открыто орал, даже не переходя на внутреннюю связь:

– Оторвём голову этому ублюдку! У нас куча времени, с вдовой мы ещё успеем разобратся!

И оба вездехода повернули на дорожной развилке не к дому, а вслед за Мэттом, на что он и рассчитывал, зная психологию оскорблённых мужчин.

Прежде чем лошадка Мэтта свернула за скалу, каждый из «крабов» успел дать вслед по пулеметной очереди. Одна прошла правее и раскрошила придорожную скалу. Вторая крупнокалиберная очередь вспахала дорогу, разминувшись с вездеходом Мэтта всего на два фута и оставив позади его колёс цепь дымящихся ям.

Мэтт успел заметить в экране заднего обзора, что мутные пятна на стекле преследующих его «крабов» не стираются, невзирая на усилия дворников-щёток. Значит, дробь вдобавок ухудила врагу видимость.

Скорость «мустанга» была выше, чем у вездеходов, но только на приличной дороге – среди камней и песка вездеходы догоняли Мэтта. Где его лошадке приходилось искать объезд или снижать скорость, чтобы не пропороть шины или не угробить амортизаторы, – там тяжёлые вездеходы шли напролом, раскалывая бронированными носами полупрозрачные ледяные валуны и размётывая дюны оранжевого песка. Клейкие углеводородные лужи тоже не задерживали массивных «крабов».

Дорога забежала на бугор, и Мэтт этим воспользовался: спустившись в низину и оставаясь в зоне невидимости, выбросил на дорогу пару плоских блинов.

Вездеходы выскочили из-за бугра, и почти одновременно раздался два мощных взрыва.

Однако то, что было бы фатально для лёгкого вездехода, оказалось малоэффективным против тяжёлого танка.

Колесо у переднего «краба» разнесло в клочья, но это лишь вызвало новую порцию ругани: вездеход был восьмиколёсный, и потеря одного колеса почти не замедлила погоню.

Выстрелы из пулеметов дополнялись огнём из лазерных ружей. Когда световой импульс впивался в придорожную полупрозрачную скалу, та освещалась изнутри кровавым мерцающим светом и лопалась. Два лазерных выстрела уже попали в корму «мустанга» – и там появились пробоины, по краям вскипевшие металлом.

Пулей зацепило и заднюю шину. Она ещё держалась на поддуве, но такая меткость преследователей тревожила Мэтта.

Барт хорошо подготовился после прошлого поражения и взял своих лучших людей.

Дорога выбежала на край моря, и в плотной азотной атмосфере поплыли клочья метанового тумана.

Комбинезон Мэтта был старым, терморегулировка барахлила, и свист морского ветра заставил выносливого рейнджера поёжиться в негерметичной кабине.

Меткая пулемётная очередь ударила прямо в колпак. Мэтта засыпало стеклянной крошкой.

«Чёрт!»

Мэтт впервые подумал, что смерть более вероятна, чем жизнь, и что он может не пережить этот день.

Что ж, это его дорога, и он её выбрал сам.

«А как же Энн?»

Мэтт пришпорил свою лошадку, несмотря на то что держаться на скользкой дороге было совсем не просто. На такой бешеной скорости «мустанг» делал огромные прыжки, на целые секунды зависая в воздухе и пролетая по несколько десятков метров: тяготение на Титане было в восемь раз меньше земного. Искусству, с которым Мэтт управлял своим «мустангом», позавидовали бы и легендарные ковбои.

Рейнджер старался быстрее добраться до прибрежной скалы, выступающей в море. Дорога огибала скалу, тесно прижимаясь к ней и пугаясь крутого обрыва, чьё подножие скрывалось в рычащих волнах, кипящих в двухсотфутовой глубине, но иногда неожиданно подступавших к самой дороге.

Наконец рейнджер добрался до скалы. Смертоносные «крабы» приотстали от шустрой лошадки Мэтта, но патронов не жалели и всё время грохотали длинными очередями – хорошо ещё, что танки тоже мотало на плохой дороге.

Как только Мэтт обогнул скалу и скрылся с глаз шакалов, он сразу резко сбросил газ и, выбрав подходящий поворот, нажал на небольшой рычаг. В корме машины открылась дверца, и раздалось дробное мелодичное постукивание.

Как только звук прекратился, Мэтт снова нажал на акселератор.

Передний вездеход с повреждённым колесом огибал скалу на максимально возможной скорости. Барт сидел рядом с Збигневом-водителем и подгонял его свирепой руганью. Вдруг он заметил на дороге странное мерцание.

– Что это? – крикнул Барт, а водитель уже тормозил, бледный, как заснеженная придорожная скала.

Но было поздно: вездеход влетел на крутой изгиб дороги, засыпанный круглой ледяной галькой, набранной Мэттом вчера на пляже. За ночь шарики из водного льда в багажнике «мустанга» сильно нагрелись: от обычных минус ста шестидесяти пяти цельсиев аж до минус сотни. И сейчас морская галька лежала на дороге, твёрдая, как камень, и скользкая, как и положено льду. Шарики из водного льда, высыпавшиеся из машины Мэтта, были раскалены с точки зрения обычной титанской погоды, и сейчас метановый снег и углекислотный иней с шипением таяли вокруг ледяных голышей, делая их ещё более скользкими.

Шины вездехода давили гальку, но та не сразу поддавалась, катилась и юзила. Сцепление колёс с грунтом резко уменьшилось, и «краба», под яростную ругань людей, сидящих внутри, стало заносить. Водитель рвал рычаги как безумный, но набранная инерция тащила «краба» боком по катящемуся ледяному гравию – прямо к двухсотфутовой пропасти, в которой бушевал метановый прибой.

Вездеход чуть замедлился, сгребая россыпь крупных камней на обочине, а потом столкнул их в пропасть и сам рухнул вниз, кружась и переворачиваясь в облаке обломков. Фонтан отметил место падения танка, и красноватые метановые волны сомкнулись над машиной.

Второй вездеход успел отреагировать на судьбу первого, сбавил скорость и миновал опасное место благополучно.

И гонка продолжилась.

Вскоре положение Мэтта стало отчаянным. Он не рассчитывал, что противников окажется так много и они будут так хорошо вооружены. Пулеметные очереди свистели вокруг, кромсали остатки стеклянного колпака, дырявили корпус и шины. Почти все колёса уже ехали на поддуве, а левое среднее превратилось в лохматую мочалку, бессильно шлепающую по дороге.

Мэтт тоже отстреливался, целясь по шинам, стеклу водителя и перископу пулемёта, но у него не было шансов подбить танк из карабина, даже с бронебойными пулями, а мины у него кончились.

Последняя надежда была отмечена на карте крестом.

Водители Титана пользовались трёхмерными картами, полученными спутниковым радаром. Горизонтальная точность карт достигала одного метра и позволяла автопилоту выбирать самую безопасную дорогу. Но Мэтт, по долгому опыту путешествий в ущельях Титана, знал, что в крутых каньонах карты могли ошибаться больше обычного – до нескольких метров. Граница между пропастью и дорогой иногда оказывалась значительно смещенной, в чём рейнджер вчера сам удостоверился.

Он ехал к месту, где дорога петляла над ущельем. Теперь Мэтт должен был сыграть на ошибке в карте, о которой его враги не знали. И это был рискованный трюк...

Мэтт подпустил к себе броневик на расстояние нескольких десятков метров. Пулемет строчил, не останавливаясь, дорога дымилась от ударов пуль, пыль взметывалась из-под колёс израненного «мустанга».

Приближался поворот, перечёркнутый крестом.

Мэтт схватил короткий карабин и закрепил его на груди.

Потом вцепился в рычаги и стиснул в напряжении зубы. Роковой поворот всё ближе и ближе...

«Краб» приблизился к «мустангу» вплотную. Сквозь исцарапанное бронестекло и пыль из-под колёс «мустанга» водитель «краба» плохо видел дорогу – и невольно ориентировался по противнику, следуя за ним, как привязанный. Автопилот следил за трассой по трёхмерной карте и не вмешивался в действия водителя, если не находил маршрут опасным.

«Мустанг» домчался до изгиба дороги, но не стал поворачивать. И вот перед ним разверзлась пропасть глубиной в сто восемьдесят футов.

«Мустанг», не снижая скорости, оторвался от грунта и слетел в ущелье.

Автопилот вездехода «не видел» опасности на карте, а человек-водитель слишком поздно понял самоубийственность прыжка машины рейнджера. Он завопил и ударил по тормозам, но «краб» уже падал вслед за «мустангом»...

Крики людей в «крабе» подстегнули Мэтта. Он выбил остатки колпака ногой и выпрыгнул из машины. Через секунду мимо Мэтта проплыл носом вниз броневик. Рейнджер отвел руки назад, схватился за рюкзак и распахнул небольшой парашют-крылья.

Падение замедлилось, и Мэтт успел увидеть, как его верная лошадка рухнула в скалы и превратилась в груды искрящихся и дымящихся обломков. Рядом упал «краб» – и взорвался, будто граната.

Но переживать было некогда. Ветер сносил Мэтта вдоль ущелья, и он опускался всё ниже между почти отвесными стенами каньона. Тут рейнджер чертыхнулся и максимально расправил крылья, пытаясь перелететь ту самую метановую промоину, которую он вчера так лихо форсировал на «мустанге». Но сейчас под ним не было его верной лошадки...

Несмотря на все усилия, Мэтту не удалось долететь до берега.

Он приземлился по колено в жидкий метан.

Смертельный холод пронзил его ноги, одетые в тонкий старенький комбинезон. Такая защита хороша против холодного воздуха, но от жидкости при минус ста семидесяти цельсиев она не уберезет. А универсальный комбинезон стоит почти как новый «мустанг».

До сухого берега было метров двадцать. Мэтт брел по метановому болоту, и ледяная жидкость стремительно высасывала из него силы. Ноги немели. Мэтт понимал, что если упадёт, то умрёт от холода за несколько секунд.

Он чудом добрёл до ледяной обрывистой кромки, навалился на неё животом и осторожно выбрался на берег.

От дома Энн рейнджера отделяло несколько миль. Связи не было – видимо, каньон экранировал сигнал, но Мэтт всё равно оставил рацию на волне «SOS» и поковылял к выходу из ущелья на негнущихся ногах.

Прошло минут сорок, пока он добрался до дороги, но вместо помощи его встретил ураганный огонь из лазерных винтовок. Один выстрел прожёл комбинезон на плече и зацепил руку.

Не считая Земли, Титан – единственное тело в Солнечной системе, где человек может находиться без герметичного скафандра, но антарктический земной холод по сравнению с холодом Титана выглядит как тёплый летний вечер, поэтому любые дыры в комбинезоне, открывающие холоду ещё одну брешь, могут легко стать смертельными.

Мэтт рухнул за огромный валун, стянул с плеча карабин и, задышав, крикнул:

– Кто вы, чёрт вас дерит, и что вам надо?

– Ты про нас забыл, ублюдок? – услышал он злобный голос Барта.

Значит, вынырнул из моря непотопляемый Барт. Судя по обстрелу с двух направлений, спасся он не один. А найти Мэтта было легко – по его собственным сигналам «SOS».

Опять неравные силы. Почему это перестало удивлять Мэтта?

Рейнджер смертельно устал. Комбинезон старался нагреть его ноги, но они уже не чувствовали тепла. Мэтт совершенно не был готов к новой драке, но его никто и не спрашивал – готов ли? Просто стреляли – и всё.

Рейнджер с трудом покрутил головой. По бокам – крутые ледяные стены, впереди – Барт с кем-то ещё. Сзади – метановое болото.

Что делать? Мэтт лег на спину, зацепил зубами из рациона остаток шоколада. Потом запил его последним глотком кофе – того, который сварила утром Энн...

Глаза и мозг немного прояснились, и рейнджер заметил глубокую расщелину в стене каньона. Явно выходное отверстие для весенних метановых ручьёв. Значит, где-то есть и входное? Возможно, оно будет слишком мало для человека, но рискнуть стоило.

Мэтт вставил в карабин патроны с разрывными пулями и выстрелил несколько раз по стенам ущелья над головами своих противников. Куча обломков и пыли рухнула на Барта и его водителя Збигнева, который тоже сумел выбраться из утонувшей машины.

Пока они ругались и протирали щитки кислородных масок, Мэтт успел перебраться в пещеру. Барт слишком поздно заметил его движение и лишь бесполезно выстрелил вслед.

– Пошли за ним! – крикнул он Збигневу.

И они бросились к пещерному входу, полагая, что сейчас Мэтт удирает в глубь горы как можно быстрее.

Но навстречу раздался выстрел.

Збигнев застонал и упал ничком. Барт грохнулся рядом, убедился, что невидим для Мэтта, и перевернул Збигнева.

Грудь того стала решетом, из которого сеялись красные льдинки.

Трудно сказать, что быстрее остановило сердце водителя – смертельный холод или убийственная картечь, но через минуту Барт остался один. И почувствовал страх. Когда у него был огромный перевес в силах, он всё равно не смог победить Мэтта Уайта. Теперь же они остались один на один.

На что он надеется? Он падал сегодня со скалы и выныривал со стофутовой красной глубины. Его тело избито, он еле жив... Но он зашёл слишком далеко – и не может остановиться. Один из них должен умереть, и Барт сделает все, чтобы это был Мэтт.

Он сместился по осторожной дуге так, чтобы лучше видеть вход в пещеру, и обругал себя за то, что не сделал этого маневра, когда Збигнев был жив.

Сейчас Мэтт действительно ушёл в глубь ледяной стены, и императорский агент осторожно отправился следом.

Вскоре Барт понял, что его противник не идёт, а ползёт – слишком усталый или раненый, чтобы шагать на своих двоих. Барт обрадовался и заторопился.

И едва не нарвался на выстрел из карабина – хорошо, что увидел впереди блеснувший ствол и успел спрятаться за пещерный выступ.

Когда развеялись пыль и дым от попавшей в стену картечи, Барт издевательски крикнул: – Ты так устал, Мэтт, что стал промахиваться? Позволь мне пристрелить тебя без мучений. Всё равно тебе грозит пожизненное наказание за смерть моих семерых людей. Нужно расплачиваться за содеянное.

Раздался голос Мэтта:

– Твои люди получили то, что заслужили. Вы просто банда кровавых убийц. Кто взорвал дом Пашута на участке «Килиманджаро»? Кто осадил рудник Самуила Пярну и вывел из строя кислородную систему, отчего вся семья Самуила, включая маленького сына, умерла от удушья? Это сделали ты и твои наёмники.

– Хе-хе, я вижу, слава обо мне гремит. Пашут сам виноват, что открыл такое богатое месторождение и не согласился мне его продать. И Самуил тоже был неправ – имея в семье маленьких детей, он посмел спорить о цене, которую я ему предложил за участок.

– Ты перестал быть человеком, ты – просто бездушное оружие «Титан Минералз», которая скупает захваченные рудники, не спрашивая, откуда они взялись. Но если станет известно о твоих методах ведения дел, то императорская компания живо от тебя откестится и сделает козлом отпущения.

– И от кого публика узнает о моих методах?

– От тебя самого – из записи этого разговора.

– Связи у тебя нет, и все твои записи умрут сейчас вместе с тобой.

И Барт выстрелил в сторону Мэтта. Лазерный луч врезался в потолок; толща полупрозрачной породы озарилась красным светом. Потолок треснул, и посыпались куски льда.

Мэтт заметил, что лазерная вспышка осветила на потолке характерную прослойку метанового льда. А лед этот очень нестабильный, его легко разогреть.

Рейнджер достал инфракрасный нагреватель из аварийного набора и нацелил его на потолок над Бартом. Бандит, ничего не замечая, хвастался своими грязными делами.

Может, психологи многое узнают о Барте, проанализировав его словесный поток, но Мэтта просто мутило от откровений наёмника.

Может, Барт предчувствует свою гибель и надиктовывает мемуары на этот случай? Даже маньяки хотят остаться в истории – пусть хотя бы в роли героев криминальной хроники.

Вскоре метановые ручейки побежали по стенам пещеры. Раздался треск.

Чтобы заглушить его, рейнджер крикнул:

– Барт! Ты очень хотел захватить эту землю. Теперь у тебя её будет вполне достаточно!

И выстрелил в потолок.

Огромный пласт породы обрушился на Барта, поставив тяжёлую точку в его гнусных откровениях.

Но рухнувший пласт был заметно больше, чем рассчитывал Мэтт: он накрыл обоих противников.

Энн благополучно зарегистрировала участок и даже успела встретить брата, срочно прилетевшего домой. Но ни Мэтт, ни имперские стражники не появлялись. Утренняя стрельба и взрывы были хорошо слышны Энн, и наступившая тишина пугала её ещё больше – она казалась кладбищенской.

– Он наверняка погиб, возможно, упал в море, – пожимал плечами рыжий Свен, похожий на сестру, но лохматый, со сломанным носом и дерзкими глазами. – Один на лёгком «мустанге» против двух тяжёлых «крабов»...

Но Энн не хотела верить в худшее.

Вдруг засветился экран, на нем появилась карта с тревожным красным огоньком.

– Сигнал «SOS» от той группы скал, где пещера! – воскликнула Энн. – Полетим туда вместе.

Мэтт полз по тёмным ледяным норам целую вечность. Потом ещё одну вечность, и ещё одну... Потом он сбился со счёта и решил поспать...

Пробуждение было приятным: на рейнджера глядели влажные зелёные глаза.

Мэтт лежал в санитарном коконе, и кибермедик колол его бесчувственные ноги, освещал их и массировал.

Энн сидела рядом и обрабатывала потрескавшееся от мороза и исхудавшее лицо своего спасителя. На теле Мэтта была куча обморожений, лазерных ожогов и синяков – будто он где-то ухитрился попасть одновременно в метановое болото и под обстрел с обвалом.

– Ты опоздал на обед.

– Не было аппетита. Что-то на нервной почве.

– А сейчас?

– Готов съесть три отбивные, два палтуса и всю тебя.

Через пару часов Мэтт почувствовал себя настолько лучше, что даже сел ужинать вместе с Энн и Свеном.

– На чём же ты будешь ездить? Как доберёшься до Сильвер-Хилл? – спросила Энн у рейнджера. Тот почесал висок со свежей ссадиной.

– Могу ли я попросить подбросить меня в Сильвер-Хилл? У меня срочное дело: у пожилой четы Симмонсов кончается годичный срок, и я должен узнать, как у них дела. И ещё... Вы, наверное, слышали, что в Сильвер-Хилле появилась сатурнианская штаб-квартира династии Гринвич. На Титан пришли большие перемены. Династия Гринвич собирается помочь профсоюзу старателей в борьбе с агентами Дональдса. Я везу в Сильвер-Хилл кучу улик против этих мерзавцев. Королева скоро прибудет сюда лично – вместе с большой группой независимых судей. Многомесячная очередь в суды исчезнет, и заявки на участки будут регистрироваться в любой день. Владельцы шахт перестанут бояться «шакалов»... с такой могучей поддержкой мы быстро вытравим эту стаю.

Мэтт улыбнулся, и эта полудетская улыбка озарила его лицо.

– А когда жизнь потеплеет, то и я перестану быть бездомным ковбоем и осяду где-нибудь на свободном берегу неподалёку от вас, буду ковыряться в шахте и смотреть на волны.

– Насчёт новых судей – это было бы хорошо, – сказал Свен. – Не знаю, сколько платят нынешним судьям Дональдсы, но слишком часто торжествуют компании императора, а не независимые старатели.

– И все-таки, на чём ты будешь ездить? – настойчиво расспрашивала Энн.

– Пока не знаю, – вздохнул Мэтт.

– Вот что, – решительно заявила Энн. – Ты потерял машину, защищая мой рудник, и я, в качестве платы, отдаю тебе вездеход, на котором прилетел Свен. Это «Дракон» – самая лучшая из наших трёх машин. Она практически новая, мы купили её недавно и почти не пользовались.

Брови Свена удивлённо поползли вверх, а глаза Мэтта округлились:

– «Дракон»?!! Тот, что может не только ездить, но и летать?

Энн кивнула:

– Пять часов автономного полёта со скоростью двести миль в час. Посадка и взлёт вертикальные, никаких аэродромов не нужно. Высота полёта до пяти миль – ты сможешь чаще видеть звёзды и свои любимые голубые рассветы на Сатурне. И ещё – в «Драконе» есть универсальный комбинезон, а не та дрянь, в которой ты ходил.

– Нет, – категорически заявил Мэтт. – Я не могу забрать у вас такую ценность. Слишком большая плата за однодневную службу.

– Хорошо, не будем говорить о плате, – подняла брови Энн. – По закону гостеприимства гость должен принять ответный подарок хозяев.

Мэтт окончательно сдался, лишь когда остался наедине с Энн.

Добившись своего, владелица рудника удовлетворённо вздохнула, а рейнджер сказал:

– Видишь, я вовсе не бескорыстен. За несколько часов я заработал машину, которую и за несколько лет бы не купил. Я очень хитёр!

– Я помню, ты уже говорил, что умеешь втираться в доверие к одиноким женщинам. Признайся, ноги обморозил так, что чуть их не потерял, тоже, чтобы меня разжалобить?

– Да, с ногами я немного переиграл...

– Я тебя увижу снова?

– Конечно! Мы, бродяги, вечно стучимся в двери к молодым одиноким женщинам и просимся на ночлег и стирку.

– Ты врёшь!

– Не забывай, что в твоём гараже хранится масса новеньких запасных частей к моему «Дракону».

– Ты врёшь.

– Я полюбил тебя с первого взгляда.

– Ты врёшь...

Пыль взметнулась из-под дюз «Дракона», и машина умчалась в облачное небо, превратившись в яркую комету на фоне оранжевых туч.

– Как ты думаешь, – спросила Энн брата, не отводя глаз от светлого пятна на облаках, – приедет он через год, когда мы будем подавать заявку на расширение участка?

– Интуиция мне подсказывает, что он приедет гораздо раньше, – сказал брат.

Рыжеволосая женщина счастливо улыбнулась, а прижимистый Свен неодобрительно добавил:

– Вернее, не приедет, а прилетит.

Глава 4

Королевская башня

На южной, самой солнечной грани огромного замка династии Гринвич разместилась небольшая трёхэтажная башенка, обычно называемая Королевской башней.

Это был дом для Никки, Джерри, Майкла и Сюзан.

Самый верхний – и самый светлый – этаж Королевской башни был детским – это было сложно организованное пространство с наполовину стеклянной крышей и множеством стрельчатых окон. В нём стояли два маленьких – словно игрушечных – домика. Это были спальни Майкла и Сюзан. Домик Сюзан был в виде старинной кареты на колёсах. Каждые полгода Сюзан просила перекатить свою спальню к новому окну, чтобы поменять поднадоевший ей вид.

Домик Майкла не только прыгал по детскому этажу как сумасшедший, часто занимая окно, освобождённое каретой Сюзан, но и менял облик примерно раз в месяц: от бревенчатой избушки до паутинного колокола водяного арахнида *Argyroneta aquatica*. В настоящее время Майкл спал в гигантской оранжевой тыкке.

На завтрак и обед дети спускались вниз, на следующий этаж, где размещалась столовая, соединённая с обширной кухней. Там был большой обеденный стол, за который можно было сесть вместе с друзьями. Но чаще семья завтракала за столиком возле окна – оно выходило в сад, разместившийся на широком балконе вокруг цоколя башни.

На другом этаже была спальня взрослых и два их рабочих кабинета.

Самый нижний – цокольный – этаж башни, уже сливающийся с наклонной стеной пирамидального замка, был деловым: для приёма посетителей и полуофициальных ужинов. Из него вели коридоры в главное здание и рубку – командный центр династии.

Эта башенка стала настоящим тёплым домом для Никки, Джерри и их детей.

Там было уютно жить.

Никки проводила в Королевской башне даже часть своего рабочего времени.

Джерри делил своё время между «Ельником», «Штопором» и «Лестницей», возился с математикой, программами и детьми, а также отвлекал Никки от утомительных многочасовых трудов с помощью самой вкусной еды, которую только мог придумать он сам и повар замка.

Джерри приходил в кабинет Никки и садился в кресло. Вокруг настольного монитора грудились электронные устройства разного назначения и неожиданные предметы. Нож с серебряной рукояткой в виде скрюченной когтистой лапы, сжимающей огромную чёрную жемчужину. Крупный прозрачный кристалл, выращенный по новой технологии. Памятный акулий зуб, лежащий в чаше синего вестийского хрусталя.

Джерри детально рассказывал о меню сегодняшнего ужина. Никки возмущалась, но упорно не отводила глаз от экрана:

– Так нечестно, ты же знаешь, как я запрограммирована на вкусную еду!

Он продолжал вкрадчивым голосом:

– Бекон, закопчённый на дровах сахарного клёна... Нежный омлет на сливках...

Никки не выдерживала, бросала свои занятия и устремлялась вслед за коварным Джерри.

Если слова не помогали, то Джерри просто взваливал Никки на плечо и шагал с ней в столовую.

Там уже сидели дети – Сюзан и Майкл.

Никки в них души не чаяла, труднообъяснимым, но таким понятным образом компенсируя этим собственное одинокое детство.

Если человек не брал на руки маленького сына, не прижимал лицо к его мягкой одежде, пахнувшей молоком и отрыжкой – он упустил в своей жизни нечто такое, что невозможно объяснить словами.

Никки рассказывала детям сказки и пела колыбельные песни:

Меркнут знаки зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над Землей Луна висит.

Над Землей большая плошка
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

Маугли любила наблюдать за играми детей. Игры – тайный ключ к детской душе.

Майкл обожал пускать в маленьком бассейне кораблики – с парусами, с моторчиками, на подводных крыльях.

Джерри, часто наблюдавший вместе с Никки за детскими развлечениями, как-то усмехнулся:

– В детстве бочка с дождевой водой – целый океан, в котором легко разворачиваются драматические морские баталии.

– А взрослым и настоящий океан становится скучен.

– У тебя сегодня мрачное настроение.

– Наверно, старею. Майкл, у тебя опять сопли!

Майкл оторвался от разгрома вражеского флагмана, вытащил платок и высморкался, возражая гундосым голосом:

– Это не сопли, а конденсат!

Сюзан любила читать и росла сложно. Её видение мира колебалось между поэтическим: «Облако – это непадающий дождь!» и неожиданным: «Мама, как орлы могут есть сырых мышей, да ещё нематыми лапами?»

Сегодня за столом назревала обычная война между младшим братом и старшей сестрой:

– Маленький обормот! Только посмей ещё раз залезть ко мне в комнату!

– Розовая моль! В твоей карете мне нечего делать – там с тоски мухи дохнут!

– А кто стащил конфеты с моей тумбочки? От краденого сладкого на носу выскакивают прыщи!

– Ты съела свои конфеты во сне, сомнамбула!

Никки вздохнула: брат и сестра пребывали в двух состояниях: или войны, или вооружённого перемирия.

В ходе этой войны Майкл недавно изобрёл пневматический дробовик – с дробью из зёрнышек папайи. Сестра ответила не таким передовым, но проверенным оружием – диванными подушками. После грандиозной битвы робот-уборщик неделю выбирал папайную дробь из ковров и мебельной обивки, жалобно причитая и подзаряжаясь чаще обычного.

Никки отругала изобретательного Майкла и предупредила:

– Не вздумай устроить гонку вооружений и перейти с папайной дробинки на авокадные ядра!
Где-то к Майклу был пришит бездонный мешок, откуда он неиссякаемым потоком вытаскивал разнообразнейшие вопросы:

– Папа! Почему вода сначала течёт из крана струйкой, а внизу превращается в капли?

– Э-э... струя воды разгоняется и поэтому становится всё тоньше. Свободное падение струи происходит в невесомости...

– Под нашим краном возникает невесомость?! – поразился Майкл.

– Да... и в невесомости на воду начинает активно действовать сила поверхностного натяжения, которая и советует воде принять оптимальную энергетическую форму...

– А, понятно!

– Что тебе понятно?

– Всё понятно! – и убежал.

Сюзан узнала, что есть лимонная кислота, потребовала подать ей вишневую и апельсиновую, страшно удивилась, что таких нет, и стала относиться к лимонам с большим уважением.

Майкл полз галсами по старинной морской карте, пуская густой угольный дым, хлопая потрепанными парусами и дудя в медный боцманский рожок – словом, совершая увлекательное кругосветное путешествие.

Вдруг он оторвался от карты:

– Папа, почему длина земного экватора равна 360 градусам, а в году – 365 дней? Эти числа подозрительно близки, но не совпадают!

Джерри понял, что попал в тяжёлое положение: как объяснить суть земного календаря мальчику, выросшему на Луне, на которой день равен месяцу? Нет, вы не хмыкайте, а возьмите такого маленького мальчика и сами попробуйте!

– Майкл, ты знаешь, почему мы живём по 24-часовому циклу?

– Потому что мы с Земли, а там Солнце встаёт каждые 24 часа... Вернее, это ты с Земли, а я с Луны, но ты все равно заставляешь меня вставать очень рано. Я бы ещё поспал пару часиков!

– Тебе ложиться надо вовремя – и тогда утро не будет казаться слишком ранним, – парировал отец. – Итак, ежедневная жизнь землян строго подчиняется вращению планеты вокруг полярной оси. Мерой отпуска чаще является *календарный месяц*, который измеряется по циклу роста *лунного месяца*. Он равен примерно 30 дням. Как космический мальчик, ты легко свяжешь календарный земной месяц с синодическим периодом обращения Луны вокруг Земли или длиной лунного дня.

Для древних людей год был равен времени между весенними разливами, или осенними урожаями, или между максимальными подъёмами Солнца над горизонтом – проще говоря, год равен сидерическому периоду обращения Земли вокруг Солнца. Но древние астрономы не сразу научились точно определять длину года, и, например, персы полагали, что 12-месячный год состоит из 360 дней. Значит, древние считали, что Солнце движется среди созвездий за сутки на 1 градус – поэтому градус и обозначается на морских картах маленьким кружком, египетским символом Солнца. Возможно, именно неточные 360-дневные календари вызвали деление круга горизонта на 360 градусов. Но есть и дополнительная причина появления этого числа.

– Какая? – поинтересовался Майкл.

– Вавилоняне основывали систему счёта не на 10 или 12, а на 60, которое они почитали за священное число, – отсюда пошло деление одного часа или градуса на 60 минут, а одной минуты – на 60 секунд. Кроме того, древние геометры любили хорду длиной в радиус. А если такой хордой пройти по окружности, то она разделится ровно на шесть частей.

Майкл немедленно смастерил циркуль из фломастера и ножа для разрезания бумаг, стащенного с рабочего стола матери и только что изображавшего капитанский кортик, и нарисо-

вал на полу круг (робот-уборщик в углу комнаты тихо взвыл от возмущения). Этим же циркулем мальчик «измерил» длину окружности, проверяя утверждение отца (все дети знают, что за родителями нужен постоянный присмотр!). Но всё оказалось верно: окружность разделилась ровно на шесть частей.

Джерри добавил:

– Если каждую из них раздробить на 60 градусов, то и получится 360. Но есть и ещё одна причина для этого числа.

– Ого, ещё одна... – с сомнением сказал мальчик.

– Число 360 весьма примечательно в математическом смысле: оно образовано умножением четырёх цифр подряд: $3 \times 4 \times 5 \times 6 = 360$ и само делится на 24 различных числа, например на все числа от 1 до 10, исключая 7. Это очень удобно для вычислений.

– Кажется, древние люди были не дураки насчет математики! – удивился Майкл.

– Они были не дураки во всём: шумеры, которые жили на территории Вавилонского царства тысячи лет назад, изобрели не только календарь, но и письменность, соху и колесо.

– Ого! – с уважением сказал мальчик.

Джерри и Майкл любили играть в ассоциации – непростые, конечно.

Например, отец задал тему:

– Душ.

Сын мгновенно отреагировал:

– Бутерброд!

– Почему?

– Горячую воду на себя намазываешь!

– Окно.

– Носорог!

– Почему?

Майкл ответил стихами:

Рама окна
Украсит сполна
Любого
Носорога!

– Слабовата рифма, – хмыкнул Джерри.

– Зато от души! – парировал Майкл и с гиканьем умчался в одному ему известные пампасы.

Сюзан спросила мать:

– Мама, почему мне нравится музыка?

– Непростой вопрос. Я думаю, что у каждого из нас внутри есть колокольчик. Или камертон. Если музыка его трогает – то он звучит в ответ.

– А если музыка человеку совсем не нравится? Колокольчика нет?

– Думаю, есть, но забросан всякой чепухой. Или замёрз.

– Надо просто дать людям послушать живую скрипку – тогда любой отгадает.

Увлечение музыкой у Сюзан началось с того, что Никки пригласила в замок юного музыканта, победителя городского конкурса скрипачей. Спокойный вежливый мальчик пришёл со скрипкой Страдивари и с папкой старых нот.

– Я сыграю несколько вещей Вивальди и Паганини, – сказал он тихим голосом.

И скрипка зазвучала, незаметно перейдя границу тишины и мелодии. Сюзанна заворожённо слушала музыку и следила за движениями смычка и скрипача. Локоть вниз – и скрипка стряхивает тонкие звуки. Локоть выше – скрипка звучит во весь голос. Локоть вверх – скрипка переходит в басы.

Играла скрипка, звучали руки.

Окончание грифа скрипки было самой красивой застывшей нотой.

Изящный инструмент прирос к музыканту как новая певучая часть организма. Девочка расширенными глазами видела, как левая рука музыканта оставляла скрипичный гриф и тянулась перевернуть пожелтевшую страницу нот. А скрипка послушно оставалась висеть в воздухе, упираясь лишь в подбородок, и даже продолжала тоненько петь смычку, зажатому в правой руке.

Когда концерт закончился, раздались аплодисменты.

Музыкант с достоинством поклонился.

– У вас очень музыкальный локоть, маэстро! – сказала Сюзан.

Юный скрипач склонил голову ещё раз. На его скрипичной скуле виднелась мозоль.

– Можно потрогать вашу скрипку?

Сюзан не только потрогала, но даже понюхала инструмент.

– Почему вы не играете на компьютере?

– Моей скрипке несколько сот лет, её звучание невозможно повторить на компьютере. Это называется феномен Страдивари. Никто не понимает – почему.

– Я знаю – почему: за много лет музыка впиталась в дерево скрипки, поэтому она так красиво и звучит.

– Это одно из лучших объяснений феномена Страдивари, какие я слышал, принцесса.

Попрощавшись с музыкантом и уже уходя из комнаты, Сюзан вдруг остановилась у дверей, вопросительно посмотрела на скрипача.

Он понял, задумался и поднёс смычок к струнам. Родился быстрый звук, который звенел, летел и жужжал.

Девочка протянула руку и схватила.

– Спасибо за шмеля, маэстро. Он не кусается?

– Принцесса, музыка жалит лишь мёдом.

Джерри разыскивал Майкла. Наконец нашёл на кухне. Тот сидел за столом перед двумя тарелками – с малиной и голубикой. Мальчик задумчиво нахлобучивал красную малину на чёрно-синий шарик голубики, отчего малиновая шапка разлезалась и между пальцев выглядывало лицо строгого судьи в старомодном парике. Майкл съедал голову судьи и тянулся за другой ягодой.

– Что ты делаешь?

– Малиновые кости жую...

Джерри выложил перед Майклом несколько разнообразных кубиков: тут был крупный пластиковый куб, металлический куб поменьше, ещё более маленький чёрный – каменный? – кубик, и ещё несколько других, вплоть до самого крошечного, еле заметного – золотого.

– Что это? – спросил Майкл.

– Помнишь, мы с тобой обсуждали – из чего состоит твой лэптоп?

– Ага, и ты сказал, что потом поговорим.

– Это потом настало: я получил нужные мне кубики.

– Что это?

– Те самые материалы, из которых состоит твой лэптоп.

Джерри показал налево, где лежали кубики кремния, железа, меди, пластика, а потом направо – на лэптоп Майкла.

– Больше ничего в твоём компьютере нет: лишь вот эти вещества, которые сплавил, по моей просьбе, в кубики.

– А куда делась информация? Исчезла?

– О какой информации ты говоришь?

– Ну, мои игры, музыка, книжки.

– Это всё исчезло. Но пропало не только содержимое памяти. Представь себе новенький лэптоп с чистыми информационными кристаллами. Теперь посмотрим на эти кубики. Что нужно для того, чтобы эти кубики превратились в лэптоп?

– Ну... эти кубики надо превратить в проводки, схемы и надо знать, как соединить их вместе...

– Молодец! ЗНАТЬ – это самое главное. Знание – это то, что превращает примитивные кубики в эту чудесную машину. Тысячи лет и гигантские усилия понадобились человечеству, чтобы узнать – как извлечь из земли и нефти необходимое железо, медь, кремний и органические полимеры и как составить из них эту умную машину, которая может говорить, думать и является нашим верным помощником и даже другом.

Майкл перебирал кубики, и его глаза горели. Знание представилось ему в совсем ином свете. Что там волшебная палочка – разве с её помощью можно сделать такое чудесное преобразование немых глупых кубиков в его сверхумный компьютер!

Отец сказал:

– Знание важно не только для компьютеров или космических кораблей. Что ты ел на завтрак?

– Я пил кофе и ел хлеб с ветчиной и сыром.

Майкл облизнулся и отложил кубики:

– А ты знаешь, сколько знания вложено в такую простую вещь, как бутерброд с маслом, ветчиной и сыром?

Видя недоуменный взгляд сына, он стал рассказывать:

– Хлеб – вершина огромной технологической пирамиды. Древние люди собирали дикий ячмень и пшеницу. Потом они научились сажать зёрна на возделанных полях и сохранять урожай зимой в специальных хранилищах.

Обработка почвы стала одной из труднейших задач, которая стояла перед человечеством, – для её решения пришлось одомашнить крупных животных, добыть металл, придумать и выковать плуг, изобрести удобную упряжь.

Тысячи лет селекции и генетических экспериментов понадобились, чтобы вырастить современную пшеницу, из которой делается наш хлеб.

Изготовление муки – тоже сложный процесс. Раньше зерно толкли пестом в каменных или железных ступах. Это был очень тяжёлый труд. Поэтому человек изобрёл водяные, ветряные и электрические мельницы, в которых массивные каменные или металлические жернова размалывали твёрдые зёрна в мелкую муку.

Из муки и пекут наш хлеб – но тоже не сразу. Нужны соль и дрожжи. Добычей соли занимается целая промышленность, и были времена, когда солёные кристаллики ценились на вес золота.

Дрожжи – это одноклеточные грибки *Saccharomyces cerevisiae*, которые делают тесто пышным и рыхлым. Какой-то гениальный египтянин более трёх тысячелетий назад открыл преимущества этого грибка для печения хлеба – и с тех пор мы едим очень вкусный и мягкий хлеб. Кстати, без огня или современных электропечей хлеб, как ты понимаешь, тоже не испечь.

– Одноухий гоблин! – взволновался мальчик. – Сколько сложностей во всего лишь хлебе!

– Всего лишь! – усмехнулся отец. – С маслом и сыром проблем не меньше: коров или коз сначала пришлось одомашнить, научиться ухаживать за ними и доить. Выведение новых пород молочного скота – это кропотливая и важная работа.

Хранение и переработка молока – целая область науки и техники. Какой-то безвестный гений нашёл, что в желудке молочных телят содержится фермент – сейчас его называют реннин – который заставляет молоко сворачиваться во вкусный сыр. Такой сычужный сыр долго хранят, давая вызреть, потом доставляют в любую точку мира – даже на Луну – и уже там режут на ломтики для твоего бутерброда.

– Это просто не уместается в голове – такая длинная история одного продукта!

– Про ветчину ты уже сам, наверное, понял: вырастить свиней и получить нежное копчёное мясо – тоже весьма непросто. Вот сколько трудов и открытий – сколько ЗНАНИЯ! – сошлось в одном твоём утреннем бутерброде.

– Я проголодался, папа! Скоро будет обед?

За столом, дождавшись, когда дети покончат с десертом, Джерри сказал:

– Хотите, расскажу вам об одном знаменитом парадоксе грека Зенона? Его называют апорией «Ахиллес и черепаха».

– Хотим! – немедленно откликнулся Майкл. Сюзан тоже выглядела заинтересованной.

– Если быстроногий Ахиллес побежит за медленно ползущей черепахой – то догонит ли он её?

– В две секунды! – воскликнул Майкл.

– А я сейчас вам докажу, что он никогда её не догонит. Пусть черепаха находится в ста метрах от Ахиллеса и уползает от него. Ахиллес очень быстро добежит до того места, где сидела черепаха, но там её уже не будет: она хоть в сто раз медленнее Ахиллеса, но всё равно отползла на целый метр. Бегун быстро преодолевает последний метр, но черепаха снова успела отползти! И так повторяется до бесконечности: Ахиллес прибегает в точку, где была черепаха, но тортила уже уползла оттуда. Значит, он никогда её не сможет догнать.

– Потрошённый эльф! – восторженно выругался Майкл. Никки укоризненно покачала головой: сын набирался сочных выражений от друзей, с которыми играл на лужайке перед замком.

– Но ведь это не так! – возмутилась Сюзан. – На самом деле Ахиллес должен догнать черепаху.

– Сюзан, это такая игра! – отмахнулся Майкл. – Мы должны понять – где папины рассуждения неверны. Найдёшь ошибку – спасёшь Ахиллеса от позора.

Сюзан фыркнула и задумалась.

Майкл тоже.

Никки улыбнулась и знаком показала Джерри, что она пошла работать. Тот кивнул и остался с двумя оцепеневшими мыслителями.

Майкл высыпал соль на стол длинной полоской и внимательно её разглядывал, шевеля губами и бормоча:

– Черепаха... словно пахарь... Ахиллес... вселился бес... С унитазом на башке... эльфы спят в большом мешке...

Сюзан нарисовала на листочке линию и покрывала её штрихами, отмеряя отрезки разной длины.

– Понял! – вдруг закричал Майкл. – Помнишь, ты мне рассказывал о водяных часах – клепсидре? Откуда и пошло выражение «время истекло»?

– Да, помню.

– Пусть отрезки времени – это какое-то количество воды. Литр – это время, за которое Ахиллес пробегает сто метров. Выливаем литр в ведро. Потом – Ахиллес пробежал метр – добавляем ещё десять граммов воды. Потом – всего одну каплю. Потом – крошечную капельку. Бесконечное добавление микроскопических капелек воды не даёт переполнения ведра: капли уменьшаются слишком быстро и уровень воды расти не будет. Значит, Ахиллес догонит черепаху за конечное, а не за бесконечное время.

– Молодец! Правильно разрешил парадокс: бесконечный числовой ряд может иметь конечную сумму, поэтому бесконечное число приближений Ахиллеса к черепахе происходит за определённое и вполне короткое время. Горжусь таким сыном!

Мальчик засиял, а Сюзан обидчиво сказала брату:

– Ты – крокодил!

Майкл, свирепый как укушенный гном, вбежал в кабинет отца:

– Почему мне не разрешают играть в компьютерные игры столько, сколько я хочу?!

Джерри внимательно посмотрел на сына, предложил ему сесть в соседнее кресло и спросил:

– Скажи, кто твой любимый тиви-герой?

– Естественно, СуперДжо!

– А с кем сражается СуперДжо?

– Ну, папа, как ты можешь не помнить?! Конечно, с Гангстером Биллом!

– Извини, я немного отвлёкся в последнее время... И как – удаётся ему побить этого Билла?

– Какой ты тёмный, папа! Хоть Гангстер Билл и здоровяк под три метра, но СуперДжо его всегда побивает, потому что каждый день тренируется весь целый день и даже жонглирует та-акой штангой, та-акими гириями! Правда, ему тоже достаётся в этих драках, всё-таки, сам понимаешь, три метра...

– А вот представь себе, что СуперДжо перестал тренироваться, сидит целый день и вышивает крестиком носовые платки? Что бы ты ему сказал?

Мальчик вытаращил глаза от ужаса:

– Да ты что, СуперДжо?! С ума сошёл?! Да тебя Гангстер Билл через неделю в порошок сотрёт! Прекрати немедленно и марш качать мускулы!

– А СуперДжо всё равно не соглашается! Сидит, цветные нитки плетёт.

– Тогда, – мальчик всерьёз разволновался за своего героя, – надо вышивку у него отобрать! И варенья на завтрак не давать, пока не вернётся к тренировкам!

– Жестковато, – кивнул отец, – но рациональное зерно есть...

Он прищурился, внимательно глядя на сына.

– А ты думал – как нашей маме удаётся убеждать людей делать то или иное в бизнесе или политике?

– Как? – удивился мальчик. – Да очень просто – я сам сколько раз видел – она вызывает на свой экран кого-то и говорит, что ему надо сделать, – он и слушается! Так и убеждает!

– Хм-м... Ну хорошо, а почему они её слушаются? Потому что боятся, что она их побьёт, как СуперДжо Гангстера Билла?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся мальчик, – да мама не умеет драться...

Отец смущенно покашлял.

– ...просто они сами понимают, что так будет лучше!

– А почему они раньше не догадались, что так будет лучше? – поинтересовался отец. – Почему им нужно было... э-э... советоваться с мамой?

– Так она же самая умная! – убеждённо сказал мальчик.

Папа облегчённо вздохнул:

– Очень хорошо, а как мама стала такой умной?

– Не знаю... – задумался мальчик. – Гены умненькие оказались?

– Гены у неё попались неглупые, не спорю, – согласился Джерри, – но главное, что она очень много училась и читала умные книги – то есть тренировала свой мозг точно так же, как СуперДжо тренирует свои мускулы!

– Ух ты! – Глаза у мальчика разгорелись. – Значит, мамины умственные мускулы посильнее, чем мясные мускулы СуперДжо? Ведь тому приходится бороться всего с одним врагом, а у мамы хлопот – ого сколько!

– Безусловно! Мама может много такого, что и не снилось этому Суперу. Теперь смотри: мама и я понимаем, что в жизни у тебя будет немало проблем и трудностей, и преодолеть их ты сможешь, только если будешь таким же умным, как мама, а желательно ещё умнее – всё-таки прогресс от поколения к поколению какой-то должен быть?

– Я и буду умнее! – уверенно заявил мальчик. – Ты меня сам хвалил за задачу про черепаху и бегуна – этого... Ахилбеса!

– Ахиллеса... – улыбнулся Джерри. – Правильно, хвалил – ты просто молодец у меня, порадовал отца!

Сын заёрзал в кресле и расцвёл улыбкой.

– Но ты понимаешь, что тренировка умственных мускулов нужна ежедневная?

– Да... – согласился мальчик.

– Тогда слушай меня внимательно, сын, – твёрдо сказал отец, – когда ты читаешь книги или решаешь математические задачи, то это для умственных мускулов как жонглировать гириями, а если ты сидишь в виртуальной реальности и стреляешь по мишеням, то это для мозга – такая же чепуха, словно СуперДжо вместо тренировок вышивает крестиком!

Мальчика как громом ударило.

– Я... крестиком?! – Он был возмущён и растерян.

– Да, вышиваешь крестиком и теряешь время, которое нужно на настоящую тренировку мозга. И мы с мамой это понимаем, поэтому и просим тебя не играть больше получаса в день. Потому что нам так же больно смотреть на тебя, живущего псевдожизнью, как тебе глядеть на СуперДжо, который впал в маразм и неизбежно проиграет следующую схватку с Гангстером Биллом.

Сын молчал, тяжело дыша.

– Вот что, – грустно сказал отец, – ты уже вполне сознательный человек. Если ты недоволен существующим порядком вещей – делай так, как считаешь нужным. Люди делятся на два класса: на тех, кто умеет программировать компьютеры и командует ими, и на тех, кто умеет только играть и легко подчиняется компьютерам, телевизорам и виртуальной жизни, которая и не жизнь вовсе... Ты должен сам выбрать, кем ты собираешься стать в этой жизни.

И Джерри произнёс в пространство:

– Тамми, отмени контроль за игровым временем на терминале Майкла.

– Сделано, – немедленно раздался тихий голос.

Мальчик соскочил с кресла и посмотрел на отца. Тот был очень серьёзен – Майкл ещё ни разу не видел отца таким строгим и печальным. Мальчик замялся и неуверенно пошёл к двери. Он шёл всё медленнее и медленнее, пока совсем не остановился. В нём шла внутренняя борьба. Повернулся и снова подбежал к отцу. Схватил его за руку и крикнул, лихорадочно блестя глазами:

– Тамми! Убери с моего компьютера ВСЕ игрушки! – И сказал отцу сдавленным голосом:

– Я больше никогда не буду играть в эти детские стрелялки!

Отец широко улыбнулся и привлёк мальчика к себе:

– Я горжусь тобой, сын! И мама тоже!

– Сделано! – раздался голос Тамми.

Мальчик вздрогнул и уткнулся лицом в отцовскую рубашку. Тот погладил его по голове:

– Если тебе станет скучно, устанешь от книг и занятий – приходи ко мне, и мы отдохнем вместе – покатаемся на лыжах или поплаваем в бассейне. Да тебе уже и на космический тренажер пора!

– Ух ты! – Мальчик поднял голову, и его влажные глаза вспыхнули.

– Конечно, тебе пора учиться водить космический корабль, – уверенно сказал Джерри. – Ты стал способен на взрослые решения, значит, тебе можно доверить штурвал! А ты знаешь, что наша мама ещё в школе выиграла Лунную Регату?

– Правда?! – Мальчик был потрясен. – Настоящую Лунную Регату?!

– Получила главный приз, – подтвердил отец, – и стала сотрудником Спейс Сервис. Победила она с помощью вот такого умного маневра...

Джерри вызвал на экран трассу Лунной Регаты 2253 года.

– Помнишь формулу первой космической скорости?

Мальчик слушал, затаив дыхание, о реальных приключениях настоящей жизни.

Сожаление о стёртых компьютерных играх быстро исчезло.

Майклу было не до игрушек: двадцатикратная перегрузка вжимала его в кресло, кровь текла по лицу, но он не сдавался и смело прокладывал курс между острыми лунными вершинами.

И рекордная скорость пела ему песню победы.

Настоящей, не виртуальной.

Глава 5

Чертополошек

Дышать тяжело. Душно, тоскливо. Из дальнего угла слышно горькое детское всхлипывание.

Над заветной дверью написано:

*Будущее исполнено неопределённости, но эта обманчивость будущего
является величайшим благом.*

Фукидид

Я прочитала эти строки уже две тысячи раз.

Ненавижу неопределённость будущего!

Ненавижу Фукидида!

Все сидят напряжённые, разговаривают много, но негромко, чаще шёпотом. Изредка и нервно смеются. В разговорах всё больше хвалятся своими детьми – кто чего умеет, кто на что горазд.

Жизнь – соревнование с первых лет.

Дети принаряжены и причёсаны, как на выставку породистого молодняка. Друг на друга ревниво посматривают, обнюхиваются, свои разговоры заводят, что-то показывают из карманов... тоже небось хвастаются. Эл косится на них, шею тянет, пытается понять – что там у них в руках, но не может разглядеть.

Ближе подойти боится.

Солнце висит в самом зените, сквозь стеклянную крышу нас жарко рассматривает. Сколько пыли в воздухе. Но не из-за неё трудно дышать.

Я тону в панике. Она пропитывает каждую часть тела, заливает ноги свинцом, заставляет пальцы трястись.

И молчаливо, без устали бьёт молотком в левый висок.

Боги космоса, помогите мне!

Несколько лет назад я бы не поверила, что буду жить в тисках такого ужаса.

Юри был славный, ухаживал красиво. Предложил пожениться. Настойчивый был – не дал закончить колледж, сорвал с третьего курса, увёз в столицу. Я тогда была симпатичная... стройная, лёгкая, глаза карие, с искринкой.

Мне говорили: у тебя глаза шальные, ведьмины. Вот и утонул Юри в моих глазах.

Утонул, да выплыл.

Сначала жизнь была прекрасна. Года полтора... А потом... потом всё пошло под откос. Чужими мы стали друг другу. Взаимно чужими и раздражающими, взаимно некрасивыми и недобрыми. И подался Юри на север. Нашёл какую-то азиатскую красотку, к ней и переехал. Да мне всё равно. Почти. Юри меня уже не волнует.

Главная моя проблема – наш маленький Эл.

Нет, не наш, а уже только мой. И уже не маленький – в школу вот-вот пойдёт. Но всё равно за ним нужен глаз да глаз. Оставишь без присмотра – сама будешь не рада. Тугодум он у меня. И заикается.

Детский психолог обследовал его три года назад и прямо сказал: «Мамаша, у вас проблемный ребёнок. Он не сможет учиться в обычной школе. Его тесты ужасны – половину пунктов заполнил неправильно. На вопрос: что лучше горит – спичка или гвоздик? – ваш ребёнок ответил: „гвоздик“! Другая его беда – медлительность. Он над каждым вопросом думает слишком долго. Интеллектуально нормальные дети имеют коэффициент умственного развития – 100 плюс минус десять, а все, у кого коэффициент ниже семидесяти, – олигофрены. Они

должны учиться в специальной школе для слабоумных. А компьютер определил ай-кью вашего сына в шестьдесят пять...»

Я вышла от психолога оглушённая. Как тяжёлым грузовиком раздавленная.

Никогда не думала, что мой Эл – слабоумный мальчик. Ну, медлительный, ну, заторможенный... На середине улицы может застыть. Или с поднятой ложкой и открытым ртом. Но чтобы слабоумный...

В ту тяжёлую неделю я два раза крепко напилась. Ночью – когда Эл спал. А потом опомнилась – если ты с рельсов сойдёшь, с кем он останется? В сиротский приют пойдёт?

И впряглась в свою материнскую лямку. Читать с ним вслух. Решать логические задачи. Заставлять его фокусироваться на содержании проблемы. Не получается одно – браться за другое. Штурмовать его медленный мозг со всех сторон, пробивать каналы понимания. Как Эл радовался, если у него получалось! Когда он понял смысл простого числа, то смеялся полчаса, захлёб, до икоты... Я испугалась – водой его отпаивала.

Он часто правильно отвечал, хотя и очень медленно... Но не реже он ошибался, да ещё как упорно! Раз сто повторила и объяснила: «Сумма внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам. Это – угол вполкруга!» Наглядное доказательство из пластиковых уголков выкладывала на столе миллион раз – с них даже краска облупилась.

Кошка бы запомнила, а он – никак!

Или элементарная задачка на понимание свойств стандартных предметов. Два идентичных маяка установлены: один – в долине, другой – на горном хребте. Какой маяк даёт больше света? По нормам все дети возраста Эла должны отвечать правильно: стандартные маяки везде одинаковы. А Эл всегда даёт неверный ответ, что маяк в горах будет светить ярче!

Не сумел освоить простое понятие стандартного изделия!

Билась, билась, а он – ни в какую... Пытается что-то сказать, да говорит какую-то чепуху, вываливая из своей головёнки кучу словесного мусора. Игра у него такая? Я не пожалела денег на образовательные телеканалы – вот он и наслушался разных слов, да и повторяет как попугай. На некоторые вещи у него память цепкая. Может, он – аутист? Пойти бы к хорошему специалисту, да где денег взять? Социальная страховка для бедняков не предусматривает дорогих консультаций.

Таблица умножения нас чуть не задушила. Выучим – с большим трудом! – норму его возраста: Эл отвечает, как полагается, и я радуюсь. Недели не проходит – снова сидит над «дважды два равно», кряхтит, пыхтит, потеет – но не пишет ответ, видно, снова забыл! И так – до бесконечности.

Нервы не выдержат, и начинаю на него орать. Он собирается в комок, как маленькая птица, и сам ревёт от моей истерики.

У меня сразу злость и проходит.

Обниму его – и горюем вместе.

Когда он засыпал у меня на руках, то я часами сидела неподвижно, волосики его нюхала. Глаза под тонкими прозрачными веками двигаются – видит что-то Эл в своих детских снах, ворочает какие-то кубики медленной головёнкой... Я как волчица – чую его аромат. Когда Эл заболевает, то запах его меняется, и меня в тревогу вгоняет.

Пусть тугодум, зато добряк. У меня пальто прошоркалось на локтях; сижу и гадаю, что сделать с этой развальной. Решила – кожаные заплатки наложить. Кажется, мода такая есть – вот и сойдёт за оригинальный стиль. Плохо только, что заплатки заметно новее всего остального.

Эл подходит и говорит – медленно, заикаясь:

– Мама, я вырасту и буду у-учёным или п-программистом... И куплю тебе н-новое пальто...

Слова часто тянет в конце: «пальто-о...»

– купишь, сынок, купишь... Ты у меня молодец...

А сама думаю: «Не знаешь ты, бедняга, что программисту или учёному нужно иметь один из шести вариантов „умного“ генома – а у тебя ни одного из них и в помине нет... Анализ ДНК у всех берут, да не всех он радует. Если мы справимся и вытянем тебя на нормальную школу, то варианты твоей будущей работы – от запасного водителя, бездельничающего в старых киберавтобусах, до младшего клерка в банке. Нет, куда – клерком! – там шустрые нужны. Эл-медляга и туда не подойдёт... Разве что бумажки с пола доверят собирать...»

Иногда кричу наверх: боги, за что мне такое страшное наказание? И за чьи грехи маленькому человечку с робкой улыбкой досталась такая несправедливая судьба?!

Покричишь, погрозишь небу, успокоишься немного и думаешь: «Счастливым можно быть, работая хоть уборщиком. А я тебя никогда не оставлю, мой маленький сероглазый Эл, каким бы ты ни был тугодумом...»

Эл как-то за столом устался в одну точку и не шевелится. Долго сидел, потом стал морщиться, кривиться, а глаза всё куда-то смотрят... Потом ёрзать стал, раскачиваться и даже всхлипывать. Я его трясусь – ты чего?

Наконец, очнулся.

Посмотрел на меня круглыми глазами да как крикнет: «В туалет хочу!» – и бегом к унитазу.

Ну как его надолго оставлять? Я могла бы работать – но как мой маленький Эл будет дома один? Кибер-нянька дорога, да и разве робот поймёт моего сына? Эл – всё, что у меня есть... никому его не отдам.

Мальчишки соседские дразнят его: «Эл-дурак! Эл-заика!» Он прибегает в слезах, жалуется: «Мама, меня зовут т-тупицей!» Я успокаиваю: «Ты просто задумчивый, а они злые! Лучше реши задачу, порадуешь маму...»

Верну веру в себя, он слёзы вытрет, за задачки садится. Аж язык высунет – так старается, да всё – мимо, всё – неправильно...

Рассматривали книжку с картинками: красивый домик с трубой нарисован, а в середине зелёной лужайки – сизый чертополох.

– Мама, что это?

– Чертополох, такое растение.

– А для чего оно нужно?

– Ни для чего, чертополох – совершенно бесполезный сорняк.

– Почему же его не выдернули и не выбросили?

– Ну... оно же колючее, попробуй его выброси.

Эл думал, думал и говорит:

– Мама, а я – чертополох. И пользы никакой, и выбросить нельзя.

– Не говори глупостей! Да я всех остальных выброшу, а тебя оставлю!

Убеждаю его, а у самой слёзы в горле стоят, голос тонким делают.

Но с тех пор он часто зовёт себя чертополохом. И я его – когда сильно рассержусь. Но всё равно поласковой называю – *чертополошкой*.

Тянулась все эти годы на одно пособие и изо всех сил пыталась подготовить Эла к школе – бесчисленные задачи с ним решала, в упражнениях изошрялась, веру в успех поддерживала – и у него, да и у самой себя, если честно.

Апартаменты у нас шикарные – комната восемь квадратных метров, в углу – кухня на два стула. Теснота – это ладно. Да вот зелени никакой не завести, и на улице её нет – окна выходят на задний двор универмага. Штабеля ящиков и целый день грохот погрузчиков. Зато квартира дешёвая. Если окна выходят на улицу с газоном, то жильё в два раза дороже. Смотрят на тихий сквер – в три.

Однажды купила на распродаже синий цветок в маленьком горшочке. Цветок две недели жив был, и Эл тарашился на его жёлтый кружевной зрачок часами. Я даже приревновала – ну что можно в цветке увидеть такого, чтобы целый день безотрывно смотреть?

Но потом и цветок осыпался – без света и земли.

Иногда выть хочется от зрелища тесных стен. Я в такой момент сразу за таблетки хватаюсь – не дай боже клаустрофобиком стать, замучаешься жить в городском муравейнике. Зато в снах я часто вижу широкие светлые залы, где можно бегать и кувыркаться, в которых просторно и цветам, и детям. Проснёшься потом – даже глаза открывать не хочется. Есть же богатые счастливики – живут за городом, со своими палисадничками.

Там цветы, петрушка, а то и вишня может расти. Да хоть чертополох.

Но и тесной жизнью не дают пожить. Закончились наши с Элом спокойные годы. Школьный возраст стукнул: собирайся ребёнок в учёбу, а мать – в работу. Для детей бедняков школа бесплатная, зато пособие на ребёнка перестают выдавать – мать должна сама заработать на жизнь, пока сын учится.

Что же мне делать? Целый день без него, а ему без меня. Он это понимает и сидит рядом испуганным воробьём. А вокруг вон какие лбы бегают, уже свои компании собирают...

Старалась я, старалась его обучать, одно время даже дотянула его ай-кью до семидесяти – обрадовалась так, как никогда в жизни, а потом выяснилось – напрасно. За последний год его тесты снова упали – аж до шестидесяти.

Как его спасти?

Вот и тону я в немой панике и горячем отчаянии.

На днях Эл опять перепугал меня до дрожи.

Ужинали. Он сначала жевал, хоть и медленно, потом – перестал. Спрашиваю: «Салат вкусный?» Эл улыбается, смотрит на меня серыми глазами и не отвечает. «Почему молчишь? Что-нибудь ещё хочешь? У тебя температура? Ты заболел?»

Молчал, молчал и только спустя какое-то время начал отвечать: «Са-а-л-а-ат вку-усный!» Медленно говорит, как неисправный робот. Видно, что мозги Эла где-то далеко – и от меня, и от этого дрянного, если честно, салата. Раньше он так медленно не отвечал, был поживее. И чем дальше, тем хуже становится. Замедление началось два с половиной года назад. После того Рождества, будь оно проклято!

Вы пробовали жить в столице на одно детское пособие? Не пробовали? И не советую. Выжить можно, жить нельзя.

И с праздниками беда.

Особенно с Рождеством – кругом все бегают, детям подарки покупают. Самые лучшие выискивают: новомодных роботов, яркие электромобили, крылья на пневмодвигателях. Отличные подарки! Особенно цена хороша. Я хожу среди всех печальной вороной, денег на пластмассовую машинку – и то в обрез. Плакать хочется ужасно, а кругом все смеются и песенки поют. Неужели придётся класть в красный чулок пластиковый грузовик за десятку?

Я очень хотела сэкономить побольше к концу месяца и на приличный подарок насобирать... А на днях приходим с прогулки, Эл и говорит – ноги болят. Гляжу, ботинки водяные мозоли натёрли – малы стали.

Дети имеют дорогостоящее обыкновение расти.

Пришлось срочно покупать новую обувь и лекарство от мозолей. Вот и мель, приплыли. Отдыхаем до первого числа следующего месяца – когда на карточку капнет очередное пособие... не пособие, а слёзы. Но первого числа что-то дарить уже будет поздно! Конечно, мой Эл – отличный парень и не капризничает из-за игрушки. Скажет в утешение, заикаясь: «Ничего, мама, зато у нас ёлка х-хорошая!» Конечно, хорошая: маленькая, да складная – только и дел, что вытащить из шкафа и украсить прошлогодней мишурой...

У Эла был уже день рождения без подарка – я терпела, терпела, а потом спать его уложила и всю ночь ревела. И сына жалела, и себя. Самое тяжёлое унижение для матери – когда ребёнку не можешь купить игрушки покрасивее, фруктов побольше, одежды получше.

И вот опять – Рождество обмелелое выпало. Хожу по магазинам, хожу – да что толку. Доступные подарки уже изучила как свои пять пальцев. Ни на что глаза не смотрят. Выбираюсь, чертыхаясь, из детского супермаркета, а у выхода топчется рыжий высокий человек с нагруженной тележкой.

«Мадам, сколько лет вашему ребёнку?» Я машинально отвечаю и спохватываюсь. Сейчас свой товар начнет нахваливать и всучивать. Не люблю я этих прощелыг.

Человек, действительно, делает радостное лицо и хватает с тележки какую-то коробку: «У нас как раз... для вас...» Ещё что-то лопочет. Я отмахиваюсь: «Нет у меня денег на вашу штуку...» Он и говорит: «А это совершенно бесплатный подарок вашему ребёнку!»

Ну-да, ну-да, нашли дуру – рыжим верить!

Бесплатный подарок с какой-нибудь кредиткой в придачу, за которую, знай, плати каждый месяц. Плавали – знаем. «Никаких подвохов! – уверяет рыжий. – Совершенно новый детский компьютер. Благотворительная акция династии Гринвич». Этим он меня и купил, собака. Королеву Николь я уважаю, плохое дело она не затеет.

Смотрю – и верно, компьютер с мозгом пятой модели. Плоский чемоданчик – симпатичный и сделан хорошо: у меня на такие вещи глаз намётанный. «Да такая штука стоит не меньше пяти сотен!» – продолжаю я сомневаться.

Ну все же знают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

Но рыжий человек уверяет, что никаких сюрпризов не будет, и буквально всовывает мне коробку – кажется, я ему надоела, – и начинает новую клиентку охмурять. Та быстрее меня сообразила – мигом выхватила у него из рук яркую глянцевую упаковку. Неужто повезло, и домой с подарком приду?

Пока шла, всё с королевой Никки мысленно говорила. Благодарила, благодарила и даже всплакнула. Вот ей икалось в тот день!

А как Эл был рад! Прилип к новой игрушке – а та сама с ним разговаривает, вежливо и рассудительно. Я на сэкономленную десятку ещё купила кулёк разных фруктов и сладостей – так что Рождество удалось.

Только потом незаметно Эл стал всё страннее и страннее – и я перестала радоваться неожиданному подарку и часто думала – зря благодарила королеву. Подарок с хитриной – кто знает, чему он ребёнка учит, пока я по магазинам хожу. У богатых свои резоны – может, они себе верных слуг воспитывают с помощью гипноза. Даже отнять пыталась компьютер, да Эл мне такую истерику закатил... – я плюнула и отступилась.

Иду как-то по улице среди ресторанов, полных весёлых людей, и такая тоска на меня вдруг обрушилась: почему я не могу жить как все? Почему я вынуждена считать каждую монетку, чтобы прокормить слабоумного сына?

Тогда я впервые назвала самой себе Эла слабоумным. И разъярилась страшно. По щекам себя нахлестала. Прямо на улице. Ты – его единственная надежда! У него никого нет, кроме тебя! Все вокруг считают его слабоумным, и он им станет, если ты, сволочь, с этим согласишься!

Да хоть нос себе расквась – факты не изменишь. Руки опускаются от бессилия и отчаяния; я свою жизнь посвятила Элу, но поможет ли это ему?

Страдаешь или плачешь, но всё равно – берёшь себя за шкирку: иди, буди сына, делай ему самый питательный и вкусный завтрак, какой можешь, – и занимайся, занимайся, занимайся...

Ломай камень голыми руками, поднимай неподъёмное...

Жили с Элом непросто.

Но пролетело время, и настал день школьного теста. Три пути у каждого ребёнка, три школы в округе: небольшая – для одарённых детей, огромная – для обычных и специальная, крохотная, – для умственно отсталых...

Сидим мы в общей очереди на тестирование. Перед началом учебного года сюда собрали всех местных дошкольников. Сейчас и наша судьба решится.

О боги, о боги, где вы? Как до вас достучаться? Услышите мою молитву: пусть Эл попадёт в нормальную школу, не для дебилов...

Куда мне самой деваться потом? – не знаю и даже не думаю пока... И профессией никакой не владею, а если и наймут разнорабочей или домашней помощницей – у меня же всё из рук будет валиться: что без меня Эл поделывает?

Когда мысли не там, где руки, – это не работа, а наказание...

Всё, что я умею, – быть матерью Эла, да за это больше платить не будут.

Элу надоело сидеть на одном месте. Встал со стула, смотрит на других детей, подходит поближе.

Какой-то дылда-шустряк начальственно поворачивается к Эллу:

– Тебя как зовут?

Эл всегда с замедлением отвечает, после длинной паузы. Шустряку это не понравилось:

– Чего молчишь? Немой?

И – хлоп! – ударяет Эла ладонью в лоб. Сын отлетел, шлёпнулся на землю.

Я вскочила, бросилась его поднимать. Не знаю, что бы сделала с тем мальчишкой – да мамаша его тут как тут:

– Ой, извините, мой мальчик такой бойкий! Ничего страшного, дети играют!

Меня всю трясёт от злости, слова сказать не могу. А дылда из-под руки матери кричит:

– В школе встретимся, придурок!

Я схватила Эла и отвела на место. Хорошо школа начинается, просто отлично!

Но тут вся ерунда вылетела из головы: Эла вызвали на тест.

Я сразу от испуга съёжилась. Нормальная школа с дылдами – плохо, а школа для олигофренов – вообще катастрофа. Крест на всей жизни.

О боги всех небес, помогите моему мальчику стать нормальным ребёнком и счастливым человеком!

Сижу, ёрзаю – мозоль вот-вот будет, чего только не обещаю всем неведомым силам...

Обычно дети после тестирования выходят через полчаса. Их выводят сотрудники центра и вручают родителям распечатку с результатом тестирования.

Следующий!

Родители сразу утыкаются в полученные бумажки, а уж дома-то исследуют каждую строчку и букву. Что сулит будущее их сыну или дочери? Какую профессию им советуют выбрать?

Эла уже час нет. Я сижу на стае ежей, и сил моих никаких больше нет.

Полтора часа. Ну, всё – проблемный ребёнок, оформляют документы в специальную школу.

Я стала гложуть, в ушах звон стоит.

Вышел круглолицый человек в зелёном халате, покрутил головой и ко мне:

– Пройдёмте со мной, мисс Дженкинс.

А Эла всё ещё нет!

Остальные родители стихли, на меня уставились, зашептались:

– ...у неё сын... да, я знаю... наверное, тест не прошёл...

Никого другого внутрь не звали. Наверное, слабоумных детей в зале больше нет, кроме моего бедного Эла.

Во мне такая злость вспыхнула, что сердце опалила. Я встала, обвела всех вызывающим взглядом и пошла за человеком в халате.

Быстро скисла, иду еле живая. Хромаю – нога почему-то онемела, отсидела, что ли? Какая глупость в голову лезет...

Где тут мой чертополошек притулился?

Человек в зелёном заводит меня в пустую комнату. Пытается шутить, зачем-то говорит, что его зовут Жюльен, и вообще несёт какую-то чушь.

– Где мой сын?! – истерично спрашиваю. Хочу спокойно, а получается крик.

– Он ещё не закончил тест, а с вами хочет поговорить мистер Уолкер.

Входит другой человек – уже в белом халате. Здравается.

– Присаживайтесь, миссис Дженкинс!

Да какое там «присаживайтесь»!

– Что с моим сыном?! Он нормален? Он сможет учиться в школе?

– С вашим сыном всё очень непросто, – сказал с паузой человек. На него упал свет лампы, и я вздрогнула. Вот это какой мистер Уолкер! Муж королевы Николь! Что здесь происходит?

Ноги подкосились, и я села, не глядя. Каким-то чудом оказалась на стуле, а не на полу.

– Мы не смогли определить оптимальные образовательные и профессиональные параметры для вашего сына, – продолжает своё мистер Уолкер.

Я слушаю его в полной панике, ничего не соображая.

– Дело в том, что мы вписываем эмоционально-интеллектуальную матрицу ребёнка в прогнозируемый социальный фон и находим математическое решение для оптимального соотношения индивидуальной матрицы и общественной среды...

Он объясняет, а я елѐ удерживаюсь от слѐз и думаю с яростью: «Да не тани ты, чѐтов король, говори всю правду...»

– ...Мы можем выполнить такое моделирование, только если индивидуальная матрица является малым возмущением общего социофона...

«Меня сейчас вырвет, ты это понимаешь, учёный сухарь?»

– ...но матрица вашего сына оказалась совершенно аномальной – мы не можем принять её в качестве малой величины! Для таких случаев мы ещё не разработали методики тестирования. Поэтому мы не можем дать вам обычных рекомендаций...

– Это случилось из-за его компьютера?

– В какой-то степени – да, но мы раздали уже три миллиона таких компьютеров и ни разу не наталкивались на такую реакцию...

– Я вас не понимаю! – кричу или шепчу из последних сил. – Мой сын сможет учиться в школе?

– В школе? Нет, это было бы неразумно! – удивился мистер Уолкер. – Ему нужен специальный колледж.

«ВСЁ! КОНЕЦ!»

– Спецшкола для слабоумных? – угасающим голосом спросила я. Сейчас упаду со стула. Уже качаюсь.

– Нет, нет, ваш сын вовсе не слабоумен! – возразил мистер Уолкер. – Разве вы не понимаете значения того факта, что матрица вашего сына не является малым возмущением?

– Нет, не понимаю... – а перед глазами всё плывѐт.

– Это означает, что интеллект вашего сына способен оказать столь сильное воздействие на развитие общества, что оно уже не может рассматриваться как неизменяемый фон для моделирования его судьбы. В данном случае требуется нелинейное психосоциальное моделирование, чего наука ещё не умеет делать.

– А что же мне делать? – слабым голосом бормочу я.

– Вы должны согласиться на колледж!

– Какой колледж? У меня нет никаких денег... Бесплатная школа – это всё, что я могу себе позволить.

– Извините, я плохо объясняю, – говорит мистер Уолкер. – Колледж будет создан СПЕЦИАЛЬНО для вашего сына. За счёт династии Гринвич. Пока мы не нашли других таких же умных детей, он будет единственным студентом. Его будет учить целая группа профессоров. За ним будут наблюдать врач, психолог и генетик – ведь речь идёт о седьмом интеллектуальном геноскладе, ещё не изученном и, кажется, самом могучем... чуть не проморгали вашего мальчика... хорошо, что я сам присматривал за тестом. Полагаю, потенциал этого геносклада труднореализуем, но ваши постоянные занятия с Элом и помощь обучающего компьютера совершили настоящее чудо...

Я ничего не поняла, кроме того, что у меня сына забирают куда-то для научных опытов. Да как он там будет один?! Стала защищаться как могла – лишь бы его не отняли:

– У него плохие тесты, он отвечает на половину вопросов неправильно!

– Он отвечает неправильно с точки зрения человека, задающего вопросы дошкольнику. На самом деле, он просто отвечает на другом уровне – опережая сверстников лет на десять – пятнадцать. Некоторые его ответы просто поразительны!

– Он, дурачок, говорит, что железо горит.

– Но ведь железо очень ярко горит! Только в чистом кислороде. Мы проверяли – Эл нигде об этом не читал, а определил сам по таблице Менделеева. Как он об этом догадался? Ума не приложу. Надо будет этим специально заняться.

Я кричу:

– Он не способен даже понять, что сумма внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам!

Мистер Уолкер удивился:

– Разве вы не знаете, что в неевклидовом, искривленном пространстве – а у нас оно именно такое – эта сумма не равна ста восьмидесяти градусам? Стоит нарисовать треугольник на поверхности шара и измерить...

– Он таблицу умножения не мог запомнить!

– Мне трудно объяснить в двух словах, но есть системы или пространства, где таблица умножения выглядит совсем не так. И Эл каким-то невероятным чутьём или интуицией это понял! Он отвечает медленно, потому что видит часто второй, а то и третий уровень ответа на вопрос, а ответы разного класса отличаются кардинально или даже противоречат друг другу...

– Он не разобрался в задаче про маяки, – я стала совсем невнятной, но мистер Уолкер меня понял:

– Эл отвечал в логике общей теории относительности. Ваш мальчик сумел самостоятельно разобраться в теории Эйнштейна! Понять суть риманового пространства в таком возрасте! Мы никогда не сталкивались с таким уникальным стилем детского мышления...

Я как заору:

– Не отдам Эла! Он останется со мной!

Мистер Уолкер здорово растерялся.

– Что вы, что вы! Никто его у вас не забирает! Вы, конечно, поедете вместе с ним. У вас будут просторные апартаменты в замке королевы Гринвич. С видом на озеро и парк... вернее, лес. Мальчику нужны прогулки на свежем воздухе. И учиться он будет там же. Ему будет с кем дружить – у нас в замке немало детей, включая принцессу Сюзан и принца Майкла. Они неплохие ребята и Элу понравятся.

Король Уолкер наклонился ко мне и стал горячо убеждать:

– Поверьте: ваш сын представляет величайшую ценность для всего человечества! Возможно, он спасёт наш мир... или откроет ему новые дороги... Нам с вами нужно сделать всё, чтобы мальчик получил оптимальную среду для своего развития и самое наилучшее образо-

вание. Поэтому вас тоже примут на высокооплачиваемую работу в колледж для Эла. Фактически, вы будете работать матерью Эла. Вы согласны? Или вас что-то удерживает в городе?

Вот тут я сломалась и заревела в полный голос. Белугой. Пожарной сиреной.

Мистер Уолкер засуетился, куда-то стал звонить, а я плачу как дура и никак не могу остановиться.

Ах ты мой чертополошек...

Глава 6

Остров робинзонов

Они уже отставали от расписания, а Никки всё ещё принимала душ.

– Быстрее, мама, по дороге домоешься! – крикнул нетерпеливый Майкл в т-фон.

Наконец, машина тяжело взлетела и взяла курс на запад. От тихоокеанской резиденции династии Гринвич до намеченного острова был час лёту. Предотъездная суматоха всегда уютна, и, когда пилот вышел на заданную высоту, все потянулись к стаканам с питьём. Джерри заодно раздал всем пилюли для ускорения адаптации к земной тяжести.

Майкл был возбуждён перспективой оказаться на необитаемом острове, но Сюзан хранила высокомерный вид – подумаешь, остров! Подумаешь, необитаемый!

Мальчик взял чашку кофе, пластиковую трубочку и спросил:

– Папа, можешь сделать механический двигатель на тепловой энергии – не вставая из-за стола и сделав только одно движение рукой?

– Нет! – подумал и озадаченно ответил Джерри.

– А я могу!

Мальчик проложил длинную пластиковую трубочку поперёк чашки с горячим кофе.

– Смотри!

Трубочка нагрелась тёплым воздухом, поднимающимся от чашки, и выгнулась дугой – кончиками вверх. Но это положение оказалось неустойчивым, трубочка покатилась и перевернулась – дуга стала смотреть кончиками вниз. Через несколько секунд верх трубочки остыл, а низ нагрелся, и трубочка опять выгнулась вверх концами – и перекатилась на старое место.

Кофе медленно остывал, а трубочка, подогреваемая тёплым воздухом, мерно каталась по краям чашки – назад... вперёд... снова назад...

– Блеск! – уважительно сказала Никки. – Действительно механический двигатель, работающий на тепловой энергии горячего кофе. Тебе нравится твой учитель физики?

– Да! – с энтузиазмом подтвердил Майкл. – Он знает массу интересных штук. Например, в прошлый раз он показал, как можно сверлить в толстом льду тонкие дырки с помощью воздуха.

– Как это? – удивилась мама.

– Да надо просто умело заморозить воду! – веселился мальчик. – И тогда пузырьки воздуха сами проделают во льду множество червоточин! А ещё он доказал нам, что вода может кипеть даже при комнатной температуре!

– Он, наверное, понижал давление воздуха? – спросила Никки.

– Да, – кивнул сын. – Учитель поставил стакан обычной воды под вакуумный стеклянный колпак и стал откачивать воздух – и вода закипела! Холодная! Всем очень понравилось.

– Я рад за вас, – улыбнулся Джерри. – Хороший учитель – одна из главных удач в жизни.

Двигатели изменили тон, и машина наклонилась. Майкл прильнул к иллюминатору:

– Остров! Вот он! Необитаемый!

Они разбили бивуак в рощице пальм рядом с пляжем.

Джерри с Майклом немедленно умчались к воде: проверять – мокрая ли.

Сюзан осталась возле матери и вдруг спросила:

– Мама, а почему люди разводятся?

– Ну... когда люди слишком долго живут вместе и слишком хорошо знают слабости и тайны друг друга, у них возникает желание избавиться от опасного свидетеля.

– А почему ты с моим отцом... развелась?

Никки вздохнула. Вот и настал этот сложный день.

Она честно рассказала дочери о событиях тех лет, когда равновесие сил на Земле зависело от рождения Сюзан.

– Ты самый важный ребёнок на Земле, принцесса Сюзан. Твоё рождение стало основой союза Северных и династии Гринвич. Вот Майкл – обычный ребёнок...

– Я тоже хочу быть обычной, чтобы в доме у меня были и мать, и отец! Я не хочу быть самым важным политическим ребёнком!

Голос Сюзан звенел. Никки нахмурилась:

– К сожалению, жизнь редко спрашивает, что мы хотим. Я вообще выросла без отца и матери. По сравнению со мной, у тебя избыток родителей. Будут конкретные предложения – приходи, обсудим.

– Почему вы распорядились моей жизнью без меня?!

– Если бы мы не достигли соглашения, то ты не появилась бы на свет. Пойми: или ты родилась бы в том статусе, который тебе так не нравится и из-за которого ты сейчас скандалишь, или ты вообще бы не родилась.

– Вообще?! – взвизгнула Сюзан.

– Да. Ты уже достаточно взрослая, чтобы осознанно подумать о собственных детях. Если ты решишь их не иметь – они никогда не появятся на свет. Ты для своих детей бог, но увы – не авторитет. Убедишься в этом сама, когда они будут ссориться с тобой.

Сюзан фыркнула и гордо зашагала на берег, где сидели уже искупавшиеся Джерри с Майклом. Оттуда доносился их горячий спор:

– Точка автомобильного колеса, которое мчится со скоростью двести километров в час, неподвижна относительно земли? Папа, это смешно! Тогда автомобиль ехал бы, оставляя куски шин на земле. Это же простая логика!

Отец пытался доказать:

– А прыгун с шестом – двигается? Да. А конец его шеста двигается? Нет. Его можно даже жвачкой приклеить в момент прыжка...

Но Майкл только недоверчиво качал головой.

Пока Сюзан дошла до пляжа, младший брат-непоседа уже сменил тему:

– Папа, я вчера смотрел фильм о Первой мировой войне. Я ничего не понял – весь мир стал воевать из-за ерунды. Какой-то один террорист, какие-то обмены нотами – и началась война с десятью миллионами убитых солдат! Мирных жителей погибло ещё больше. И победители ничего особенного не выиграли. Что за бессмысленная бойня?

– Я выскажу свою точку зрения – человека, который много занимался социомоделированием. Причины Первой мировой войны выглядят несущественными, но сама война была неизбежна.

К началу двадцатого века весь мир контролировался империями: британской, немецкой, российской, австро-венгерской, османской, японской... Такой мир нестабилен – он образован чересчур острыми иерархическими пирамидами. Слишком много зависит в нём от решения одного человека, для которого личные интересы и обиды могут оказаться выше интересов общества.

После двух мировых войн – а Вторая мировая была попыткой переиграть результаты Первой – мир кардинально изменился. Все империи были разрушены, и им на смену пришли демократические государства с более пологими властными пирамидами, решения в которых принимались широким кругом людей, выбранных народом. Для предотвращения войн даже появилось всепланетное правительство – Организация Объединённых Наций. Так что мировые войны сыграли очень важную роль в истории: земная цивилизация приготовилась к эпохе ядерных бомб. Представляешь себе опасность морально устаревших монархических империй с современными термоядерными ракетами?

Сюзан подала реплику:

– Но ведь мама – тоже королева. И дедушка Шихин – король! Значит, они тоже морально устарели?

Джерри засмеялся:

– Власти, которую имеют отдельные современные династии, не хватит для развязывания настоящей войны. Короли подчиняются ооновским законам и решениям, как и остальные люди. Современные династии – это просто очень крупные семейные компании, а королевские титулы – лишь рекламный трюк. Или утеха самолюбию. Но, конечно, многие короли со мной не согласятся.

Принцесса Сюзанна фыркнула и сказала:

– Пошли купаться, философы-бездельники!

Белый песок дымился в прозрачной толще набегающей волны. И растворялся, оседал хрупкой крупой на плавники... нет, на ступни.

Накупавшись, робинзоны отправились исследовать берег, идя вдоль дюны и частенько забираясь в мангровые заросли.

Майкл опасливо глядел под ноги:

– Я боюсь змей! Как только природа создала таких ужасных тварей!

Отец сказал:

– Правильно делаешь, что боишься. Но учти: именно ядовитые змеи дали толчок разумной жизни, заставив обезьян совершенствовать зрение и мозг – для того, чтобы вовремя заметить столь мелких и столь опасных врагов. Для распознавания ядовитых змей обезьянам приходилось запоминать пёстрый узор на спине чешуйчатых рептилий. Многие люди до сих пор боятся змей до судорог.

– Помнят, обезьяны! – ухмыльнулась Сюзан.

Майкл был находчивый весельчак, а Сюзан – мрачновата и немного цинична.

Сон у Майкла был завидный и крепкий, как боровик. Сюзан засыпала плохо, много читала по ночам и любила шокировать окружающих:

– Изумрудная оса *Amprulex compressa* уколом в мозг зомбирует таракана. Он перестаёт выбирать дорогу сам, и оса, сидя на спине таракана, держит его за усы и ведёт к гнезду. Потом откладывает в живот своей жертвы яйца. Вылупившись, молодые осиные личинки сжирают живого, но безвольного таракана.

– Тебе его жалко? – спросила Никки.

– Не знаю, – задумчиво сказала Сюзан. – Может, жизненным предназначением этого глупого некрасивого таракана и было – стать едой для гордых и умных ос?

– Не думаю, что таракан бы согласился с твоим мнением!

– А кто спрашивает его согласия?

Вот и сейчас Сюзан ехидно заявила Майклу, сидящему напротив неё на береговом камне:

– Не бегай глазами! Взгляд выдаёт социальный статус человека. Солидные люди водят глазами медленно, им некого бояться. Лишь несерьёзная мелочь шныряет глазами – опасность ищет или прокорм высматривает.

– Зануда! Мне просто всё интересно и на всё надо успеть посмотреть! Мама, а почему ты не загораешь?

– Загар любят женщины низкого интеллекта. Все остальные уже узнали про вред ультрафиолета.

Джерри тоже был в рубашке, а детей он тщательно обрызгал солнцезащитным составом.

В кустах закрипела какая-то красно-лохматая птица. Колибри подлетела к яркому цветку на рубашке Джерри, разглядела обман, плюнула с досады и умчалась.

Никки сказала:

– Когда мимо меня пролетает колибри... или висит над цветком неподалёку... то на душе становится радостно, словно от хорошего известия.

Вечером они сидели у костра.

С пляжа доносился деловитый размеренный шум вечерней волны.

Море работало круглосуточно.

– Папа, а сейчас здесь зима?

– Да, это Северное полушарие, и сейчас декабрь. Но наш остров так близок к экватору, что здесь в декабре теплее, чем во многих странах летом.

– Какой отличный декабрь! Приглашаем ваше лето погреться у нашей зимы! – засмеялся Майкл.

Сюзан, оттаявшая к вечеру, спросила у матери, работающей с ноутбуком:

– Мама, почему ты всегда делаешь доклады на память, а не читаешь их с ноутбука?

– Человеческое ухо отлично улавливает заученность монологов экскурсовода или интонации, возникающие при чтении доклада по бумажке. Эти интонации сразу вгоняют слушателя в сон. Между прочим – было бы интересно узнать, как мозг распознает такое чтение, и почему он считает, что на таком докладе стоит поспать. Надо подбросить эту тему нашим учёным.

Пламя ласково обвивало кольцами морщинистые чёрные поленья и издавало тихий трещащий звук, словно флажок на ветру.

Потом все забрались в палатку.

Снаружи по вертикальному стеклу палатки ловко прыгала лягушка – ловила мошкару, привлечённую светом изнутри.

Майкл никак не мог утомиться:

– Папа, я видел по телевизору открытие вегетарианцами памятника съеденным животным. Там есть корова, козлёнок, курица, кролик, карп и краб. А почему все шестеро животных – на букву К?

– Это загадка! И полагаю, она никогда не будет решена.

– Слишком сложная?

– Мм... не слишком интересная. Спи!

Дни просто бежали, наполненные ветром, солнцем, купанием, рассматриванием рыб и кораллов.

Никки сказала с удовольствием:

– Для того чтобы не переставать любить людей, нужно иметь возможность хотя бы изредка бывать на необитаемом острове.

Майкл и Сюзан всё-таки загорели и стали выглядеть не как городские альбиносы, а как настоящие аборигены.

Масса приключений спрессовалась в еле подъёмный, полупрозрачный и пряный пласт. Пляжи были белые, чёрные и зелёные: коралл, вулканические пемза и оливин. На пляжах спали морские черепахи. В прочных панцирях виднелись трещины – океанский прибой, сговорившись с рифами, любит пробовать на прочность.

В одной из бухт нашёлся на берегу ржавый до сердцевины корабельный двигатель.

– Папа, кто тут разбился?

Отец пожимал плечами, а рифы что-то смущённо бормотали.

Горы, нависающие над побережьем, были изрезаны изумрудными долинами, заросшими дождевыми джунглями. Берег изобиловал пальмами и кустарником, но иногда превращался в чёрное лавовое поле в редком ковыле. В трещинах вулканического шлака росли красные цветы – словно светилась неостывшая лава.

Майкл и Джерри сидели вечером на берегу и смотрели на звёзды. Рядом горел большой факел. Никки в палатке вела с кем-то переговоры, а Сюзан сказала, что лучше почитает.

– Папа, я давно хочу тебя спросить... – странно замялся Майкл.

Джерри насторожился. Дети любят задавать неудобные вопросы.

– Скажи мне – что такое тензор? Вы так часто с дядюшкой Хао о нём говорите...

Джерри тяжело вздохнул. Лучше бы Майкл спросил обычное: откуда берутся дети. Но отступить некуда: если не отец, то кто расскажет ребёнку про тензор?

– Пойди, проверь – теплоё ли море? – попросил он сына. Майкл послушно встал, опустил руку в солёную колышущуюся воду, полную бликов от горящего факела.

– Очень тёплая!

– А куда направлена температура у воды? – вдруг спросил отец.

– Как это – куда? – растерялся Майкл. – Никуда. Температура просто есть – она приклеена к каждой капельке воды.

– Верно, – согласился Джерри. – Температура не имеет направления. Запомним это и пойдём дальше.

Он воткнул суставчатую тростинку в песок, слегка наискосок.

– А эта палочка имеет направление?

– Да, она направлена на вершину пальмы.

– Пусть эта палочка будет всегда воткнута в эту точку. Но направление её может меняться. Сколько чисел нужно, чтобы задать направление тростинки? Например, я звоню тебе по т-фону и тростинки не вижу, а мне нужно точно знать – куда она направлена.

– Па-адумаешь, проблема, – пренебрежительно сказал Майкл. – Пусть направление на океан будет двенадцатью часами. Ты звонишь, а я сообщаю – палочка смотрит на девять часов – то есть налево, вдоль берега, и наклонена к вертикали... ну... примерно на тридцать градусов.

– Мне нужно знать, где находится конец палки, которую я никогда не видел.

– Тогда ещё говорю её длину – два фута.

– Итак, три числа задают положение кончика палки и её направление?

– Да.

– А теперь втыкаем туда же ещё одну тростинку, покороче... вот так... и наклоняем её в другую сторону. Для характеристики такой конструкции сколько нужно будет чисел?

– Папа, не задавай детских вопросов! Шесть.

– Извини, я просто стараюсь быть методичным. Конструкция из двух векторов уже гораздо богаче – например, мы можем натянуть на эти две палочки параллелограмм – две его стороны будут совпадать с этими тростинками, а ещё две параллельно повторяют их.

– Это похоже на ромбовидный парус у лодки! – воскликнул Майкл.

– Верно! – радостно согласился отец. – Очень хорошее сравнение. Давай им воспользуемся. Представь – плывёт яхта с мачтой, реей и бушпритом. Между этими тремя отрезками натянуты два паруса. Лодка качается, делает повороты; вектора мачты, бушприта и реи смотрят в разные точки – то в небо, то в море. Но паруса всё время натянуты между мачтой и реей, мачтой и бушпритом.

– Правильно, когда плывёшь на лодке в океане, то лучше паруса не сворачивать.

Джерри озабоченно подумал, что любая аналогия содержит утрату точности. Но сейчас важнее было добиться общего понимания у Майкла природы тензора. Время деталей и частностей ещё придёт.

– Итак, положение двух парусов между трёх векторов можно задать числами координат относительно лодки. Теперь слушай внимательно: температура, не имеющая направления, называется скаляром, или тензором нулевого ранга. Скаляр характеризуется одним числом. Тростинка, воткнутая в песок, – это вектор или тензор первого ранга, который задаётся тремя числами. Паруса у лодки можно описать тензором второго ранга, для определения которого

в пространстве нужно знать девять чисел. Обрати внимание – эти числа-координаты бегают, мерцают по знаку, могут даже обращаться в ноль, но устойчивые тензорные характеристики не исчезают никогда: стрела всегда сохраняет свою длину, а паруса – площадь. То есть тензор помогает мне избавиться от несущественных изменчивых деталей и даёт возможность определить главное, например, не сбили ли пираты мою мачту.

– Ага! Тензорное исчисление помогает вам с дядюшкой Хао управлять вашими моделями, держать их правильно по ветру.

– Похоже, – согласился Джерри, – но только мы используем тензоры высших рангов – и не в трёхмерном, а многомерном пространстве. Это мощное средство для учёного. Многомерный тензор высших рангов – это величественный корабль, одетый в громаду белоснежных парусов. Каждый парус натянут на реях и тросах со своими координатами, и в сумме паруса образуют единую устойчивую конструкцию,двигающую корабль в нужном направлении. Человек, освоивший тензорный анализ, равен командующему эскадрой многопарусных кораблей.

– Красиво, – с уважением сказал Майкл. – Значит, математики – это адмиралы!

– На другое равенство званий я бы не согласился! – усмехнулся отец.

Волна без усталости гладила берег по голове. Он не возражал.

– Папа, почему вы с мамой всё время помогаете людям?

– Ну... нам нравится это делать.

– А почему?

– Хм. Есть люди, которым нравится залезать на высокие горы или поднимать самые тяжёлые штанги, собирать почтовые марки или рецепты приготовления улиток. Но многие люди живут в тисках бедности и безнадёжности... – и это такое счастье: помочь им. От этого становится лучше на душе.

– А вы всем помогаете?

– Всем, кому сможем. Если сил на всё не хватает – помогаем тем, кому мы нужнее всего, например, детям. Мой отец – твой дед – разработал гениальную модель предсказания будущего всего человечества. А я пытаюсь превратить эту глобальную социомодель в способ предсказания судьбы отдельных людей. Это особенно важно для детей: они часто растут в бедных и малообразованных семьях, но имеют право быть счастливыми. Им нужно помочь выбрать правильную профессию, рассказать, в каких областях человеческой деятельности они достигнут наибольшего успеха. Заодно и предсказать им, какие работы будут популярны в ближайшие полсотни лет.

– А дед был великим учёным?

– Да, несомненно.

– А ты?

– Я не стараюсь быть великим, я стараюсь быть нужным. Слишком многим надо помочь.

Добин-Го сказал, что честный человек всегда живёт с чувством вины.

Майкл долго молчал, смотря в звёздное небо.

– Ты говорил, что у Веги есть несколько планет, – вдруг он сменил тему разговора.

– Да.

– А если сейчас на одной из веганских планет обижают детей?

Нет, Майкл не менял тему, но странно повернул её.

– Когда мы долетим до Веги, то поможем и им.

– А если они живут в очень далекой галактике?

– Боюсь, что большинство цивилизаций во Вселенной должны обойтись без нашей помощи – мы просто не сможем до них добраться.

– Это очень плохо, папа! Ведь этим далёким существам тоже нужна помощь... Вдруг их звезда взрывается, или планета остывает... И они все-все могут погибнуть!

– Мы бессильны в этом случае.

– Неужели ничего, совсем ничего нельзя сделать?

– Ничего, сын. Сверхсветовые полёты невозможны, а любые досветовые корабли не смогут доставить помощь в дальние точки Вселенной. Даже если где-то гибнет целая цивилизация, то мы ничего не можем для неё сделать...

Майкл побледнел. Его потрясла мысль, что прямо сейчас где-то терпит бедствие целый мир – тонет, как корабль с пробитым бортом.

Джерри с беспокойством смотрел на сына:

– Майкл, сначала нужно помочь тем людям, которые живут рядом с нами...

Мальчик долго молчал, привалясь к отцовскому плечу и глядя в небо.

Потом он заснул, и отец отнёс его в палатку.

Джерри не мог даже представить – к каким невероятным последствиям приведёт этот ночной разговор отца с сыном.

Но Майкл запомнил этот вечер и часто думал о неведомых разумных существах, которые где-то далеко в космосе тонули, горели или умирали другим мучительным образом, поднимая плачущие глаза к небу. А оно равнодушно смотрело на их страдания и не протягивало руку помощи.

Глава 7

Трудная дорога

Этот день начался обычно – с обсуждения сложнейшей проблемы, которая занимала их мысли.

Никки стояла у окна и смотрела на величественную панораму Гринвич-Сити.

– Значит, всего этого недостаточно? Мы охватили дистанционным обучением десятки миллионов детей, которые получают хорошее образование и станут замечательными людьми.

– К сожалению, этого недостаточно. Расчёты по-прежнему утверждают, что общественное пассивное сопротивление переменам будет нарастать – и это уже подтверждается социологическими данными. Для качественного изменения ситуации нужно воздействие в масштабах миллиардов людей. Их отношение к миру надо как-то изменить. Пока у человечества слишком много дураков, пессимистов и просто озлобленных на жизнь людей. Им надо всем помогать. Каждому!

– Что же делать?

– Ответ известен: думать.

Никки вздохнула, возвращаясь мыслями к текущим делам, и пожаловалась:

– Джерри, эти экономические науки меня доконают. Биржи, акции, кредиты, фьючерсы. В них даже Робби путается и толком объяснить мне ничего не может.

Джерри посоветовал:

– Прослушай популярный курс лекций профессора Алессандро Баранова. Я не согласен с рядом его соображений, но лекции Алессандро многое проясняют. Он, с одной стороны, представитель старой школы биржевиков, а с другой – бунтарь-одиночка, который никаких профессиональных секретов не скрывает и туман не наводит, а режет правду-матку в глаза. Но учти одно: даже физические процессы не свободны от воздействия наблюдателя, а общественных процессов, независимых от людей, вообще не найти. Как-то исследователи медицинской статистики удивились: мужчины одного американского штата подвергались определённой хирургической операции в два раза чаще, чем мужчины другого штата. Чем вызван такой скачок заболеваемости? Были проверены различия в условиях жизни, образовании, корреляции с другими болезнями – ничто не объясняло такой всплеск. Потом выяснилось, что между штатами в два раза отличалось лишь количество хирургов, специалистов по данному заболеванию.

– Так что же первично, а что вторично? Количество больных или врачей?

– Хороший вопрос. Известно, что юристы активно создают собственный рынок – выискивая всё новые и новые причины для судебных исков. Есть мнение, что многие законы, которые составляют юристы, переусложнены именно для того, чтобы люди, толкующие законы за деньги, не остались без работы. Экономике тоже пока нельзя рассматривать в отрыве от экономистов.

– Кошмар! – Никки была ошарашена. Всё-таки в глубине души она оставалась дикой и наивной Маугли.

И вот она слушает вводную лекцию приземистого, седого и лысоватого, но удивительно живогоглазого профессора Алессандро. Глаза «неистового Алессандро» метались от записей к слушателю, от экрана к камере, горели, смеялись, негодовали.

– Экономика – молодая наука, она появилась существенно позже возникновения государств, гораздо позже развития торговли и бизнеса и даже позже науки о риске и целесообразности. Экономика родилась вместе с анализом большого числа статистических данных, что позволило делать выводы, прогнозы и обобщения.

К XX веку во многих науках были построены краеугольные теории, которые обеспечили развитие этих наук на десятилетия и столетия вперёд. В химии это была периодическая система химических элементов Менделеева, в биологии – теория эволюции Дарвина, в физике – теория относительности Эйнштейна.

Но в экономике до сих пор нет общепризнанной фундаментальной теории, определяющей основные тенденции развития научной экономической мысли. Я думаю, что краеугольным камнем нашей науки станет учение о спектре экономических циклов в человеческой цивилизации, но об этом мы поговорим попозже.

Экономика как система научных знаний появилась в конце XVIII века и сразу заслужила репутацию «мрачной» науки – благодаря прогнозам Роберта Мальтуса, который на основе имеющихся данных предсказал неизбежность мирового голода. Экономисты не балуют обывателя оптимизмом, обычно обсуждая удручающие темы: безработицу, массовый голод, спад производства, кризис, бедность.

Мрачная репутация экономики и сейчас заслужена: экономисты – это единственные люди, предупреждающие нас о трудном выборе и компромиссах. Прогнозы и заключения экономистов, которых общество воспринимает как неприятных реалистов общественных наук, всегда непопулярны.

Диана Койл сказала, что экономика – это скептицизм, применённый в отношении человеческого общества и политики. Экономисты постоянно задаются вопросами... Почему наступил кризис? Будет ли работать предложенная экономическая политика? Кто получит выгоду в результате уменьшения банковского процента кредитования?

Профессор остановился и быстро осмотрел аудиторию.

– Выскажу глубоко личное мнение. В античной Греции и Риме философия была наукой обо всём, а все науки назывались философией. Экономика родилась в эпоху Просвещения как течение мысли, в основе которого лежит поклонение силе разума, сформировавшее современную науку и демократию. Но ни одна наука не способна достичь уровня прагматизма экономики. Я верю, что экономике ещё предстоит стать – по степени влияния на умы – аналогом философии. Экономика, как философия продвинутого общества, будет особым подходом, применяемым к людям и компаниям, отраслям промышленности и государствам. Это образ мыслей, который предполагает большое уважение к эмпирическим фактам и внимательное изучение экономических данных и закономерностей. Экономика – наука и о взаимосвязях в обществе, и о поиске этих взаимосвязей.

Алессандро повернулся и бодро взбежал на кафедру.

– Вернемся к официальной истории экономики. Экономическое объяснение никогда не является единственным, но оно создаёт важнейшую основу для политических и социальных объяснений. Очень часто экономисты вынуждены быть проводниками политики; разные специалисты на основе одних и тех же эмпирических данных приходят к противоречивым выводам в зависимости от собственных политических предпочтений. Становление науки экономики предполагает полное выдавливание из неё политики.

В XIX веке экономика была детерминированной наукой, гласившей: стоит лишь четко установить факты и проанализировать их на основе законов – и тогда будущее станет понятным. Питер Бернштейн писал о том счастливом и наивном времени: «Представители классической экономической науки рассматривали экономику как свободную от риска систему, автоматически ведущую к оптимальным результатам. Они уверяли, что её стабильность гарантирована».

Но в 20-х годах XX столетия в квантовой механике появилось принципиальное соотношение неопределённости Гейзенберга. В это же время важная роль неопределённости была осознана и в экономике. Чикагский профессор Фрэнк Найт сформулировал это так: «В экономике проблема неопределённости неизбежна, потому что сам экономический процесс нацелен

в будущее». И эта мысль обусловила дальнейшее развитие экономических теорий. Детерминированные экономические законы дополнились стохастической игрой.

«Неистовый Алессандро» повысил голос:

– К началу XX столетия человеческая цивилизация вступила в новую стадию своего развития, территория Земли была полностью поделена сильными державами, скорость оборота и объёмы товаров на мировых рынках резко возросли. Расцвели и биржи.

Если в XIX веке финансовые инструменты были возможностью для очень узкого круга людей, то в начале XX века финансовые спекуляции стали массовым явлением. Биржевые торги были сродни драме высоких страстей и комедии низкопробных оплошностей. Операционные залы финансовых бирж были похожи на театр даже внешне: все торги шли с голоса. Биржевая торговля была трудно отделима от мошенничества. На финансовых рынках кроме математики и экономики господствовала и психология толпы.

На бирже начала XX века в течение часов создавались и терялись огромные состояния. Уолл-стрит был гигантским казино, где игроки в обличье биржевых спекулянтов делали рискованные ставки на движение акций.

Вдруг профессор на экране замер с полураскрытым ртом, уставившись прямо на Никки. Раздался насмешливый голос:

– Я вижу, что тебе скучно и твоё внимание тает как снег на солнце!

– Да, – виновато сказала Никки. – Честно тебе признаюсь, Робби, что экономика никогда не была моей любимой наукой.

– Тупица! – фыркнул невидимый друг. – Ладно уж, развлекаю тебя хрестоматийной биржевой историей... Ты ещё настолько дика, что наверняка её не знаешь.

Робби откашлялся, изображая подготовку к лекции.

– Знаменитая династия Ротшильдов является одной из самых старых земных династий. Её основателю принадлежит завет, которому следуют и современные королевские фамилии: «Все важные посты в бизнесе должны занимать только члены семьи, а не наёмные работники». Ротшильдам же принадлежит и девиз: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». 18 июня 1815 года произошла знаменитая битва при Ватерлоо, где решалась судьба Европы. Французские дивизии Наполеона напали на объединённые войска европейских монархов. Сначала англичанам, пруссакам и голландцам пришлось несладко – и по Европе распространилась весть о побеждающем Наполеоне. Но к вечеру того же дня к союзным войскам подоспело подкрепление, и наполеоновские войска были полностью разгромлены. Битва была жесточайшей – за день было убито шестнадцать тысяч человек. Специальный курьер банкира Ротшильда наблюдал за сражением и 20 июня, несмотря на шторм в проливе Ла-Манш, первым доставил своему хозяину в Лондон сообщение о проигрыше Наполеона. Ротшильд примчался на лондонскую биржу, где никто ещё не знал итогов сражения, и отдал приказ о срочной распродаже своих английских акций, делая вид, что Наполеон победил. Биржу охватила паника – все бросились сбывать ценные английские бумаги, отчего их стоимость упала в двадцать раз. Вечером 21 июня курьер фельдмаршала Веллингтона доставил в Лондон официальное донесение о поражении Наполеона. Английские акции мгновенно не только вернули свою первоначальную цену, но даже значительно превысили её. Но для лондонских биржевиков победа союзных войск обернулась сокрушительным поражением: акции английских компаний были почти задаром скуплены тайными агентами Ротшильда и поднялись в цене уже в его кармане. Многие биржевики покончили жизнь самоубийством, а Ротшильд заработал на битве Ватерлоо сорок миллионов фунтов стерлингов – по тем временам баснословные деньги: плодороднейшая Луизиана размером в четыре Франции была куплена Америкой всего за три миллиона фунтов стерлингов.

Никки удивлённо покачала головой:

– Ещё немного – и ты скажешь, что банкиры сами организовывали кровавые сражения, чтобы успешнее сыграть на бирже.

– О боги джунглей! Когда же ты хоть немного поймёшь земную цивилизацию? Все войны в мире – ты слышишь, дикая Маугли? ВСЕ! – имеют в своей основе финансовые интересы, или, точнее говоря, интересы финансистов.

– Я не настолько дика и кровожадна, чтобы в это поверить! – сказала потрясённая астровитянка.

Профессор на экране снова зашевелил губами и продолжил:

– По мере изменения стандартов деловой этики на финансовых рынках появлялись всё новые изощрённые инструменты. Если в начале XX столетия наибольший риск обеспечивался на рынке акций, то к концу века максимальный риск был связан с производными инструментами или деривативами, например, опционами и фьючерсами.

Изначально сложные финансовые инструменты создавались для обуздания риска, как элемент хеджа, но когда человеческая жадность брала верх над благоразумием, эти механизмы страховки превращались в орудия разрушения. Все крупнейшие крахи на финансовых рынках во второй половине XX и в первой половине XXI века были вызваны спекулятивной игрой в деривативах. Начало XXI века открыло эру финансовых пузырей, быстрых взлетов и падений. Ведущие банки мира, история которых насчитывала десятилетия, а то и столетия, крошились как лёд. Итогом стало ужесточение требований государств к сложным финансовым инструментам.

Глаза профессора Алессандро вспыхнули огнём.

– Но вернемся в эпоху необузданных страстей человеческих. На протяжении почти 200 лет – до середины XXI века – биржи были особым феноменом на стыке прикладной экономики и коллективной психологии. Профессор Вильям Шарп объясняет слово «инвестировать» так: «расстаться с деньгами сегодня, чтобы получить большую их сумму в будущем». Здесь два фактора – время и риск. Отдавать деньги приходится сейчас, а вознаграждение наступает потом, если наступает вообще, и его величина заранее неизвестна.

Реальные инвестиции вкладываются в материальные активы: землю, оборудование, заводы. Финансовые инвестиции – это записанные контракты: акции, облигации и другие инструменты. В примитивных экономиках доминируют реальные инвестиции; в современных экономиках большая часть инвестиций – финансовые, и их доля всё время нарастает.

Финансист Джон Мэрфи установил взаимосвязь всех рынков – финансовых и нефинансовых, внутренних и внешних. В периоды стабильности и роста экономики эти взаимосвязи между рынками скрыты, но они чётко проявляются во времена финансовых кризисов. Кризис похож на очистительный вихрь, который сбивает с финансовых рынков пузыри, появившиеся в силу жадности и неумелого управления рисками.

Во времена кризисов наблюдаются редкие явления взаимосвязи разных рынков; опережающий лаг одних финансовых инструментов над другими, составляющий обычно несколько месяцев, в момент кризиса может сжаться до нескольких дней, рождая необычные ценовые уровни одних акций к другим. Финансисты говорят: «спреды рекордно разъехались».

Очень много спекулянтов разоряется в такой момент на разъехавшихся спредах, потому это появление события, к которому не была готова накопленная статистика. Когда в момент кризиса биржевики увеличивают кредитное плечо, играя на сужение спредов, они, по сути, играют в «русскую рулетку», когда вероятность несчастного события невелика, зато реализация данного события трагична.

Никки подумала: «Про „русскую рулетку“ я слышала, а вот понятия „кредитное плечо“ и „разъехавшиеся спреды“ надо прояснить. Чёртовы субъязыки...»

– До середины XXI века, когда стандарты работы на финансовых рынках значительно ужесточились, очень сложно было провести грань между цивилизованными методами работы

и мошенничеством. Финансовые пирамиды сменялись фальсификацией работы финансовых рынков через имитацию работы бирж посредством виртуальных торгов. На развивающихся фондовых рынках постоянно появлялись элементы жульничества...

«Да, профессор Алессандро никого не щадит, – подумала Никки. – Его лекция хороша, но многое ещё в тумане. Надеюсь, в следующих лекциях он расскажет всё детальнее...»

За ужином королева снова вернулась к проблеме технологии пятого уровня, которая неотступно терзала Никки и Джерри.

– Какую бы область человеческого бытия я ни изучала, я всё время сталкиваюсь с корыстью, обманом и подлостью. В мировых биржах, в рекламном бизнесе, в терроризме – всё время видно рыло жадной и злобной обезьяны. Как заставить людей быть людьми? Переубедить человека научными или логическими доводами невозможно, и я не понимаю, как можно достичь нужного нам перевоспитания. В голову приходит только массовый гипноз. Но на него массы не согласятся!

Джерри кивнул головой:

– Да, это вряд ли. Обычный человек не считает, что его мозги или убеждения требуют корректировки.

Никки задумалась:

– Технология пятого уровня, способная изменить психологию всего человечества... Клянусь бородой Дарвина, неплохая задачка! Что же это может быть?

– Спустимся на уровень отдельного человека: что может его перевоспитать? – спросил Джерри. Никки пожала плечами:

– Бесконечные поощрения за хорошие поступки и наказания за пакости.

– Точно! – воскликнул Робби. – Вот ты была ужасно трудным ребёнком. Моего кремниeveго терпения едва хватало на твоё упрямство и непослушание.

Никки как молнией ударило.

Она круглыми глазами уставилась на Джерри.

– Робби! Он ведь не просто наш помощник – это же искусственный интеллект, равного которому нет. Это воспитатель-гений! Может он стать технологией пятого уровня?

Робби буркнул:

– Ура! Наконец-то эти лягушки признали мои таланты.

– Искусственный интеллект для эволюции естественного разума должен быть сверхважной технологией, – удивлённо кивнул Джерри. – А мы могли его не заметить в расчётах, потому что воспитательная ипостась искусственного интеллекта не учитывалась, а другие его функции были технологиями другого, более низкого уровня.

– Согласен! – важно сказал кибер.

– Значит, если размножить Робби в количестве нескольких миллиардов и обеспечить каждому человеку такого воспитателя, то у нас есть шансы на глобальное изменение психологии общества! – Никки возбуждённо задвигалась в своём кресле.

Робби сказал грозным голосом:

– Я из вас, обезьян, живо людей сделаю!

Джерри посмотрел на королеву:

– Это означает гораздо большее влияние общества на человека, чем раньше. Мы будем контролировать обучение и воспитание каждого человека, создадим для него среду, которую он всегда будет носить с собой. Это мощный рычаг, который кардинально изменит общество. Опасная штука, ведь речь идёт о самом масштабном воздействии на человечество за всю его историю. Это ничем, в принципе, не отличается от массовых гипноизлучателей.

Никки возразила:

– Что поделаться, если без активного воспитания нашей цивилизации не обойтись – иначе она упрётся в тупик, погрязнет в грызне и глупости. Кроме того, каждый человек будет иметь свободный выбор – принимать советы своего помощника-учителя или нет.

Джерри вздохнул.

– Среда легко обманывает и отгораживает. Если к ней привыкнуть, то сопротивляться ей очень трудно. Помнишь, я занимался уничтожением корпорации «ЗороастрИнк»? Признаюсь, я делал это с большим воодушевлением. Случайно мне удалось узнать, что «ЗороастрИнк» реализовал чудовищный проект с полной контролируемостью среды вокруг человека... точнее, разумного существа. Этот жуткий до озноба проект стал одним из главных пунктов обвинения корпорации в Международном трибунале ООН.

– Я помню эту историю, но, в отличие от настоящих людей, у того человека абсолютно не было выбора... Впрочем, даже он сумел кардинально изменить свою жизнь – единственным оставшимся у него способом.

Джерри похмыкал и сказал:

– Итак, стабильный прогресс человечества должен обеспечиваться ежедневным воспитанием и обучением ВСЕХ людей. КАЖДЫЙ должен получить в своё распоряжение терпеливого учителя, внимательного собеседника и ценного советчика. Этот преподаватель-союзник будет эффективно воспитывать в людях миролюбие, интеллект, способность к мечте и давать каждому дополнительные шансы на жизненный успех и личное счастье.

– Это будет учитель, который сам ученик. Я училась у Робби, он учился у меня. Робби в миллиардах взаимодействующих копий будет учиться у миллиардов людей и будет становиться умнее в миллиард раз быстрее, чем когда он умнел только со мной.

Никки и Джерри смотрели друг на друга, не отрываясь. Озарение несло их на своих могучих крыльях.

– Он станет умной мировой душой и добрым мировым мозгом. Он будет впитывать в себя лучшее, что есть в нас, и возвращать нам это лучшее, возвращать нам самих себя.

– Это можно называть просто ноосферой. Со временем информационные и финансовые ресурсы мульти-Робби вырастут настолько, что он станет неотъемлемой компонентой нашего мира, всемогущим менеджером, которому не нужна власть.

– Мир нестабилен и несчастен, потому что люди в нём одиноки. Разобщённое человечество можно спасти, если в нём не будет озлобленных и одиноких людей. Но Робби – не человек, он лишь иллюзия человека. Сможет ли он разделить одиночество каждого?

– Робби – наше порождение, он стусок из нас самих, только без нашей злобы и глупости. Он сможет сказать каждому то, что мы сами не смогли сказать друг другу. Человек настороженно относится к людям – соперникам, насмешникам и эгоистам. Робби – не соперник, ему можно доверять.

– Решая уничтожить одиночество каждого, мы нашли самую трудную дорогу из всех возможных.

– Это математика: только бесчисленные копии нас смогут поговорить с нами же. Мы синтезируем из всех нас общего представителя, размножим его и отправим в бесконечное путешествие по нашему миру, по густонаселённой вселенной одиноких людей.

– Что ж, чем дорога трудней, тем она интересней. Но как же грустно, что мы не смогли душевно и лично поговорить с каждым.

– Робби передаст всем наш сердечный поцелуй.

– Но будет ли он достаточно нежен?

– Поцелуй или Робби?

– Оба.

Глава 8

Не говори им, ладно?

Люблю утро на востоке Латинского квартала. Вселенский мыльный пузырь солнца опасно протискивается сквозь колючую толщу города и взмывает над ломаным парижским горизонтом скошенных мансард и зарослей каминных труб. Солнечный свет блесит на мраморных столиках браззерии на углу улицы Студентов. Я жмурюсь от тёплых лучей, вдыхаю свежий запах круассана.

Славно.

На часы не гляжу, но знаю – без семи минут девять. Через дорогу напротив, в большой давно не ремонтированной белой вилле, заросшей плющом, живёт замечательная девушка с рыжими волосами. «Уютной шторы шёлк с волнующим разрезом». Каждое утро без пяти девять она проходит мимо открытой веранды кофейни, где я пристрастился завтракать и наблюдать. Торжественный выход небесного жёлтого карлика и земной огненной красавицы. Сначала мы с девушкой просто кивали друг другу, встречаясь глазами, потом стали здороваться. Два месяца назад я осмелился и её традиционному: «*Са ва?*» – не ответил: «*Тре бьен!*» – а спросил:

– *Не хочешь позавтракать со мной?*

– *Ужасно непристойное предложение!* – на ходу насмешливо фыркнула она, и мои слова потеряли невинность.

Но она не обиделась и на следующий день, проходя мимо, сказала:

– *Рогалики скоро будут тебе сниться. Съешь омлет!*

– *Чтобы меня мучили кошмарами цыплячи привидения?* – парировал я вслед.

Так началась наша ежедневная игра. Пинг-понг реплик. Фехтовальный ритуал беззлобных уколов. Флирт на бегу. Воздушный звуковой сверхзвуковой поцелуй. Пятисекундная пикировка как кульминация дня.

– *Красивое платье!* – говорю я, любуясь девушкой.

– *Невежа! Хвалит платье и молчит обо мне!*

Однажды я встал и решил её проводить. Она, не оборачиваясь, сказала, что я её больше не увижу. От серьёзной озабоченности её голоса я застыл на месте. А она ушла быстрее обычного.

Она никогда не останавливалась возле меня, но всегда замедляла шаги и ласково смотрела мне в глаза. Увидела раскрытую тетрадь формул:

– *Жизнь сложнее теорем, умник!*

– *Поэтому я и нырнул в математику!*

Я насмешливо демонстрировал девушке, что торчу в этой браззерии каждое утро только из-за неё. Удобно прятать правду в ножнах иронии: обычно шутки лживы и отводят глаза.

– *Почему ты всегда один? Где твоя подружка?*

– *У меня уже есть девушка – это ты!*

Вот – стукнула чугунная калитка, и рыжеволосая быстро зашагала по улице, в такт моему ускоряющемуся сердцу. Девушка повернула голову и поймала меня улыбкой. Сегодня мне подавать мяч:

– *Ты похожа на весёлую утреннюю птичку!*

– *Почему же ты не насыпал вокруг себя крошек?* – мгновенно отреагировала она. Умница, за словом в карман не полезла. Я бы полез.

Я проводил её стройную фигуру взглядом и телом, ощущая шампанские иголки в груди. Является ли эта голубоглазая девушка в приятно тонких брючках искомым доказательством Теоремы? Вот только какой – Первой или Второй?

Девушка скрылась за углом, а я вздохнул, взял толстую белую чашку со стола и стал допивать остывающий чёрный кофе с бледно-оранжевым круассаном. С катушек ты скоро съедешь, братец, со своими Теоремами...

Встав с затрепавшего плетёного стула, я взял почти пустой портфель и не спеша двинулся по бульвару к Сорбонне. В бледном застеколье витрин скачками заскользила худошавая, даже тощая фигура в распахнутом широком плаще. Серые глаза, светлый короткий бобрик, впалые щеки, тонкие нос и губы.

Наверное, что-то есть в этом зазеркальном типе. Иначе – зачем девушка транжирит на меня утренние реплики?

Мне говорили, что я симпатичный. Кого благодарить? Моей метрике «родители неизвестны». Воспитанник государственного Интерната. Стриженные головы ребят. Ожидание подножки. Одиночество в толпе. Драка как точка сборки неверного общественного внимания. Главный пейзаж жизни – экран. Абстрактный мир навсегда верных уравнений и изящных поверхностей. Предсказуем, не подл. Прелесть.

После колледжа я переехал в мансарду шестизэтажного корабля у зоопарка. Дёшево – рычание зверей. И запах иногда доносит. Зато – морской вид на парижские крыши. Зелёный росток из забытого глиняного горшка. Неожиданный пушистый снег на балконе. Свой дом. Не понимаю почему, но это исключительно важно для меня. Каменная ракушка для мягкого моллюска.

Впереди меня по тротуару шла странная пара: остроносая худая женщина и плотный пожилой мужчина в зелёной шляпе и с большой коробкой на плече. Остановились.

Человек в шляпе ловко пристроил короб на деревянный штырь, принялся крутить боковую ручку – и громко раздались странные жалобные звуки. Женщина стояла рядом, задрала голову, и внимательно водила носом по окрестным окнам. Я вдруг вспомнил: «Шарманка!»

Шкатулочная музыка отражалась от уличных стен, заводила, куда-то звала – и принесла плоды: рамы окон растроганно залязгали, и на мостовую посыпались серебряно-золотые кружочки экю. Женщина коршуном спланировала на двуцветный блеск. Я пошарил по карманам, но даже оловянных монет не нашёл.

И где люди берут эти круглые золотые штучки?

Музыка непривычно раскачала сердце, и я недоуменно поймал себя с мокрой щекой. Что, старик, докатился? Над шарманкой заплакал?

Душевно поиграв, пара уличных шарманщиков свернула в соседнюю, ещё не обобранную рощу каменных деревьев с драгоценными орешками.

Я шёл к Сорбонне в привычном режиме автопилота. Стоял апрель. Удивительное время – на деревьях больше цветов, чем листьев. Взгляд рассеянными зигзагами прыгал по тротуару. Засыпан бело-розовыми лепестками. Концентрация по гауссиане? Поправить на ветер, сжав пространство? Бабочка с чёрными крыльями. Бифуркация Тома. Мальчик на велосипеде. Стабилизирующий Кориолис.

Весельчак-просветитель Ламетри учил: человек – это машина. Был проклят и изгнан из страны. Прошли сотни лет – и люди со скрипом согласились. Да, человек – молекулярная машина невероятной, хотя и конечной, сложности.

Но! Заманчива истина: чем сложнее машина, тем умнее её создатель. Велосипед – примитивен, дерево – конструкция высшей организации. Девушка превосходит системной сложностью все мыслимые пределы. Создатель персикового дерева и прелестной женщины – был ли умнее человека, собравшего лишь велосипед?

Мог ли слепой случай, неуклюжий топор дарвиновской эволюции – создать такое чудо? Я проводил взглядом бабочку, протанцевавшую над моим плечом... Но думал я о рыжеволосой девушке. Кто сотворил весь этот мир? Почему наш мир устроен именно так, а не иначе? Любимая проблема, ломающая мою бедную голову. Любимая девушка как мировая загадка.

- *Выкопал какую-нибудь научную истину, умник?*
- *Я нашёл центр мира. Его носит в сумочке рыжая девчонка.*

Бог? Слишком просто. Не люблю незамысловатых ответов. Решение «бог» не могло быть правильным – этот ответ дармовой, как благотворительный суп для клошаров. Раздают на рю Бонапарта. Бесплатен и безвкусен. Объясняет всё и ничего. Настоящая истина – это инсайт поразительного вкуса и счастья. Чертовски дорогая штука. В кредит не возьмёшь. Даже выплатив всё наперёд, можешь ничего не получить взамен.

Приметил: все вдохновляющие меня истины лежат вне человеческой сущности. Человек любое озарение изгадит и обернет в трагикомедию. Аминь.

Я остановился. На площади Монжа лежал живописный бездомный. Спал, вольно вытянув ноги в когда-то белых кроссовках. Синий потёртый плащ, лохматая пегая борода и грязная шевелюра с запутавшимися лепестками цветов. На тротуаре аккуратно стояла полупустая бутылка с дешёвым красным вином. Я наклонился к спящему и спросил:

– Кто создал этот мир?

Мужчина всхрапнул, открыл мутные голубые глаза, поводил ими вокруг.

– Это я, Франсуа, – прохрипел он.

Один его зрачок был круглый и хитрый, другой – вертикально-щелевидный и безумный.

– Зачем он? Зачем мы? – спросил я.

– Это для меня, – сказал невнятно бездомный, ухватил бутылку и ловко присосался к ней, не поднимая головы с тротуара.

Интересно. Я отправился дальше. Взял Бог – да и создал себе Вселенную, чтоб побыть в ней самым беспечным представителем. Вот выпится, стряхнет с плеч этот мир, как старую хламиду, и создаст себе с иголочки новый. Где будет спать большой красной лягушкой в тёплой метановой луже. Бог как клошар. Непротиворечиво и недоказуемо. Жутковатая патология зрачка. Очень редкая. Что сквозь него видно?

Я рассеянно поднял сухую веточку с газона, надломил – и вздрогнул. Срез ветки был аспидно-чёрным. Опять!

Когда я был мальчишкой, то заметил на улице чей-то велосипед и бесцеремонно сел на него. К моему восторгу, велосипед быстро разогнался и вмиг домчал меня до рю Кассини, где я никогда раньше не был.

И я с ужасом увидел, что улица кончается абсолютно чёрной стеной. Велосипед сам чудом остановился, с разгона упёршись передним колесом в стену мрака. Что было дальше – не помню.

Я очнулся уже на скамейке, велосипеда рядом не было, как и стены, – улица Кассини преспокойно простиралась дальше. Рядом стоял человек, который назвался доктором. Я рассказал ему про стену – он успокоительно покивал, потом заявил, что это привиделось мне из-за редкого и довольно безобидного расстройства глазного нерва. Доктор дал таблетку и сказал, что такого больше не повторится, но мне лучше вернуться в Интернат.

Я вернулся домой и почему-то стал избегать покидать свои обычные улицы обитания. Несмотря на обещания доктора, чернота иногда проступала сквозь обычные вещи: когда я зачем-то дёрнул капот припаркованного автомобиля, то он открылся, но вместо мотора я увидел ту самую тьму.

Один раз я свернул с тротуара и подошёл к стае птиц, сидящих на газоне, пытаясь рассмотреть их поближе. Они посвистывали, не замечая меня, а потом чёрный вихрь неожиданно смыл всю птичью стаю. Чёрное пятно поколыхалось и быстро исчезло, оставив после себя обычную газонную траву. Но оттенок новой травы заметно отличался от соседней.

Я не любил эту тьму – она пугала меня. Чёрт бы побрал эти глазные нервы.

Глаза Сандры с утра беспрерывно сочились слезой. Хомяк Пуф умер. Как ни бились они с мажордомом, как ни кормили хомяка лекарствами, её любимый домашний ЗвеР-Рь был найден утром околевшим на полу своего «зверьского» жилья. Возможно, простыл на сквозняке, отчего глаз воспалился, а потом раздулся и перестал закрываться. Сандра была готова раскошелиться на операцию, но в ветеринарной клинике честно сказали – не жилец. Сандра не сдавалась, мажордом беспрерывно рылся в медицинских информаториях в поисках спасительных панацей, но Пуф, извиняясь, всё равно отправился в свою хомячью Валгаллу. Вот Сандра и захандрила: Пуф был единственным живым существом в доме. ЗвеР-Рь Пуф-ф! Прошлогодний подарок Анри, переживший их недолгий роман. С рассерженной точки зрения Сандры, Пуф был более ценным приобретением, чем Анри.

Сандра допила любимый жасминовый чай и выскочила за дверь своего гнезда на тридцать девятом этаже. Она не опаздывала, но уже выбрала запас времени «на-всякий-случай». На улице моросило, но на плащ Сандра махнула рукой. Лифт из её апартаментов дотягивался до пешеходного тоннеля – а там метро в ста подземных сухих метрах. А галерея «Лафайет» с фирмой «ЗороастрИнк» соединена задним торговым проходом.

Сандра ехала в стеклянном пенале подземки и беззвучно, но сочно бранилась. Одна мигрень от этих домашних скотов! Приютишь, ухаживаешь, любишь как дура, а потом – тебя же ножом по сердцу. Что Анри, что Пуф. Не-ет, одиночество – залог стабильности и счастья. Никого не впускать в душу! Чтоб не гадили и не помирали там.

Мимо вагона-пенала проплыли бензиновые радужные пятна картин и лысые мраморные луврские головы. Вот кого надо любить – вечные культурные ценности. Никакого выноса горшков и скандалов, напротив – эстетская приятность и интеллектуальное благоухание. Увы, секс с «Дискоболом» невозможен. И дети от «Декамерона» не рождаются. Засада!

Доехав до офиса, Сандра невольно приободрилась. В последние недели она открывала стеклянную служебную дверь с болезненно бьющимся сердцем, за что ругала себя, ругала, но ничего поделать не могла, наркотически утонув в проекте. А завтра вообще особенный день – её дежурство: еженедельный праздник внутреннего употребления.

Она зашла в корпорационный лифт, отделанный зелёным камнем, и в зеркале за золотыми перилами отразилась худенькая девушка с негустыми тёмными волосами. Ничем не особенная невзрачность. Да, да – фигура хорошая, а так – дурнушка, если честно. «Зато умная!» – как обычно и как смогла утешилась Сандра. Но она многое – интересно, сколько? – отдала бы за внешность рыжей красотки с декабрьского глянца прошлогодного «Вог». Эта великолепная сволочь висела у Сандры прямо над столом и душой – и без усталости капала кислотой.

Я подошёл к облупленной двери, вырубленной в высокой скучной стене. С завистью поглазел на старый Парижский университет. Готические крыши с побегими башенок, каменная вязь стен, презрительные водолюбивые горгульи. Волшебное здание царило сквозь ажур запущенного сквера – рассадника и прогулочной площадки гениев. В кустах пряталась бронзовая статуя римской волчицы-матери.

Кормящая сука математиков.

Со вздохом повернулся, с отвращением толкнул тугую створку и облился запахом мокрой штукатурки и кошачьей мочи. Вонь такой концентрации ощущалась даже на вкус. О, святые Галуа с Риманом! Помогите мне сегодня!

Кабина лифта долго скрипела – и открылась прямо в кабинет босса.

– А, появился! – с неудовольствием сказал тот. Обычно он не здоровается.

– Здравствуй, мистер Чиф, – я как всегда блеснул воспитанностью. – Итак?

– Я ещё не смотрел твоё доказательство, – сварливо пробурчал Чиф, поправляя жирной ладонью набор волосков на плоской макушке.

«Врёт! – отчётливо понял я. – Смотрел. И не раз».

– Мы договаривались. Если за два дня ошибка не будет найдена... – мне не удалось закончить фразу.

Чиф вскочил, потрясая округлыми кулаками:

– Вон! Иди к чёрту со своей свободой! Работай где хочешь! Хоть в сумасшедшем доме!

Я шмыгнул в лифт. Двери, даже закрывшись, резонировали воплям мистера Чифа:

– Но если хоть раз не выполнишь задание!..

Улыбаюсь во весь рот и танцую в кабине, гулко летящей вниз. «Свободен! Свободен!» Могу работать дома, в кафе, на пляже... хоть сидя на дереве! Уговор есть уговор. Я доказал знаменитую теорему Ферма. Ещё никому не удавалось. Взамен получил свободу от тёмной, вонючей клетки. «Рабочий кабинет». Чудаки.

Вылетел, вырвался на улицу, полную солнечных теней, шелеста шин и щебетания птиц. Размахиваю портфелем, как школьник. Сладкое, острое счастье побега! Закрутил головой: где растратничать свободу? Богатую добычу ночного корпения над старинной загадкой.

Перебежал под деревья напротив, традиционно потрогал отполированные до золота сосцы волчицы, покровительницы местных студентов. На лавочке сидел пушистолысый человек с красными глазами в белёсых ресницах и что-то писал в толстой папке. Математик из соседнего отдела. Вечно изрекает нравоучительные сентенции. Одет в коричневую куртку, мешковатые брюки и старые сандалии. Эйнштейн не носил носков, поэтому половина непризнанных гениев ходят босиком. В надежде.

Математик недовольно поднял глаза на хруст моих шагов:

– Чему ты так радуешься?

– Свободе! – засмеялся я.

– Свобода для тебя заключается в беготне по улицам? Свобода должна быть в голове!

Я хмыкнул, вытащил заготовленный кулёк с зерном и высыпал на землю. Раздался посвистывающий шелест, и со всех сторон к моим ногам слетелась стая птиц. Голуби лихорадочно собирали корм, а им на головы приземлялись всё новые птицы. Вокруг компании крупных сизарей чирикала и нервничала воробьиная мелочь, и я бросил горсть зерён подальше.

Голуби благодарно кипели вокруг меня, кто-то уже наклевался и заушаживал за тёмно-головой подружкой, надувая фальшивую грудь из перьев и призывно урча. Я чувствовал себя богом голубиной планеты. Ласковым голосом, но невежливо, я сказал лысому назидательному математику:

– Надоела мне такая плешивая свобода! – и зашагал в направлении Сены. Давно я не видел Собор при свете дня. И любимый скверик на острове.

Три месяца назад мистер Чиф дал мне официальное задание. Поиск уравнений единого поля. На эту задачу Эйнштейн потратил полжизни. Год за годом, как монета за монетой. Срашивал свою теорию с формулами электрика Максвелла. Уговаривал, заклинал – пока кошелек не опустел. Не срослось и развеялось пеплом над водой.

А идея ведь красивейшая: найти ОДНО уравнение для описания ВСЕЙ физики мира, а заодно – химии и биологии. А может – и любви?

Я галерным рабом сел над задачей. Кажется, что-то заполучалось. И тут из жутковато-тёмных глубин любопытства всплыла проблема-репей. Предположим, я выловлю нужные уравнения, а почему они будут выглядеть так, а не иначе? Чем задаётся дизайн уравнений Максвелла, Эйнштейна и Гейзенберга? Та же задача о сотворении мира, но нарезанная научно: кто заказал законы физики для этого мира? А кто привнёс фундаментальные константы Вселенной? Постоянную Планка, скорость света, гравитационную константу, заряд электрона?

Я доразмышлялся до моста и на середине засмотрелся на подвижную воду. Солнце ослепительно играло с мутной рекой. По Сене дефилировала открытая барка, громко шелестя пыш-

ными белыми усами. Туристы со спины речного кита махали мне руками. Я улыбнулся в ответ и спросил:

– Существует ли мировое уравнение с решениями в виде физических констант?

Старая проблема сэра Эддингтона. Подумал, попрыгал взглядом вместе с солнечными бликами по разведённым кораблём волнам. Каустики горячих отражений от холодных зеркал. Интерференция метаний меж каменных берегов. Тривиальная реинкарнация Сциллы и Харибды.

– Почему мой мир такой? Поражённость уникальностью. Почему из всех мыслимых мирозданий осуществилось именно мое? Послевкусие случайности. А если миров бесконечно или очень много? Моя Вселенная теряет раритетность и становится точкой в многомерном пространстве мировых констант и физических законов. Мощности континуума? Я здесь ломаю костяную коробку. По соседству скребут титановый лоб. Дальше кто-то мнет свой зелёный мешок с мозгами... Никакой избранности, просто случай, который папуасы зовут судьбой: жить в своей точке мира.

Счастлив ли мой жребий?

Это видно только извне.

Это ощутимо только изнутри.

Это субъективно до омерзения.

Группы японских туристов высаживались на берега Сены. Любопытное маджорити центра Парижа.

Я сказал им:

– Инфляционная теория обесценила миры. Размножила их как кроликов и лишила нашу Вселенную ауры уникальности. Взамен предложила скромное очарование антропного принципа. Неравноценная сделка. Добровольно я бы не согласился.

Две школьницы шли по мосту. Цветные рюкзаки, голые животы подростков, сзади кибердоги-охранники. Девочки услышали, что я разговариваю сам с собой, и дружно прыснули. Я вздохнул и покосился глазами на правую набережную. Второй этаж углового здания занят огромной квартирой со старинной мебелью, книгами и картинами. Хозяева не признают штор. Вечерами я искоса наблюдал... – ну, подсматривал, строго говоря, – спокойную интеллигентную жизнь обитателей дома. Семейный ужин за большим столом. Мягкий диван. Читающий газету пожилой мужчина в жилете. Семья. Седьмое непостижимое измерение.

– Ты женишься на мне, если я сяду за твой столик?

– Немедленно, если ты заплатишь за оба кофе!

На каменном парапете Сены букинисты открывали книжные ящики, настораживая крышки-капканы на ранних покупателей.

На острове пританцовывал в тёплом весеннем воздухе Собор с ажурными витражами и тонкими шпилями рук в голубом небе. Дом бога?

Деревья столпились в скверик вокруг святого мрамора, повытаскивали из зимних карманов листья и грели их на солнце.

Славно.

На рабочем экране светился вызов: еженедельное собрание группы. Ещё есть время причесаться. Сандра мысленно перебрала свои грехи – ничего криминального не всплывало на служебную поверхность. Она поправила камеру, пододвинула кожаное кресло ближе к столу. А вдруг руководитель группы будет в хорошем настроении и даст ей разрешение на целых пять минут пребывания в виртуальной реальности?

«Да, раз мечталась! – одернула себя Сандра. – Пять минут... а ещё лучше ужин при свечах и постель в лепестках роз...»

И вдруг эта неожиданная картина так властно захватила её воображение, что Сандра еле вернулась в себя. «Подруга, ты совсем сбрендила, остынь немедленно! Для твоих извращений даже имени ещё не придумано...»

...Сандра непослушными пальцами отключила монитор от пространства совещания. Потом потрогала онемелое лицо и разрыдалась в полный голос. Хорошо иметь отдельный кабинет.

Работать в этот день Сандра уже не смогла. Убежала из ненавистного офиса, добралась до своего дома, но не стала подниматься в квартиру, а закатилась в ближайший монпарнасский бар, наплевав на холодные зашиворотные струйки дождя. Забилась в угол с большим кувшином домашнего вина и стала набираться. Но спокойно погоревать ей не дали – в бар ввалились Джудит и Кэт, две знакомые американки из соседней квартиры. Пристали, техасские репы, – чего сидишь печальная? Никакой деликатности – разве не видно, что человеку нужно побыть одному? Сандра сказала, чтобы отвязаться:

– Думаю – что подарить своему лучшему другу...

Только подлила масла в американское дружелюбие.

– Я специалист по подаркам! – восторженно завизжала Кэт. – Три года работала в «Сервисе счастья» и всё знаю – кому и что надо дарить. День рождения, свадьба, появление первенца – по какому поводу подарок твоему другу?

– По поводу его скорой смерти! – не выдержала Сандра, оттолкнула столик, расплескав кувшин, и убежала из бара.

Возле каменной резной стены Собора тянулся розарий. Жёлтые пахучие розы «Тулуз-Лотрек» – мои любимые. Я сидел в скверике возле Собора, держа в руках привычный карандаш, и печатал в большой тетради четырнадцатым шрифтом. Солнце припекало по-летнему. Когда я уставал от согнутой спины, то поднимался с лавочки и прогуливался вокруг фонтана. В мелкой прогретой воде купались голуби. Мне нравилось смотреть на них. Поразительная незамысловатость поведения существ фантастической сложности.

Мы не понимаем механизма мировой эволюции, и любое животное представляется нам сгустком невероятных физических допущений и счастливейших случайных обстоятельств. Наука уже оценила бесконечные запреты этого мира и поражается тому, как быстро эволюция ухитряется бежать по узким трещинам жёстких ограничений, достигая в конце человека. Динозавры вымерли, и главный пульс эволюции бьётся не над созданием полуметровых зубов и когтей, а над внутренней перестройкой комка сверхсложного серого вещества. Культурная эволюция человечества повторяет биологическую. Чем быстрее прогресс нашей цивилизации, тем менее он заметен внешне. Гигантские достижения пакуются в маленькие коробочки. А в другой корзинке ярко громоздятся мыльные пузыри сверхсветовых полётов, путешествий во времени, волшебных измерений и прочей фантастической алхимии.

Увы, чудес на свете нет!

И хорошо.

Научный подход к миротворению с лёгким звоном сталкивался в моей голове с гипотезой о сверхсуществах, создавших мир-вольер для человечества. Смотрят *сверху* и обсуждают. А мы разве не разводим голубей и кроликов? Может, *там* не боги, а просто наблюдатели? Интересно, могут ли *сверху* читаться мои мысли? Грянет ли с весеннего неба молния и поразит ли меня, многогрешного лабораторного грызуна?

Бред! Я не верю в религиозные непознаваемые ипостаси и в существование безмерно могучих цивилизаций, способных создать Вселенную из ста миллиардов галактик. Да хоть одну галактику. На сто миллиардов звёзд каждая. Ха! Я задрал голову и посмотрел на знакомого

жёлтого карлика. Два на десять в тридцать третьей. Граммов. Если тонн – то в двадцать седьмой. И чтобы спокойно грело десять миллиардов лет. Ищем проектировщиков с гарантией.

Но мой математический атеизм не хотел подпираться ВЕРОЙ в отсутствие бога. Вот я и сформулировал:

Теорема 1. Богов или их аналогов нет.

Теорема 2. Боги или их аналоги есть.

Теорема 3. Ни то ни другое доказать невозможно.

И да разрешит мне святой Гёдель доказать любую из этих теорем! Пока подступов не видно. Не страшно. Любая задача сначала кажется безнадёжной, но если хорошенько поморщить мозги, то решение обычно находится. Например: любое сверхъестественное явление стало бы доказательством Второй Теоремы. Но сверхнатуральное должно быть безоговорочным. Личные послания богов тонут в мозговом шуме людского безумия.

Я коллекционировал из книг потенциальные доказательства существования творца мира. Красивая идея: бог оставил людям сообщение, зашифрованное в длинном ряде цифр безразмерной математической константы вроде числа пи. Надо повозиться с этим святым числом... Может ли узор далеких галактик, звёзд, флуктуаций реликтового излучения составить артефакт? Космические паттерны в виде лиц, слов или знаков?

Иногда я думал про себя: «Ты – псих! Мир реален и логичен. Наука успешно ломает ледники тайн и вскрывает погребя загадок. Скоро закономерно естественная тайна бытия будет раскрыта и станет упражнением в школьном учебнике. Будь осторожен, а то проснёшься солипсистом в доме скорби».

Я сильно ущипнул себя за руку и зашипел от боли. Является ли это шипение свидетельством реальности мира вокруг меня?

Где найти доказательство Первой Теоремы? Чтобы жить дальше царём природы. Мой личный пунктик. Остальные живут, не думая о происхождении мира. Просто лихорадочно пытаются забираться повыше в априори заданном коллективном лабиринте беличьего колеса.

Как жить, если докажется Вторая Теорема – я пока не думал. Только параноики запасаются консервами, опасаясь нашествия марсиан.

Я был бы рад и доказательству Третьей Теоремы, чтобы с облегчением плюнуть на первые две.

Сегодня я с ржавым скрипом фокусировался на работе. Удивительный день. Утром я обычно сидел в браззерии, пил кофе с роголиком и ждал её появления. И случилось чудо. Она не прошла мимо, как обычно, а остановилась прямо передо мной. Я вскочил на ноги неловким разъявой и опрокинул стул. А она сказала: «Здравствуй, Адам!» – и протянула мне руку. Я торопливо пожал прохладную узкую ладонь, и мы в первый раз заговорили без ограничений на количество реплик. Её имя было – СИМОНА, и она оказалась нестерпимо милой. Я чуть не задымился от счастья, пока беседовал с ней. Она предложила встретиться в полдень в скверике у Собора! А на прощание она поцеловала меня! Сама! Нежно и долго – как в кино. И ещё добавила: «Увидимся через три часа, милый Адам!»

Невероятно! Я с горящим лицом смотрел вслед.

Сегодня Симона надела короткое узкое чёрное платье. Девушка шла вверх по улице, и её ноги напрягались сильнее обычного. Стройная нога в чулке телесного цвета с тонкой вертикальной полоской ставит туфельку на тротуар... каблук скрежещет по мелким камням, тоскливо живущим в толще асфальта... девушка уверенно переносит вес на каблук, бедро пружинит и подаётся в сторону... отставшая нога грациозно встаёт на носок... рука устремляется вперёд, охватывает, поглаживает пространство и отправляет его назад, в прошлое... талия изгибается, а волосы колыхаются волной от плеча к плечу.

На очередном шаге Симона чуть повернула голову. В обрамлении пушистых волос – её щека и ресницы, прячущие лукавый глаз. Поворот был необязателен – это просто привет, приглашение полюбоваться собой... Я не знаю, как это назвать, и можно ли это классифицировать, но каждый восхитительный шаг Симоны отдавался в моей груди певучим ударом тонкой бронзы...

Я вскочил на ноги, отбросил тетрадь и взволнованно зашагал вокруг фонтана, щурясь от ослепительного солнца и блеска крупных зёрен песка на дорожке сквера. Начинается невероятно счастливая жизнь. Конец сычиному одиночеству.

Придумал! Мы пойдём с Симоной в мою любимую «Таверну» на Монмартре. Там вкусный киш-лорен и очень уютно. Особенно у стеклянной стены с цветами.

«Потом мы можем зайти ко мне, выпить рюмочку коллекционного монтраше... – Мое сердце гулко колотилось от наплывающих видений. – О, Симона...»

Калитка сквера стукнула. Она! Каблучки Симоны хрустели гравием всё ближе. О боги, за какие заслуги мне выпал жребий такой удачи?

Когда улыбающаяся Симона подошла совсем близко, из руки фонтанного святого вырвался огненный шар и ударил девушку в лицо. Я вскрикнул от ужаса.

Чистый лоб Симоны обуглился, свежая щека превратилась в дымящуюся язву, в которой виднелись пронзительно белые зубы. Лицо покрылось трещинами, которые быстро распространились на всё тело, волосы и даже одежду.

В следующее мгновение Симона рассыпалась на осколки, которые со звенящим шелестом рухнули на землю.

Рождественская игрушка разбилась о каменный пол и превратилась в лужицу блестящих кусочков.

Я упал на колени и закричал так, что не услышал своего крика. С гравия на меня укоризненно глянул уголок голубого глаза...

...и я, задыхаясь, проснулся сидящим на лавочке сквера. Сердце трепетало пойманным воробьём, волосы слиплись от пота. Солнце светило прямо в глаза. Я закрыл лицо руками:

– Господи, мне ещё никогда не снился такой жуткий кошмар!

Люди сидели, степенно беседовали, двигали шахматы. Девочка лет семи дразнила белую лохматую собачку. Статуя святого смотрела неподвижно и строго. Ребёнок схватил болонку за поводок и подбежал к моей лавочке. Я с острым наслаждением переводил дыхание, освобождаясь от остатков кошмара.

– Слушай внимательно, Адам! – тоненьким голосом и с милой стеснительной гримаской сказала девочка в синем сарафанчике. – У меня мало времени...

Ребёнок не успел договорить. Раздался лязг и скрип тормозов. Проломив чугунную ограду сквера, на аллею влетел зелёный грузовик-мусорщик. Скорость времени замедлилась.

Я всё отчётливо видел, но сделать ничего не мог. Мчащийся вонючий гигант сбил девочку. Её голова ударилась о радиатор, а тело забросило на бампер.

В следующую секунду грузовик оказался у каменного парапета, с грохотом проломил его и в облаке пыли рухнул в Сену. Я не видел ни реку, ни падение механического монстра, но столб брызг взлетел выше деревьев.

На аллее осталась лишь болонка, красно-белой лепёшкой вдавленная в глубокую колею тяжёлого колеса. Собачья шерсть дымилась и быстро испарялась.

И вот передо мной остался лишь скелет, но не из обычных костей, а из ровных белых палочек. Только сейчас я смог открыть прикушенный рот, чтобы закричать...

...и снова проснулся на скамейке. В мокрой от пота рубашке и в совершенном нервном раздрыге. Я схожу с ума! Такого ещё никогда не было. Сон во сне?

Сквер был тих, решетки целы, вполне живая девочка прыгала по земле какими-то сложными способами. Белой собаки не было видно, но могла же она убежать за бабочкой?

Я вскочил на ноги и стал быстро ходить вокруг фонтана. Не дай боже, ещё раз засну на солнцепёке. Скорее бы Симона пришла... сердце не могло расстаться с тревогой.

Вдруг всё потемнело. Как будто кто-то выключил солнце.

Ледяная волна окатила меня, и я вскинул голову вверх. Солнце не совсем погасло, но светило еле-еле, тёмно-багровым карликом. Вдруг его диск стал быстро расти и разбухал нарывом до тех пор, пока не занял полнеба – жуткий, рдеющий, как лужа засыхающей венозной крови. Я был не в силах стоять и сел, просто рухнул, на землю. Острый гравий взрезал ладони.

И началось самое страшное: на диске солнца, одна за другой, стали возникать крупные чёрные буквы, выстраиваясь в строчки. Как будто Всевышний печатал на космической клавиатуре.

Ни мозг, ни мои глаза не были готовы воспринимать чёрное послание с распухшего багрового солнца, но строки не исчезали, а накапливались и всасывались ядом в мозг. Письмо было сумасшедшее и логичное одновременно. Я зажмурил глаза и закричал:

– КТО ТЫ? БОГ?

Солнце пробивало багровым даже сквозь закрытые веки.

– НЕТ, Я ПРОСТО ПРОГРАММИСТ. МЕНЯ ЗОВУТ САНДРА, – ответила чёрная строка моим раздёрнутым глазам. Солнце помолчало и добавило: – Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

И небесный нарыв лопнул как мыльный пузырь. Остался маленький огарок, который быстро раскалился в обычное солнце. В обычную лампочку в инкубаторе.

Я оглядел осветившийся мир безумными глазами. Люди спокойно сидели на лавочках, закусывали, целовались, смеялись. Маленькая светловолосая девочка рисовала прутиком таинственные узоры на дорожке, голуби объяснялись в любви на мраморных цветах фонтана. Мир был, как всегда, реален. Как всегда – лжив.

«Ты спрашивал себя: кто создал этот мир? Есть ли какая-то цель у вечного круговорота жизни? Сейчас ты всё узнал. Но Вторая Теорема ещё не доказана. Осталась последняя надежда – сумасшествие».

Я вскочил на ноги и помчался вдоль аллеи. Я бежал и с отчаивающимся сердцем видел, что мир изменился. Солнце с ясного неба светило тускло, а люди перестали замечать меня – взъерошенного, летящего сломя голову. И никто, никто больше не отбрасывал тени! Даже я сам.

Мир без теней стал похож на плоскую картинку: я загнанно метался по рисованному комиксу. «Нет, нет! Я пересидел над задачами или отравился. Это галлюцинация!» Трезвый голос сказал: «Совершенно верно! Тебе только что объяснили, что твой мир – одна большая галлюцинация!» Я подбежал к длинному хвосту туристов, змеей вьющемуся возле Собора.

Анаконда любопытства медленно вползала по лестнице на соборный верх. Я грубо толкал всех, но никто не обижался. Люди разговаривали друг с другом и просто отстранялись от меня, спокойно улыбаясь. Не замечали, не замечали!

Я долго карабкался наверх по крутой лестнице и, задыхаясь, с металлическим кровавым вкусом во рту, выскочил на пустой балкон. «Где люди? Куда же стоит эта очередь?»

Холодный ветер с силой дунул в лицо и смел шелуху посторонних мыслей. Я забрался на край барьера, посмотрел вниз. Ветер трепал мой пыльный чёрный плащ, как пиратский флаг, выхлопывая хохочущие звуки. На далекой беспощадной площади, вымощенной тесаным камнем, ходили люди и голуби. Никто не смотрел вверх.

– Если я безумен, то будет удар! Это хорошо – я умру сумасшедшим, но человеком! – крикнул я в пространство.

– Если же Программист Sandra права... – я задохнулся от гнева, – то удара и смерти не будет. Потому что... я просто серый комок мозга. Я плаваю в аквариуме со сладким сиропом

и развлекаю Верхних Людей! И нет никакого мира вокруг меня, нет прекрасной Симоны и родного Парижа, нет меня самого... Верхние Люди – убийцы! Они убили всех вокруг меня! Всё вокруг – ложь! Патентованная псевдореальность, окрашенная тьма, рассчитанная на простака... на меня.

Мне внимали только два испуганных голубя на балконе. Я вдруг был поражён и оскорблён мыслью о том, что никогда не выходил и не выезжал за пределы центра Парижа. Латинский квартал, Лувр и Монмартр были моей планетой, на которой я прожил всю жизнь. Длинную или короткую? Я уже не знал – сколько мне лет. Но сейчас я во всём разберусь.

– Первая Теорема! – крикнул я. – Смерть как доказательство!

Мое сопротивляющееся тело стало медленно, но неудержимо падать вперёд, продавливая плотный ветер. Секунда – и бормочущий воздух расступился, взвыл торжествующей толпой, и я провалился головой вниз.

Площадь радостно ринулась ко мне навстречу. Ледяная скорость раздирала тело.

«Должен быть удар, должен! – Ужас и надежда вопили во мне. – Скорей!»

Я уже различал отдельные булыжники.

Оглушительная каменная пощечина!

Хруст и боль. О боги, какая боль...

Руководитель нейронаучной группы корпорации «ЗороастрИнк» смотрел на испуганного заместителя и ждал.

– Она казалась вполне стабильной, – блеял тот, – совершенно не понимаю, что на неё нашло.

– Нет никаких сомнений, что это сделала она? – холодным голосом спросил руководитель.

– Абсолютно точно! – пискнул заместитель. – Текст письма найден в её компьютере. Сама Сандра куда-то исчезла, мы нигде не можем её разыскать...

– Дайте мне это письмо и сообщите службе безопасности. Они знают, что делать в таких случаях. Пусть сами ищут эту Сандру... – И он брезгливо отпустил заместителя.

На экране появились крупные строчки – чёрные на багровом фоне.

«Адам, не пугайся! Сегодня я дежурю по твоему миру. Это я написала девушку Симону. Тебе она нравилась? Я решила, что ты должен знать всё...»

– Идиотка! – усмехнулся руководитель. – От такого письма не только испугаешься, а разом сдвинешься!

«Что и произошло, – подумал он рассеянно, дочитывая взбалмошное письмо Сандры. – Объект решил покончить с жизнью, бросился с высоты в своей виртуальной реальности... Компьютер-надзиратель выдал ему болевой шок, не убивая, конечно. Объект очнулся и сразу всё понял. Сообразителен! Но не выдержал правды и сошёл с ума. Повредил свой мозг – единственное, что у него было материальным.

Получился интересный эксперимент за минимальную цену. Всё равно „Адам“, как звали программисты эту биосистему, уже шёл на списание. Но поведение мозга в экстремальных условиях оказалось неожиданным... может, ещё пару таких испытаний провести?

Кажется, мои учёные тихо экспериментировали с мужскими гормонами... И вкладывали в бизнес слишком много эмоций. Вот почему Сандра так остро реагировала на выговор о слабом контроле над системой... „Адам просто любопытен... психотропики искажают естественную мозговую активность... мы близки к успеху мягкими средствами...“»

«Я четко спланировал эксперимент! – похвалил себя руководитель. – Как вытянулись лица у моих научных сотрудников от новости про теломеразные часы и про то, что „Адам“ доживает последние дни согласно генетическому техзаданию. И спорить не о чем, потому что

сделать ничего нельзя: генетическая бомба естественной смерти – она сильнее всех желаний живущих...»

Руководитель потянулся и откинулся на спинку кресла.

И почему эти доктора философии никогда не видят за деревьями леса?

Он улыбнулся, показав превосходные зубы, и напористо-вкрадчиво заговорил:

– Дамы и господа! Наши клоновые системы соединяют в себе лучшие качества компьютера и человеческого мозга. Широчайший спектр использования – от домашних управляющих до военных астронавтов. Наш мозг-пилот, не имеющий сердца, выдерживает ускорения в двадцать – тридцать же, а его реакция в два раза быстрее, чем у людей-космонавтов!

Система портативна и работает на простом сахарном растворе. Четкая инструкция по поощрению и наказанию прилагается. Главное – не нажимать обе кнопки сразу! Супермозг будет работать на вас всё время, пока не спит. Двадцать часов в сутки без профсоюзных капризов и выходных.

Научный ай-кью наших клономозгов зашкаливает за двести единиц. При всех способностях к анализу наши интеллектуальные системы не личности, а просто биокомпьютеры, послушные сверхумные кролики, готовые решать сложные задачи за воображаемую морковку.

Интеллектуальный вектор систем полностью контролируется. Испытанные препараты выжигают блуждающее любопытство. Наши мозговые системы чрезвычайно эффективны, предельно лояльны и химически жёстко мотивированы...

Это революция, дорогие инвесторы! Революция в индустрии и науке, в медицине и космосе, в атомной промышленности и военном деле. Новый скачок для человеческой цивилизации и очень! очень! очень! высокий доход по акциям «ЗороастрИнк»!

Руководитель группы замолчал, и с его лица с жестяным лязгом соскользнула улыбка. На её месте мягко вылепилась благородно-сочувствующая мина.

– Уважаемые конгрессвумены и конгрессмены! Миллионы людей страдают от умственной неполноценности и дефектов нервной системы... Кто-то раздумывает об этичности наших экспериментов? Посмотрите в глаза больных синдромом Дауна. Мы обещаем, что на этих лицах появится умное выражение взрослого интеллекта!

Посмотрите на паралитиков – с дёргающимися головами, прикованных к коляскам. Мы освободим их от пыточных кресел – они смогут, отбросив костыли, бегать, петь и обнимать своих близких! Посмотрите на слепых детей, живущих в вечном мраке. От вас зависит – появятся ли в их прозревших глазах слёзы благодарности к вам.

Миниатюрные клоноблоки будут подключаться к головному или спинному мозгу пациентов и возвращать их к полноценной жизни. Если кто-то беспокоится о правах ещё не созданных клонов – пусть лучше подумает о праве на нормальное человеческое счастье для миллионов уже родившихся людей-инвалидов!

Мудрая полуулыбка руководителя сползла с физиономии жидкой манной кашей, обнажив жёсткое лицо с плотно сжатыми губами. Быстрая перемена убедительных масок пропитывала воздух тревогой.

Самолёт снижался над равниной, многоглазой от синих озёр, монетно переворачивающихся вблизи мутно-глинистыми прудами. Сандра кривилась в иллюминатор: девственная земля индейцев была аккуратно выхолощена – зарешёчена асфальтовыми шоссе и улицами, придавлена пригородными домами-кирпичами и прибита гвоздями деловых небоскрёбов. Сандра заметила, что её стало мутить от зрелища окультуренной среды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.